

ЧЕЛОВЕК: ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

2020. Т. 28(1–4). № 1

ISSN 1999-9917

Научный журнал.

Издается с июля 1993 г. Выходит четыре раза в год.

Учредитель – [федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» \(Академия ФСИН России\)](#).

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ [ПИ № ФС 77-74889 от 11.02.2019](#).

Главный редактор [А. А. Крымов](#)

Адрес редакции, издателя, типографии: 390000, Рязань, ул. Сенная, д. 1.
E-mail: editor62@yandex.ru. Тел.: (4912) 93-82-42.

<https://mcp.editorum.ru>

Дата выхода в свет 30.03.2020. Цена свободная.

Распространяется на территории Российской Федерации и зарубежных стран.

Подписные индексы:
объединенный каталог «Пресса России» – 73800;
интернет-каталог «Российская периодика» (www.agrk.org) – [73800](#).

Все права защищены.

Перепечатка материалов только с разрешения редакции журнала.
Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.
За содержание рекламных материалов редакция ответственности не несет.
Авторские материалы рецензируются и не возвращаются.

Индексация:

[Российский индекс научного цитирования;](#)
[КиберЛенинка;](#)
[Перечень рецензируемых научных изданий,](#)
[в которых должны быть опубликованы основные научные результаты](#)
[диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,](#)
[на соискание ученой степени доктора наук.](#)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Крымов Александр Александрович,
главный редактор, доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Аксенова Галина Ивановна,
доктор психологических наук, профессор (Россия, Рязань)

Антонян Юрий Миранович,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Блинков Олег Евгеньевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Гаврилов Борис Яковлевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Кашуба Юрий Анатольевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Лебедев Семен Яковлевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Наумов Анатолий Валентинович,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Огородников Владимир Иванович,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Плешаков Владимир Алексеевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Поздняков Вячеслав Михайлович,
доктор психологических наук, профессор (Россия, Москва)

Полищук Николай Иванович,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Поникаров Владимир Анатольевич,
доктор юридических наук, доцент (Россия, Рязань)

Ромашов Роман Анатольевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Старостин Сергей Алексеевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Сухов Анатолий Николаевич,
доктор психологических наук, профессор (Россия, Рязань)

Тюгаева Нина Алексеевна,
доктор педагогических наук, профессор (Россия, Рязань)

Черемисова Ирина Валерьяновна,
доктор психологических наук, доцент (Россия, Волгоград)

Черный Евгений Владимирович,
доктор психологических наук, доцент (Россия, Волгоград)

Чистяков Алексей Алексеевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Шаталов Александр Семенович,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Юнусов Абдулжабар Агабалаевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

EDITORIAL BOARD

- Krymov Aleksandr Aleksandrovich,**
Editor-in-chief, Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Aksenova Galina Ivanovna,**
Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Antonjan Jurij Miranovich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Blinkov Oleg Evgen'evich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Gavrilov Boris Jakovlevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Kashuba Jurij Anatol'evich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Lebedev Semen Jakovlevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Naumov Anatolij Valentinovich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Ogorodnikov Vladimir Ivanovich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Pleshakov Vladimir Alekseevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Pozdnjakov Vjacheslav Mihajlovich,**
Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Polishhuk Nikolaj Ivanovich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Ponikarov Vladimir Anatol'evich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Romashov Roman Anatol'evich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, St. Petersburg)
- Starostin Sergej Alekseevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Suhov Anatolij Nikolaevich,**
Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Tjugaeva Nina Alekseevna,**
Doctor of Pedagogic Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Cheremisova Irina Valer'janovna,**
Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor (Russia, Volgograd)
- Chernyj Evgenij Vladimirovich,**
Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor (Russia, Simferopol)
- Chistjakov Aleksej Alekseevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Shatalov Aleksandr Semenovich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Junusov Abdulzhabar Agabalaevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)

ПОЛИТИКА ЖУРНАЛА / JOURNAL POLICY

Миссия журнала

В фокусе приоритетного внимания любого государства постоянно находится проблема преступности. Она очень давняя и чрезвычайно серьезная, в силу этого постоянно требует научного осмысления. Разумный человек всегда властен над своими поступками. Но иногда, особенно в условиях социальной неустроенности, разламывающих общество противоречий и конфликтов, он совершает поступки, противоречащие закону. Предупредить, уберечь, помочь – в этом и состоит цель, во имя и ради которой создан журнал «Человек: преступление и наказание». Слово «человек» в его наименовании не является терминологической новацией. Человек в сфере действия уголовной юстиции в широком смысле – вот магистральная и основная проблематика журнала. К ее освещению и раскрытию во всем многообразии возможных аспектов приглашаются правоведаы, управленцы, психологи, педагоги, философы, социологи, религиозные деятели, медики-психиатры – все, кого интересуют и волнуют человеческие проблемы в таком их специфическом понимании. Важными направлениями деятельности журнала являются публикация результатов междисциплинарных исследований по вопросам модернизации систем исполнения наказаний, уголовно-исполнительной политики, участия в этом процессе гражданского общества, защиты прав и законных интересов осужденных, объединение усилий ученых различных стран в решении общих пенитенциарных проблем.

Периодичность

4 выпуска в год.

Принципы работы редакции

научно обоснованный подход к отбору, рецензированию и размещению публикаций; свободный открытый доступ к результатам исследований, использованным данным, который способствует увеличению глобального обмена знаниями; соблюдение международных этических редакционных правил.

Journal mission

The problem of crime is always in the focus of priority attention of any state. It is very old and extremely serious, that is why it constantly requires scientific understanding. A reasonable man can always control his actions. But sometimes, especially in conditions of social disorder, breaking the society of contradictions and conflicts, he commits acts against the law. To warn, to protect, to help is the purpose for which the journal “Man: crime and punishment” was created. The word “man” is not a terminological innovation. A man in the sphere of criminal justice in a broad sense is the main problem of the journal. Lawyers, managers, psychologists, teachers, philosophers, sociologists, religious leaders, physicians, psychiatrists and all who are interested and concerned about human problems in such specific understanding are invited to cover and disclose it in a variety of possible aspects. Important activities of the journal are the publication of the interdisciplinary research results on the modernization of penal systems, penal policy, participation of civil society in this process, the protection of the rights and legitimate interests of convicts and combining the efforts of scientists from different countries in solving common prison problems.

Publication Frequency

Quarterly

Principles of editorial work

scientifically proven approach to selection, review and publication placement; free and open access to research results, used data, which contributes to increasing of global knowledge exchange; compliance with international ethical editorial rules.

ПОЛИТИКА ЖУРНАЛА / JOURNAL POLICY

Плата за публикацию

Публикация в журнале бесплатна. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

Авторские права

Авторы, публикующие статьи в журнале, сохраняют за собой авторские права и предоставляют журналу право первой публикации работы, которая после публикации автоматически лицензируется на условиях [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](#), позволяющей другим распространять данную работу с обязательным сохранением ссылок на авторов оригинальной работы и оригинальную публикацию в журнале.

Политика свободного доступа

Журнал предоставляет непосредственный открытый доступ к своему контенту, исходя из следующего принципа: свободный открытый доступ к результатам исследований способствует увеличению глобального обмена знаниями.

Publication fee

Publication in the journal is free. The editors do not charge authors for preparation, placement and printing of materials.

Copyright

Authors who publish articles in the journal retain copyright and grant the journal the right to publish the material for the first time, which is automatically licensed after publication on the terms of [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](#). It allows others to distribute this work with the obligatory preservation of references to the authors of the original work and the original publication in the journal.

Free access policy

The journal provides direct open access to its content based on the following principle: free open access to research results contributes to increasing of global knowledge exchange.

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

Редакция принимает статьи по электронной почте (editor62@yandex.ru) на русском или английском языке при соблюдении следующих требований.

Заглавие

Не более 10–12 слов. Не допускается использование аббревиатур и формул.

Сведения об авторах

Фамилия, имя, отчество приводятся полностью, без сокращений. Редакция рекомендует единообразное написание транслитерации ФИО. Редакция использует при транслитерации ФИО стандарт BSI с интернет-сайта <http://translit.net>.

Аффилиация (принадлежность автора к определенной организации). Указываются: организация (место основной работы) – название согласно уставу организации; город – полное официальное название; страна – полное официальное название.

Должность указывается полностью, без сокращений. Адъюнктам, аспирантам, докторантам и соискателям необходимо указывать свой статус и кафедру, к которой они прикреплены, полностью, без сокращений.

Ученые звание и степень указываются полностью, без сокращений.

Индивидуальные номера авторов в системах ORCID, Scopus Author ID.

Контактная информация – e-mail (публикуется в журнале).

Аннотация

Объем: от 250 до 400 слов, определяется содержанием статьи. Включает в себя характеристику темы, объекта, целей, методов и материалов исследования, а также результаты и главные выводы исследования. Целесообразно указать, что нового несет в себе научная статья. Не допускаются аббревиатуры, впервые вводимые термины (в том числе неологизмы). Для статей на русском языке рекомендуется пользоваться ГОСТ 7.9–95 «Реферат и аннотация. Общие требования».

Ключевые слова

5–10 слов и (или) словосочетаний. Должны отражать тему, цель и объект исследования.

Текст статьи (объем, структура)

Объем от 40 000 до 60 000 печатных знаков с пробелами. Редакция рекомендует использовать структуру IMRAD для оформления статьи с выделением следующих частей: введение (Introduction); методы (Materials and Methods); результаты (Results); обсуждение (Discussion). Каждая часть должна иметь заголовок (примерно до 5 слов). Данная структура является опорной и может быть адаптирована (расширена и (или) более детализирована) в зависимости от особенностей и логики проведенной исследовательской работы.

Текст статьи (оформление)

Текстовый редактор – MS Word. Поля – 2 см. Шрифт – Times New Roman 14 пт. Интервал – 1,5. Выравнивание – по ширине. Абзацный отступ – 1,25 см. Нумерация страниц – сверху по центру.

Ссылки в тексте

Приводятся по тексту статьи в квадратных скобках [1, с. 2; 4, с. 7–9], [8, т. 1, с. 216; 9, ч. 2, с. 27–30], нумеруются согласно литературе.

Ссылки на собственные публикации не рекомендуются.

Библиографический список

Оформление по ГОСТ Р 7.05-2008.

Смирнов П. В. Название : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. 276 с.

Петров С. Ю., Иванов Р. Б. Название // Название журнала. 2019. № 3. С. 17–19. URL : www.nazvanie.ru (дата обращения: 15.01.2019).

Источники приводятся в порядке их цитирования и не повторяются. У статей указывается интервал страниц (С. 54–59), у книг – общее количество страниц (542 с.).

ARTICLE REQUIREMENTS

The Editorial Board accepts articles by e-mail editor62@yandex.ru in Russian or English, with the observance of the following requirements.

Title

Up to 10–12 words. Abbreviations and formulas in the title of an article are not allowed.

Information about authors

Names are given in full, without abbreviations. The editorial office recommends the uniform spelling of names' transliteration in all articles of the author. The editors transliterate names according to the standard BSI from website <http://translit.net>.

Affiliation. Author's full affiliation (including position, name of the department, faculty and university, address and e-mail address). If the author affiliates him/herself with a public organization or institution, please, supply adequate information on the organization's full title and address.

The position is indicated in full, without abbreviations. Adjuncts, graduate students, doctoral students and applicants must indicate their status and the department to which they are attached, in full, without abbreviations.

Academic title and degree are indicated in full, without abbreviations.

Individual numbers of authors in the following database systems: ORCID, ResearcherID, Scopus Author ID.

An abstract

250–400 words, determined by the content of the article. It includes the characteristics of the researched problem, objectives, research methods and materials of the study, as well as the results and main conclusions of the study. It is advisable to point out the main scientific result of the work. Unencrypted abbreviations, for the first time entered terms (including neologisms) are not allowed. For articles in Russian language it is recommended to use the Interstate standard 7.9–95 «Summary and abstract. General requirements».

Keywords

5–10 words or phrases. The list of basic concepts and categories used to describe the problem under study.

Main body of the article

Structure. The body of the text should be divided into meaningful sections with individual headings (1–5 words) to disclose the essence of this section. Every article should contain Conclusions, where the author(s) are expected to ground meaningful inferences. Implications for a future research might also find their place in Conclusions. The Editorial Board recommends using the IMRAD structure for the article. This structure is reference and can be adapted (expanded and (or) more detailed) depending on the characteristics and logic of the research.

Text of the article (design)

The text may contain tables and figures, which should have separate numbering (one numbering system for tables; another – for figures). They should be placed in the text at the appropriate paragraph (just after its reference).

References in text

References must be in Harvard style. References should be clearly cited in the body of the text, e.g. (Smith, 2006) or (Smith, 2006, p. 45), if an exact quotation is being used.

Excessive and unreasonable quoting is not allowed. Self-citations are not recommended.

Bibliographic list

At the end of the paper the author(s) should present full References in the alphabetical order as follows:

Sources are given in the order of their citation in the text (not alphabetically) and are not repeated. Interval of pages of scientific articles and parts of books must be indicated (pp. 54–59), and in monographs, textbooks, etc. – the total number of pages in the publication (p. 542).

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНЫЙ ФОРУМ

- 12 *Лапшин В. Ф., Корнеев С. А.* Эволюция доктринального определения места уголовного наказания и иных мер уголовно-правового характера в структуре уголовно-правового воздействия
- 24 *Смирнов А. М.* К вопросу о правовых факторах, снижающих эффективность предупредительной функции Уголовного кодекса Российской Федерации

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

- 32 *Амуртаева Д. Т., Шаяхметов Ш. Ш.* Проблемы применения пробационного контроля в Республике Казахстан
- 38 *Воробьев Ю. А., Егорова Т. И.* Предупредительные меры, сопряженные с лишением свободы: современная практика применения в Австрийской Республике
- 44 *Павленко А. А.* Состояние здоровья осужденных как элемент процедуры привлечения их к труду в странах Содружества Независимых Государств
- 51 *Жолдаскалиев С. М.* К вопросу о повышении эффективности деятельности службы пробации в Республике Казахстан

ЛИНЗА ВРЕМЕНИ

- 56 *Хармаев Ю. В.* Особенности применения наказания без изоляции от общества («химии») в Восточной Сибири в середине 1960-х годов в контексте современного применения принудительных работ

ВЕКТОР УПРАВЛЕНИЯ

- 62 *Чернышов И. Н.* Структура управления исправительным центром: принципы построения и направления изменений

TABLE OF CONTENTS AND ABSTRACTS

SCIENCE FORUM

- 134** *Lapshin V. F., Korneev S. A.* Evolution of the doctrinal definition of place of criminal punishment and other measures of criminal legal nature in the structure of criminal legal impact
- 136** *Smirnov A. M.* On the issue of legal factors that reduce effectiveness of the preventive function of the Criminal code of the Russian Federation

ABROAD

- 137** *Amurtaeva D. T., Shayakhmetov Sh. Sh.* Problems of probation control using in the Republic of Kazakhstan
- 138** *Vorob'ev Yu. A., Egorova T. I.* Preventive measures involving deprivation of liberty: current practice in the Republic of Austria
- 139** *Pavlenko A. A.* The state of convicts' health as an element of the procedure for attracting them to work in the CIS countries
- 141** *Zholdaskaliyev S. M.* On the issue of efficiency improving of the probation service in the Republic of Kazakhstan

TIME LENS

- 141** *Kharmaev Yu. V.* Features of the use of punishment without isolation from society («chemistry») in Eastern Siberia in the mid-60s of XX century in the context of modern use of forced labor

MANAGEMENT VECTOR

- 143** *Chernyshov I. N.* Management structure of the correctional center: principles of construction and direction of changes

ПРЕСТУПЛЕНИЕ – НАКАЗАНИЕ – ИСПРАВЛЕНИЕ

- 72** *Родионов А. В., Пичугин О. А.* Организационно-правовые проблемы привлечения к коллективной материальной ответственности осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, за ущерб, причиненный ими при исполнении трудовых обязанностей
- 79** *Румянцев Н. В., Шамсунов С. Х.* Некоторые вопросы противодействия распространению идеологии религиозного экстремизма и террористической угрозы в современных условиях: опыт и проблемы правового регулирования
- 85** *Харитонович Е. Д.* Осуществление контроля за поведением осужденных, страдающих различными видами заболеваний, отбывающих наказания, не связанные с изоляцией от общества

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОИСК

- 91** *Васильева К. К.* Концепция системного воспитательного воздействия на осужденного и его ресоциализации (опыт исправительных учреждений Кировской области)
- 99** *Воронин Р. М., Огородников В. И., Воробьев С. М.* Организационно-психологические аспекты профессиональной деформации сотрудников уголовно-исполнительной системы
- 105** *Киселев А. М., Кулешов М. А.* О формировании готовности персонала к действиям при чрезвычайных обстоятельствах
- 113** *Сидорова Н. И., Гапонова С. А., Шмелева Е. А.* Психолого-педагогические особенности общения как формы учебного сотрудничества с иностранными слушателями (опыт Академии ФСИН России)
- 120** *Скрипкина Т. П., Волоткевич О. В.* Эмпирическое исследование антиципационных способностей у несовершеннолетних осужденных без лишения свободы
- 128** *Фомин В. В.* К вопросу о профессиональной компетенции сотрудников правоохранительных органов

CRIME – PUNISHMENT – CORRECTION

- 144** *Rodionov A. V., Pichugin O. A.* Organizational and legal problems of bringing to collective financial responsibility of convicts serving a sentence of imprisonment for damage, caused by them during implementation of their labor duties
- 146** *Rumyantsev N. V., Shamsunov S. Kh.* Some issues of countering ideology spread of religious extremism and terrorist threat in modern conditions: experience and problems of legal regulation
- 147** *Kharitonovich E. D.* Monitoring the behavior of convicts suffering from various types of diseases, serving sentences not related to isolation from society

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SEARCH

- 148** *Vasil'eva K. K.* The concept of systemic educational impact on convicts and their resocialization (experience of correctional institutions of the Kirov region)
- 149** *Voronin R. M., Ogorodnikov V. I., Vorob'ev S. M.* Organizational and psychological aspects of professional deformation of the Penal system's employees
- 150** *Kiselev A. M., Kuleshov M. A.* About formation of personnel' readiness for actions in emergency circumstances
- 151** *Sidorova N. I., Gaponova S. A., Shmeleva E. A.* Psychological and pedagogical features of communication as a form of educational cooperation with foreign students (experience of the Academy of the FPS of Russia)
- 153** *Skripkina T. P., Volotkevich O. V.* An empirical study of anticipation abilities among juveniles convicted without deprivation of liberty
- 154** *Fomin V. V.* On the issue of professional competence of law enforcement officers

УДК 343.241

DOI 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).1.012-023

ВАЛЕРИЙ ФЕДОРОВИЧ ЛАПШИН,

доктор юридических наук, доцент,
начальник кафедры уголовного права,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: kapitan-44@yandex.ru;

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ КОРНЕЕВ,

адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: kornei_lam@mail.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ДОКТРИНАЛЬНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ МЕСТА УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ И ИНЫХ МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА В СТРУКТУРЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Для цитирования

Лапшин, В. Ф. Эволюция доктринального определения места уголовного наказания и иных мер уголовно-правового характера в структуре уголовно-правового воздействия / В. Ф. Лапшин, С. А. Корнеев // Человек: преступление и наказание. – 2020. – Т. 28(1–4), № 1. – С. 12–23. – DOI : 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).1.012-023.

Аннотация. Категория «уголовно-правовое воздействие» активно исследуется в отечественной юридической науке на предмет ее соотношения с содержанием категорий «уголовное наказание», «иные меры уголовно-правового характера», «уголовная ответственность». При этом обращается внимание на значимость определения содержания данного правового феномена, однако до настоящего времени не предложены решения, которые получили бы всеобщее научное одобрение. Природа, структура и особенности реализации уголовно-правового воздействия могут рассматриваться только в плоскости соответствующих положений действующего уголовного законодательства при использовании преимущественно сравнительно-правового и системно-структурного методов исследования. В статье поставлена проблема определения разновидностей уголовно-правового воздействия и особенностей их реализации в зависимости от наличия либо отсутствия отдельных юридически значимых признаков. С учетом заявленной проблематики предмет исследования определяется в виде уголовно-правовых норм, закрепляющих лишения и правоограничения, которые применяются к лицам, совершившим запрещенное уголовным законом общественно опасное деяние. Отдельные исследователи, анализируя юридическую сущность уголовной ответ-

© Лапшин В. Ф., Корнеев С. А., 2020

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

ственности и иных мер уголовно-правового характера, справедливо указывали на принципиальное различие данных институтов уголовного законодательства. Таким образом, важное место отводится разграничению мер уголовно-правового воздействия на разных этапах развития доктрины уголовного права. Приведенный ретроспективный анализ позволил обозначить законодательные основания указанной дифференциации с обособлением институтов уголовной ответственности, уголовного наказания, иных мер уголовно-правового характера. Применение в процессе исследования совокупности общенаучных и частнонаучных методов позволило сформулировать вывод о том, что уголовно-правовое воздействие реализуется в результате применения мер уголовной ответственности и иных мер уголовно-правового характера. Уголовная ответственность реализуется на общих и льготных условиях. Основанием для применения последних является факт позитивного постпреступного поведения, существенно снижающего общественную опасность личности виновного.

Ключевые слова: уголовно-правовое воздействие, уголовная ответственность, уголовное наказание, иные меры уголовно-правового характера, уголовно-правовое поощрение.

Феномен уголовно-правового воздействия в настоящее время является предметом научных исследований фундаментального значения. В то же время авторам пока не удается сформулировать выводы и решения по данному вопросу, которые получили бы широкую поддержку в уголовно-правовой доктрине ввиду объективной теоретической и практической значимости [2, с. 38; 11, с. 10–11; 22, с. 158, 165]. Природа, структура и особенности реализации данного вида правового воздействия могут рассматриваться только в плоскости соответствующих положений действующего уголовного законодательства при использовании преимущественно сравнительно-правового и системно-структурного методов исследования.

Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) содержит лишь дефиницию «уголовное наказание» (ч. 1 ст. 43), хотя некоторые иные нормы Общей части УК РФ указывают на категории, смысловое значение которых явно не соответствует социально-правовой сущности уголовного наказания. Статья 8 УК РФ устанавливает основания для привлечения лица к уголовной ответственности, нормы гл. 11 УК РФ определяют различные виды освобождения от уголовной ответственности. В случаях, когда реализация уголовной ответственности, включая уголовное наказание, не представляется возможной или целесообразной, применяются нормы института иных мер уголовно-правового характера в зависимости от социально-правовых особенностей лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние. Некоторые авторы не обращают должного внимания на необходимость разграничения перечисленных мер, хотя различие сущности целей их применения очевидны [10, с. 8; 16].

Бесспорно, уголовное наказание является главной составляющей системы уголовно-правового воздействия. Подтверждением может служить уже только формальное признание наказуемости одним из обязательных признаков преступления (ч. 1 ст. 14 УК РФ). Довольно длительный период истории развития уголовного законодательства наказание (в раннем советском уголовном законодательстве оно именовалось мерой социальной защиты) рассматривалось в качестве единственно возможного правового последствия совершения преступления. Принципиально данный подход был изменен с принятием Ос-

нов уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. Совершение преступления признавалось основанием для уголовной ответственности и наказания (ст. 3 Основ). Впоследствии данное положение было воспринято и уголовными законами союзных республик, в том числе УК РСФСР (ст. 3), хотя законодательно не определялись ни понятие, ни взаимосвязь (соотношение) с институтом уголовного наказания.

Указанная проблема и в настоящее время не утратила своей актуальности. Рациональным определением сущности уголовной ответственности является высказанное отдельными авторами предположение о необходимости ее признания в качестве принудительно реализуемых в отношении лица, совершившего преступление, лишений и правоограничений, предусмотренных уголовным законом [6, с. 26–27]. Здесь можно наблюдать нахождение в единой юридической плоскости уголовного наказания и уголовной ответственности, которые, будучи однородными понятиями, находятся в соотношении части и целого. Результатом многолетней политики гуманизации уголовного законодательства явилось включение в УК РФ совокупности норм, предусматривающих меры ответственности, применяемые в отношении лица-преступника, но при этом не являющихся элементами предусмотренной ст. 44 УК РФ системы уголовных наказаний.

Единства мнений относительно точного количества видов мер, применение которых обеспечивает реализацию уголовной ответственности, среди исследователей не наблюдается. Анализ представленных в современной уголовно-правовой науке исследований по вопросам сущности уголовной ответственности позволяет сделать вывод о том, что большинство авторов признают в качестве основных форм ее практической реализации уголовное наказание и иные меры уголовно-правового характера, которые включены в объем мер правового воздействия, регламентируемого нормами уголовного закона. Однако некоторые исследователи настаивают на расширительном понимании форм реализации уголовной ответственности. Так, М. Ю. Дворецкий к таким формам, помимо наказания, относит условное осуждение, судимость, отсрочку отбывания наказания и некоторые иные меры уголовно-правового характера [4, с. 92].

С точки зрения В. А. Якушина, специфической, малоисследованной, но самостоятельной формой реализации уголовной ответственности является отсрочка отбывания наказания [26, с. 39, 45]. Сюда же он относит условное осуждение и принудительные меры воспитательного воздействия [26, с. 219–220]. Это мнение находит поддержку на уровне некоторых диссертационных исследований, подготовленных в области обозначенной научной проблематики [10, с. 8].

В. В. Похмелкин предлагает признать обязанности, обеспечиваемые угрозой обращения назначенного наказания к отбытию в рамках условного осуждения и отсрочки отбывания наказания, разновидностью принудительных форм реализации уголовной ответственности [15, с. 176]. Автор также добавляет к перечню способов реализации уголовной ответственности судимость, так как последняя выступает своеобразным остаточным явлением уголовно-правового принуждения, закрепляющим результаты карательно-воспитательного процесса и влекущим за собой дополнительные правоограничения для осужденного. Той же позиции в своем исследовании придерживается А. П. Фильченко, считая, что «судимости соответствуют три формы, в которых реализуется уголовная ответственность» [21, с. 34]. Иного мнения относительно судимости придерживается А. А. Ширшов, подразумевая под ней «инструмент дифференциации уголовной ответственности, который не является ее специфическим элементом» [24, с. 9].

С. Э. Ведмидь к формам реализации уголовной ответственности, помимо наказания, относит условное осуждение, освобождение от наказания, принудительные меры меди-

цинского характера, применяемые к ограниченно вменяемым лицам, принудительные меры воспитательного воздействия, судимость [3, с. 6].

Подобная позиция отстаивается и А. В. Шеслером, который относит к формам реализации исследуемого явления: замену неотбытой части уголовного наказания более тяжким в случае уклонения виновного от его отбывания; меры уголовно-правового принуждения, применяемые вместо уголовного наказания: условное осуждение, условно-досрочное освобождение от наказания, отсрочку отбывания наказания, принудительные меры воспитательного воздействия; меры уголовно-правового принуждения, соединенные с исполнением наказания: принудительные меры медицинского характера, применяемые к ограниченно вменяемым лицам, и освобождение от наказания в связи с изменением обстановки (ст. 80.1 УК РФ), а также в связи с тяжелой болезнью (ч. 2 ст. 81), помимо психического расстройства, указанного в ч. 1 ст. 81 УК РФ [23, с. 120].

На основании приведенных позиций ученых в области уголовного права можно сделать вывод о том, что практически все меры уголовно-правового воздействия в той или иной степени могут быть формами реализации уголовной ответственности. Учитывая данные обстоятельства, можно указать на наличие сформированного мнения о тождественности уголовно-правового воздействия и уголовной ответственности. В основе такого подхода находится, очевидно, объективное восприятие любой меры уголовно-правового воздействия: по своей сущности все они представляют собой предусмотренные нормами уголовного закона лишения и правоограничения, налагаемые на лицо, совершившее уголовно наказуемое деяние.

Думается, что подобный недифференцированный подход достаточно уязвим для критики. Необходимость терминологического разграничения перечисленных категорий вызвана различными целями и условиями применения той или иной меры уголовно-правового воздействия. В связи с этим на уровне действующего уголовного законодательства выделяются группы лиц, в отношении которых применяются различные меры воздействия: осужденные, невменяемые, социально незрелые, страдающие наркотической или иной зависимостью и т. п.

Учитывая данные обстоятельства, некоторые исследователи при анализе юридической сущности уголовной ответственности и иных мер уголовно-правового характера справедливо указывали на принципиальное различие данных институтов уголовного законодательства.

Уже в 1916 г. в связи с существенными нововведениями в области уголовного права, предлагаемыми новейшими проектами уголовных кодексов – швейцарским (1908 г.), германским (1909 г.), правительственным австрийским (1912 г.), датским (1912 г.), сербским (1910 г.), едва ли не самым принципиальным в науке стал вопрос о так называемых мерах социальной защиты, об их сущности и отличительных особенностях, благодаря которым обеспечивается возможность обособления от уголовного наказания.

Термин «меры защиты» уже имел место в источниках советского законодательства. Под ними понимали только предупредительные, отчасти предупредительно-лечебные, а также исправительно-воспитательные, направленные в отношении лиц, совершивших преступное деяние, и имеющие целью оградить общество от повторения ими преступных посягательств. К мерам защиты относили лечебницы для невменяемых преступников, тюрьмы-лечебницы для преступников с уменьшенной вменяемостью, убежища для преступников-алкоголиков, исправительно-воспитательные приюты для малолетних.

Эти меры, равно как и трактовка их содержания, противоречили основному принципу, который был сформулирован Ш. Монтескье и Ч. Беккариа: пропорциональность на-

казания тяжести преступления, измеряемой в общем ценностью субъекта преступного посягательства, важностью причиненного вреда и другими объективными моментами деяния [13, с. 16]. Таким образом, меры защиты были рассчитаны на специальное предупреждение (обезвреживание, элиминацию, исправление и перевоспитание осужденных, их приспособление к социальной жизни, лечение) и мало соответствовали всему этому циклу идей. Род избираемой меры и длительность ее применения должны уже диктоваться не значением преступного деяния и, во всяком случае, меньше всего им, а природой и характером преступника, принадлежностью его к тому или другому классу и достигнутым результатом воздействия на него избранной меры. Вместо классификации преступлений по степени важности и наказаний, соответствующих им по степени тяжести, главное значение приобретает классификация преступников по степени внушаемой ими опасности и по источнику этой опасности. Более того, вместо точно указанной в приговоре меры наказания – неопределенность по сроку меры социальной защиты.

В 1916 г. вопросом разграничения наказания и мер социальной защиты задавался Э. Я. Немировский, определяя истинный характер последних, и решая, есть ли основание для отграничения их от наказания. Автор указывал на необходимость признания следующего факта: новые меры являются не наказанием, а представляют собой самостоятельный, юридически обособленный от него институт [13, с. 17]. Исходя из этого определение юридической природы мер социальной защиты становится серьезным вопросом для доктрины уголовного права. Мнения ученых того времени разделились. Так, Биркмейер, Наглер, Белинг, чувствуя шаткость положения, считали, что данные меры не относятся к уголовному праву, а представляют собой область профилактики, область административного права, тем самым не оставляя им места в уголовном кодексе [13, с. 18].

Отличной позиции придерживался профессор А. А. Жижиленко, который выражал мысль о самостоятельности и особой природе мер социальной защиты [5, с. 72].

Уже в самом начале XX в. А. А. Жижиленко в своем исследовании определяет пять категорий, представляющих собой основания для разграничения мер социальной защиты и наказания: различие по целям; по внешнему выражению; по основанию применения; по его масштабу; по внутреннему содержанию. Отдельное место ученый отводил последним трем категориям по причине их повышенной важности. Меры защиты, по его мнению, применяются ввиду наличия у лица особого психического состояния, а не виновно совершенного деяния. Совершение невменяемым запрещенного уголовным законом деяния служит подтверждением этого состояния и свидетельствует об опасности личности. Меры защиты обращены к будущему преступника, наказание – к прошлому. По мнению А. А. Жижиленко, деяние является не единственным основанием для применения меры превентивного характера. Особое внимание автор обращает на отсутствие в этих мерах элемента оценки или осуждения, замечая, что «из факта назначения меры защиты в конкретном случае мы не можем еще сделать вывод об известной оценке таким путем самого деяния, по поводу которого данная мера принимается» [5, с. 277, 283].

В доктрине уголовного права существовала и иная точка зрения на меры защиты. В частности, наказание и меры защиты преследуют одну цель, определяемую в виде борьбы с преступностью посредством общей и частной превенции. Меры защиты, как и наказание, обеспечивают воздаяние и облекаются в юридическую форму уголовной санкции [13, с. 17]. Данное мнение нам представляется небесспорным. Во-первых, если воздаяние не представлять бессодержательным, а видеть в нем что-то большее, чем

простое следствие известного деяния или известного состояния, если придавать воздаянию нормативный характер, то в лечебно-профилактических мерах нет воздаяния и нет отрицательной оценки личности: они содержат констатирование определенного состояния личности, чуждое отношению к должному и не выражают осуждения ни болезни, ни ее проявлениям в действиях невменяемого, ни ему самому. Во-вторых, идея общего предупреждения не позволяет отнести невменяемых к преступникам, так как правовые веления, запреты и их санкции могут быть адресованы только к тем, кто способен их понять и им следовать, но не к лицам, лишенным способности понимать свойство и значение совершаемого деяния и руководить своими поступками вследствие длительных или преходящих дефектов психики.

Прав был Э. Я. Немировский, предложив разделение наказания и мер защиты на два самостоятельных института уголовного права. Он утверждал, что «сколько бы ни старались те и другие криминалисты придумывать перегородки между двумя институтами уголовного права, на практике эти перегородки рушатся, и эти меры или заменяют наказание, или становятся его продолжением» [13, с. 20]. Под мерами социальной защиты этот ученый понимал меры, не содержащие элемента осуждения, неодобрения, не связанные непременно с совершением преступного деяния и отличные от наказания. Деяние же, совершенное невменяемым лицом, не может являться преступлением, так как оно лишено виновного характера, а лишь сходно с последним своим составом.

Вопросом разграничения мер уголовно-правового воздействия в дореволюционный период занимался и Н. С. Таганцев, который отделял институт наказания, во-первых, от принудительных мер, принимаемых органами государственной власти с целью превенции и пресечения правонарушений; во-вторых, от принудительных мер, принимаемых теми же органами с целью исключения затруднений, возникающих при осуществлении правосудия, в частности, мер, принимаемых судом для осуществления порядка процесса, установленного законом; в-третьих, от мер, выполняющих роль исключительно возмещения материального ущерба, причиненного пострадавшему [18, с. 10]. Ученый классифицировал все меры уголовно-правового характера на две группы: меры, предупреждающие наступление вредных последствий или устраняющие уже наступившие последствия, и меры, принимаемые в отношении «личностей вредных и опасных для общественного порядка» [18, с. 12–13].

Достаточно интересной представляется картина дальнейшего развития институтов наказания и мер социальной защиты в истории российского законодательства. Так, первый Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. включал в себя раздел под названием «Другие меры социальной защиты», в котором содержались нормы о помещении в учреждение для умственно или морально дефективных; принудительном лечении; воспреещении занимать ту или иную должность или заниматься той или иной деятельностью или промыслом; удалении из определенной местности. Относительно несовершеннолетних лиц в возрасте от 14 до 16 лет предусматривались меры медико-педагогического воздействия [7, с. 67]. Очевидно, что законодатель таким образом устранил грань между двумя самостоятельными институтами уголовно-правового воздействия, определив наказание и другие меры социальной защиты как основное, единственное и целое средство борьбы с преступностью. Впрочем, подобный законодательный подход был реализован и в УК РСФСР 1926 г.

Несколько иначе вопрос разграничения рассматриваемых институтов было решен в гл. 6 УК РСФСР 1960 г., которая была посвящена регламентации принудительных мер медицинского и воспитательного характера. Такое решение не позволяло приравнять

их к мерам, применение которых осуществлялось в рамках реализации уголовной ответственности.

Исходя из приведенного ретроспективного анализа видно, что институт мер, не связанных с уголовной ответственностью на разных этапах развития, становления, изменения государства претерпевал существенные изменения. Они касались как его содержания, предназначения, закрепления, правовой природы, так и соотношения с институтом наказания.

Действующий российский уголовный закон подобным образом разграничивает наказание и иные меры уголовно-правового характера. Однако данная «формальная дифференциация» уголовно-правового воздействия, а именно содержание этих мер в разных главах, еще не позволяет установить уголовно-правовую самостоятельность и определенность рассматриваемых институтов.

Уголовное наказание, как и уголовная ответственность, в целом применяется только в отношении лица, которое признано виновным в совершении преступления по итогам судебного разбирательства либо признало себя виновным на более ранних стадиях производства по уголовному делу. Применение лишений и правоограничений осуществляется, чтобы преступник осознал опасность своего преступного поведения и, как следствие, не допускал в будущем возможности нарушения уголовно-правовых предписаний. Иные же меры уголовно-правового характера реализуются в отношении лиц, которые в силу психического расстройства (невменяемые) или социальной незрелости (несовершеннолетние) объективно не способны воспринимать общественную опасность и противоправность совершенного деяния. В силу этого иные меры уголовно-правового характера назначаются и принудительно исполняются в связи с совершением общественно опасного деяния, преследуя цель избавления лица от психического расстройства, исключающего вменяемость, либо обеспечить надлежащее воспитание подростка, заключающееся в привитии чувства уважения к истинным социальным ценностям и недопущении их нарушения [9, с. 75]. Исходя из этого отличительными критериями, на основании которых осуществляется разграничение институтов уголовной ответственности и иных мер уголовно-правового характера, являются: способность лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние, осознавать его общественную опасность и противоправность; цель применения соответствующих мер уголовно-правового воздействия.

В контексте обозначенных нами критериев разграничения уголовной ответственности и иных мер уголовно-правового характера необходимо внести определенные уточнения в части форм их реализации. Как уже отмечалось, уголовная ответственность может быть реализована при назначении и применении уголовного наказания, а, по мнению отдельных исследований, еще путем судимости и условного осуждения.

Судимость некоторыми исследователями рассматривается в качестве изжившего себя уголовно-правового института, существование которого вступает в противоречие с предусмотренными ст. 6 и 60 УК РФ принципом справедливости и общими началами назначения наказания. Данный вопрос был предметом разбирательства на уровне Конституционного Суда в 2003 г. Несмотря на признание соответствия положений уголовного законодательства о судимости, Конституции РФ, отдельными судьями были официально высказаны мнения о несправедливости возложения на лицо, отбывшее уголовное наказание в полном объеме, дополнительных лишений и правоограничений, реализуемых при применении института судимости (URL : <http://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-19032003-n>).

Возможность признания судимости составной частью уголовной ответственности обусловлена наличием у них общих юридически значимых признаков, а именно:

- регламентация осуществляется исключительно нормами уголовного закона;
- юридическое содержание сводится к лишениям и правоограничениям, которые применяются к осужденному. Они являются негативными социально-правовыми последствиями совершения деяния, запрещенного уголовным законом;
- реализация осуществляется в течение определенного уголовным законом срока, продолжительность которого установлена обвинительным приговором;
- применение возможно только в отношении лица, не утратившего способность к осуществлению интеллектуальной и волевой деятельности. Наличие этого качества позволяет виновному воспринять и субъективную обязанность претерпеть определенные в УК РФ лишения и правоограничения, возникающую после совершения им преступления.

Если судимость реализуется в рамках уголовной ответственности, включающей в себя лишения и правоограничения, применяемые к лицу, признанному виновным в совершении преступления, то правовая природа условного осуждения до настоящего времени окончательно не определена в науке уголовного права.

Одни ученые указывают на условное осуждение как форму реализации уголовной ответственности или «одно из проявлений ее либерализации» [12, с. 17], другие – принимают попытки отождествления данной меры уголовно-правового характера с уголовным наказанием, так как «она соответствует всем признакам этого института, или относят ее к «специальному виду уголовного наказания без его реального отбывания» [17, с. 10]. В уголовно-правовой литературе высказывается также суждение об условном осуждении как о разновидности освобождения от наказания [25, с. 40].

Условное осуждение было известно уголовному законодательству нашего государства с первых дней Октябрьской революции. Первым законодательным актом, в котором условное осуждение получило свое оформление, был Декрет ВЦИК РСФСР от 7 марта 1918 г. № 2 «О суде». В ст. 29 Декрета указывалось: «Народные заседатели решают вопрос не только о факте преступления, но и о мере наказания, причем они имеют право уменьшить положенное в законе наказание, по своему убеждению, вплоть до условного или полного освобождения от всякого наказания» [16, с. 4].

На недопустимость отнесения к наказанию условного осуждения неоднократно обращал внимание Верховный Суд РСФСР, считая, что последнее представляет собой освобождение от наказания при определенных условиях, поэтому по своей тяжести условное осуждение не может сравниться с реальными мерами наказания [1, с. 189, 195]. Верховный Суд РФ отдельно указал, что «испытательный срок, устанавливаемый при условном осуждении, не является наказанием» (URL : http://sudbiblioteka.ru/vs/text_big3/verhsud_big_48847.htm) [16]. Противником отнесения условного осуждения к институту наказания является и Ю. М. Ткачевский, который справедливо обратил внимание на логическое противоречие при отождествлении указанных категорий: при отмене условного осуждения в связи с невыполнением требований, установленных судом, исполнению должна будет подлежать «неисполненная» часть условного осуждения [22, с. 490–491]. В данном случае реализуется принцип соразмерности, справедливости, однако этот факт противоречит ч. 3 ст. 73 УК РФ.

В настоящее время толкование положений ст. 73 УК РФ позволяет предположить, что содержание условного осуждения сводится к особому порядку исполнения отдельных видов уголовных наказаний: исправительные работы, ограничение по военной службе, содержание в дисциплинарной воинской части и лишение свободы на определенный

срок (здесь – до 8 лет лишения свободы). В этих случаях суд назначает наказание, после чего постановляет считать это наказание условным. Соответственно назначенное по обвинительному приговору наказание не меняется, а его исполнение осуществляется в специфических условиях, определяемых ст. 73 УК РФ.

Лишения и правоограничения, которые возлагаются судом на условно осужденного в период испытательного срока, сравнимы с лишениями и правоограничениями, представляющими собой содержание самостоятельного вида уголовного наказания в виде ограничения свободы. Учитывая данное обстоятельство, отдельные авторы высказывают сомнения в возможности применения условного осуждения в совокупности с ограничением свободы, а также обосновывают необходимость исключения из УК РФ наказания в виде ограничения свободы [8, с. 16].

Думается, условное осуждение не только дублирует содержание ограничения свободы, чем создает неоправданную конкуренцию соответствующих уголовно-правовых норм, но и нарушает принципы построения системы уголовных наказаний, предусмотренных ст. 44 УК РФ. Теоретически виды уголовного наказания отличаются друг от друга степенью строгости негативного воздействия на осужденного. Однако системность построения перечисленных в ч. 1 ст. 73 УК РФ видов уголовного наказания относительно друг друга нивелируется, поскольку и исправительные работы, и, например, лишение свободы сроком до восьми лет реально не исполняются, так как считаются условными. Период испытательного срока и налагаемые вместо реального исполнения уголовного наказания правоограничения могут быть идентичными или иметь незначительные отличия друг от друга. В силу этого наличие условного осуждения в действующем УК РФ создает условия для нарушения принципа справедливости назначения и исполнения уголовного наказания, а также подрывает основы построения системы уголовных наказаний. Представляется, что исключение возможности назначения наказания условно не приведет к возникновению пробела в уголовном законе, поскольку уже в настоящее время в нем предусмотрена возможность применения ограничения свободы, равно как и менее строгих видов уголовного наказания, не предполагающих изоляцию осужденного от общества. В целом же полагаем, что условное осуждение по причине своей процедурной сущности не может рассматриваться в качестве разновидности реализации уголовной ответственности, поскольку определяемый в обвинительном приговоре вид наказания не отменяется и не заменяется.

Институт иных мер уголовно-правового характера в настоящее время дополнен такими видами, как конфискация имущества и судебный штраф. В отличие от принудительных мер медицинского характера и принудительных мер воспитательного воздействия эти «иные меры» применяются в отношении лиц, совершивших преступления (судебный штраф), а равно признанных виновными в совершении преступления (конфискация имущества). Учитывая данные обстоятельства, конфискация имущества, которая в соответствии с ч. 1 ст. 104.1 УК РФ применяется на основании обвинительного приговора суда, должна признаваться одной из мер реализации уголовной ответственности, а точнее – уголовным наказанием, которым она и являлась до декабря 2003 г.

Судебный штраф, определяемый одновременно и как вид иных мер уголовно-правового характера, и как специфический вид освобождения от уголовной ответственности (ст. 76.2 УК РФ), кроме карательного элемента включает в свое содержание уголовно-правовое поощрение. По этой причине он не может быть признан ни разновидностью уголовной ответственности, ни иной мерой уголовно-правового характера.

Действующий уголовный закон, регламентируя уголовно-правовое воздействие на лиц, совершивших общественно опасное деяние, включает в себя ряд поощрительных норм, которые определяют основание и порядок освобождения от уголовного наказания [19, с. 267–425]. Таковыми следует признать меры, реализуемые в отношении лица, совершившего преступление, объем лишений и правоограничений которых существенно сокращен по причине установления факта позитивного постпреступного поведения лица. Речь может идти о мерах, применение которых охватывается содержанием института освобождения от наказания: условно-досрочное освобождение (ст. 79 УК РФ), замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ст. 80 УК РФ) и т. п. Эти меры также включаются в объем уголовной ответственности, однако характеризуются сочетанием карательного и поощрительного воздействия на осужденного.

Данная позиция подтверждается результатом анкетирования осужденных ФКУ ИК-6 УФСИН России по Смоленской области. Так, 85 % опрошенных (общее количество анкетизируемых составило 1096 лиц) считают, что их поведение вне исправительного учреждения (при получении права на условно-досрочное освобождение от отбывания наказания, при установлении административного надзора и т. д.) будет правопослушным только исходя из того, что, нарушив установленные судом требования и условия, они вновь окажутся в изоляции от общества, 10 % – уверены в этом на 90 % и 5 % – считают это утверждение верным на 95 %.

Как при реализации уголовной ответственности и иных мер уголовно-правового характера, так и в случае уголовно-правового воздействия, предусмотренного поощрительными уголовно-правовыми нормами, к лицу, совершившему уголовно наказуемое деяние, применяются лишения и правоограничения. Однако отличительной особенностью видов выделенной нами группы является существенное смягчение уголовно-правового воздействия, которое применяется к преступнику. Эти меры включаются в общий объем содержания уголовной ответственности, но уменьшение степени карательного воздаяния вызвано фактом совершения преступником действий, существенно снижающих общественную опасность его личности.

Сущность уголовно-правовых мер в данном случае не меняется и представляет собой те же самые лишения и правоограничения, применяемые в соответствии с действующим законодательством к лицу, признанному виновным в совершении преступления. В силу этого выделение данных мер из общего объема уголовной ответственности в самостоятельную группу уголовно-правового воздействия недопустимо. В то же время возможность их реализации на специальных условиях снижения общественной опасности личности свидетельствует о необходимости разграничения с мерами уголовной ответственности, применяемыми на общих основаниях. Следовательно, лишения и правоограничения, составляющие сущность уголовной ответственности, реализуются путем принуждения осужденного к выполнению различных обязанностей в течение срока:

- неотбытой части наказания при условно-досрочном освобождении (ч. 1 и 2 ст. 79 УК РФ);
- исполнения более мягкого вида наказания, назначенного путем замены первоначально определенной в обвинительном приговоре меры государственного принуждения (ч. 1 ст. 80);
- исчисляемого до достижения ребенком 14-летнего возраста (ч. 1 ст. 82);
- необходимого для добровольного прохождения курса лечения от наркомании, медицинской и (или) социальной реабилитации (ч. 1 ст. 82.1 УК РФ).

Учитывая данные обстоятельства, судебный штраф, официально признаваемый в настоящее время одной из иных мер уголовно-правового характера, в действительности следует отнести к группе мер уголовной ответственности, которые назначаются и реализуются в соответствии с поощрительными уголовно-правовыми нормами.

Таким образом, уголовно-правовое воздействие обеспечивается применением мер уголовной ответственности и иных мер уголовно-правового характера. В свою очередь, уголовная ответственность реализуется на общих и льготных условиях: в первом случае – путем применения уголовного наказания и судимости, тогда как условное осуждение лица, совершившего преступление, не может признаваться самостоятельной мерой уголовной ответственности, равно как и уголовно-правового воздействия в целом; во втором – при реализации в отношении лица, совершившего преступление, лишений и правоограничений, представляющих собой сущность отдельных видов освобождения от уголовного наказания. К этой группе мер следует отнести и судебный штраф, поскольку ему присущи все юридически значимые признаки института освобождения от уголовного наказания.

Основанием для применения мер государственного принуждения, предусмотренных поощрительными нормами отечественного уголовного законодательства, является факт позитивного постпреступного поведения, существенно снижающего общественную опасность личности виновного.

Библиографический список

1. Агзамов И. М. Условное неприменение наказания в уголовном праве России : монография. М. : Юрлитинформ, 2012. 440 с.
2. Бавсун М. В. Уголовно-правовое воздействие в «обществе постмодерна» // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2017. № 3. С. 38–46.
3. Ведмидь С. Э. Проблемы реализации уголовной ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004. 17 с.
4. Дворецкий М. Ю. Уголовная ответственность: эффективная реализация форм и их видов // Вестник экономической безопасности. 2016. № 2. С. 90–95.
5. Жижиленко А. А. Наказание. Его понятие и отличие от других правоохранительных средств. Пг. : Типография «Правда», 1914. 684 с.
6. Келина С. Г. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности / отв. ред. А. А. Пионтковский. М. : Наука, 1974. 232 с.
7. Корнеев С. А. Меры уголовно-правового воздействия, не связанные с уголовной ответственностью // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 3. С. 64–72.
8. Лаптев С. А. Условное осуждение или ограничение свободы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2013. № 1. С. 12–18.
9. Лапшин В. Ф. Природа иных мер уголовно-правового характера и конфискации имущества // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2007. № 1. С. 74–75.
10. Лесниченко И. П. Уголовная ответственность: понятие и проблемы реализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2005. 26 с.
11. Лопашенко Н. А. Уголовно-правовое воздействие в современной России: цифры, факты, парадоксы и иллюстрации // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (III Саратовские уголовно-правовые чтения) : сб. ст. по материалам III Всерос. науч.-практ. конф. (Саратов, 29–30 марта 2018 г.). Саратов : Сарат. гос. юрид. акад., 2018. С. 9–28.

-
12. Маликов Б. З. Условное осуждение – форма условного наказания // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2012. № 2. С. 14–18.
 13. Немировский Э. Я. Меры социальной защиты и наказание в связи с сущностью вины. Пг. : Сенатская типография, 1916. 50 с.
 14. Пичугин С. А. Рецидив преступлений среди условно осужденных : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 26 с.
 15. Похмелкин В. В. Социальная справедливость и уголовная ответственность. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1990. 176 с.
 16. Савин Н. Ф., Ефимов М. А. Условное осуждение и условно-досрочное освобождение от наказания. М. : Госюриздат, 1963. 32 с.
 17. Суховеев А. С. Институт условного осуждения в Российской Федерации: тенденции и прогноз развития : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2002. 30 с.
 18. Таганцев Н. С. Русское уголовное право : в 2 т. Тула : Автограф, 2001. Т. 2. 688 с.
 19. Тарханов И. А. Поощрение позитивного поведения и его реализация в уголовном праве (вопросы теории, нормотворчества и правоприменения) : дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2002. 458 с.
 20. Ткачевский Ю. М. Избранные труды. СПб. : Юрид. центр «Пресс», 2010. 597 с.
 21. Фильченко А. П. Реализация уголовной ответственности: проблемы отраслевого и межотраслевого согласования/рассогласования : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2014. 44 с.
 22. Фирсова А. П. Уголовно-правовое воздействие: сущность и содержание // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 2. С. 158–165.
 23. Шеслер А. В. Уголовная ответственность: понятие и формы реализации // Вестник Владимирского юридического института. 2018. № 3. С. 116–121.
 24. Ширшов А. А. Уголовная ответственность: проблемы понятия и дифференциации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2004. 30 с.
 25. Яковлева Л. В. Институт освобождения от наказания в российском праве : монография. М. : ВНИИ МВД России, 2002. 196 с.
 26. Якушин В. А. Наказание и иные меры уголовно-правового воздействия : монография. Тольятти : Изд-во Волж. ун-та им. В. Н. Татищева, 2018. 337 с.

УДК 343.21

DOI 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).1.024-031

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ СМИРНОВ,
кандидат юридических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник НИЦ-2, НИИ ФСИН России,
г. Москва, Российская Федерация,
ORSID 0000-0003-4779-4971, Researcher ID M-8979-2018,
e-mail: samnauka@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПРАВОВЫХ ФАКТОРАХ, СНИЖАЮЩИХ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Для цитирования

Смирнов, А. М. К вопросу о правовых факторах, снижающих эффективность предупредительной функции Уголовного кодекса Российской Федерации / А. М. Смирнов // Человек: преступление и наказание. – 2020. – Т. 28(1–4), № 1. – С. 24–31. – DOI : 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).1.024-031.

Аннотация. В статье актуализируется проблема низкой эффективности предупредительной функции российского уголовного закона. Ее реализация заключается в установлении правового запрета на совершение деяний, признанных преступными и регламентированных в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, и мер уголовно-правового реагирования на совершение этих деяний. Вместе с тем закон содержит в себе положения, девальвирующие ее и снижающие тем самым эффективность борьбы с преступностью в стране. К таким положениям относятся: возможность, а не обязательность назначения уголовного наказания; наличие правовых условий освобождения от уголовной ответственности и (или) наказания или максимальной минимизации характера мер государственного реагирования на совершенное преступление; наличие слишком мягких санкций, не соответствующих преступному результату; наличие менее строгих санкций за преступления, имеющие не только равный преступный результат, но и более общественно опасные последствия. В целом одним из главных условий этого является постоянная эскалация гуманизма по отношению к лицам, совершающим общественно опасные деяния, и нежелание государственной власти проявлять необходимую строгость по отношению к таким лицам. Гуманизм в регулировании общественных отношений, безусловно, является показателем цивилизованности развития любого государства. Однако он не должен быть чрез-

© Смирнов А. М., 2020

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

мерным по отношению к лицам, причиняющим существенный вред гражданам, обществу и государству.

Ключевые слова: Уголовный кодекс Российской Федерации, функции уголовного закона, противоправная функция, профилактика преступности, неотвратимость наказания.

Российская Федерация ставит перед уголовным правом охрану основных социальных ценностей (правового статуса человека и гражданина, собственности и прав на нее, общественной безопасности и порядка, окружающей природной среды, конституционного строя России) от посягательств, признаваемых национальным уголовным законодательством преступными. В целом оно направлено на сохранение глобальных составляющих жизни на Земле – мира и безопасности человечества. Для решения этих задач уголовное право реализует ряд функций, которые выступают своеобразным проявлением сущности уголовного права в объективной реальности, отражают его роль в регулировании существующих в социуме общественных отношений. Среди этих функций важное место занимает предупредительная, направленная на профилактику совершения преступных деяний. Ее реализация заключается в установлении правового запрета на совершение деяний, признанных преступными и регламентированных в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), и мер уголовно-правового реагирования на совершение этих деяний.

Анализ положений российского уголовного закона позволяет сделать вывод о том, что он содержит ряд положений, значительно снижающих эффективность реализации данной функции, что способствует сохранению преступности в стране на достаточно высоком уровне.

Анализ официальных статистических данных МВД России свидетельствует о том, что в последнее время уровень преступности в России динамично снижается, что указывает на достаточную эффективность реализации УК РФ своей предупредительной функции. Так, за период с 2014 по 2018 год число зарегистрированных преступлений в стране сократилось практически на 200 тысяч (с 2 190 578 в 2014 г. до 1 991 532 в 2018 г.), или на 9 %.

Вместе с тем все российские ученые-криминологи единодушны во мнении, что реальное состояние преступности в России выглядит совершенно иначе. Это связано с тем, что официальная статистика имеет свойство не совсем точно демонстрировать объективную ситуацию, связанную с уровнем и динамикой совершаемых преступных посягательств в целом и по отдельным видам [1, с. 212]. На самом деле, как убеждены ученые, преступность не утрачивает свои высокие позиции и даже продолжает расти. Особенно это касается ее качественных характеристик, свидетельствующих о том, что она становится все более глобальной, коррумпированной, приобретает больший интеллектуальный характер [2, с. 457; 3, с. 50], выражаясь в еще более изощренных и дерзких формах [4, с. 6].

Исследователи достаточно недоверительно относятся к происходящему в последние 10–15 лет как во всем мире, так и в нашей стране «великому сокращению преступлений», которое отражает в своих показателях официальная уголовная статистика и которое абсолютно не соответствует реальному положению дел в сфере борьбы с преступностью – особенно в России [5, с. 158].

Как отмечают отдельные ученые, парадокс состоит в том, что на самом деле преступных деяний совершается все больше, тогда как регистрируется их почему-то с каждым

годом значительно меньше [3, с. 52]. Ученые-криминологи скептически относятся к благоприятным криминологическим прогнозам относительно динамики развития преступности в России и мире, поскольку нет повода быть убежденным в этом [6, с. 167]. Изложенное порождает определенные сомнения в реальных возможностях упреждающего потенциала российского уголовного закона.

Будучи неким «щитом» для законопослушных граждан и в целом государства и общества от одного из наиболее опасных проявлений социальной действительности, таких как преступность, российский уголовный закон содержит в себе положения, способствующие ее распространению и развитию. Иными словами, он сам нивелирует свою роль и значение, для реализации которых был создан.

Проведенный нами анализ положений УК РФ позволил выделить содержащиеся в нем положения, способствующие снижению эффективности реализации его предупредительной функции.

1. Возможность, а не обязательность назначения уголовного наказания. Главным условием эффективности предупредительной функции уголовного закона является неотвратимость назначения уголовного наказания. Дискурс о неотвратимости наказания за совершенное преступление имеет давнюю историю. Еще Ч. Бекарриа писал о том, что только это свойство наказания обеспечивает реальную эффективность борьбы с преступностью. Ни одно преступление не должно оставаться безнаказанным [7, с. 88].

Безнаказанность преступного деяния заставляет законопослушных граждан скептически относиться к роли государства как защитника от преступлений, а преступникам не придавать значения опасности быть привлеченными к уголовной ответственности, не бояться реальности назначения наказания за совершенные общественно опасные деяния, в итоге продолжать вести криминальный образ жизни [8, с. 142]. Это приводит к самоорганизации общества в борьбе с преступностью, активизирует неправовые, внесудебные формы реагирования граждан на преступников, выражающиеся в совершении самосудных расправ над ними [9, с. 145].

Дефиниция понятия преступления, закрепленная в ч. 1 ст. 14 УК РФ, исключает практическую реализацию принципа неотвратимости уголовного наказания, поскольку в ней говорится лишь об угрозе его назначения. Из этого следует вывод о том, что совершение не каждого преступления влечет за собой привлечение к уголовной ответственности и назначение наказания. Угроза наказания как проявление только возможности его применения носит декларативный характер в уголовном законе, что, по справедливому мнению профессора Л. Д. Гауфмана, является одним из негативных его признаков [10, с. 49].

2. Наличие правовых условий освобождения от уголовной ответственности и (или) наказания или максимальной минимизации характера мер государственного реагирования на совершенное преступление. Проведенный нами анализ положений УК РФ показал, что уголовный закон регламентирует, например, такие уголовно-правовые институты, как вменяемость, общие начала назначения наказания, обстоятельства, смягчающие наказание, назначение наказания по совокупности приговоров и преступлений, условное осуждение, сроки давности, «уголовно-правовые иммунитеты», профессиональное применение которых на практике позволяет существенно повлиять на вид назначаемого наказания и его возможный размер или вообще освободить преступника не только от наказания, но и от уголовной ответственности.

Последствия наличия данных возможностей имеют негативный характер. Так, согласно данным Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации (СД при ВС РФ), ежегодно практически каждое пятое лицо, признанное виновным в совершении

преступления, освобождается от государственного реагирования за его совершение, будучи неоправданным.

Несправедливым и антисоциальным, по мнению большинства (82 %) опрошенных нами граждан, является законодательная возможность назначения условного осуждения за совершение тяжких преступлений (ч. 1 ст. 73 УК РФ). Как справедливо негодуют некоторые ученые, в настоящее время суд за убийство или групповое изнасилование вполне законно может назначить условное лишение свободы. Кроме того, на строгость наказания не влияет прошлый криминальный опыт преступника [1, с. 213]. Так, согласно данным СД при ВС РФ, ежегодно (по крайней мере за период с 2015 по 2018 год) практически каждый четвертый преступник приговаривается к лишению свободы условно, то есть, по сути, освобождается из здания суда и направляется жить обычной жизнью, только с некоторыми ограничениями. Среди этих преступников немало лиц, совершивших убийства, причинение тяжкого вреда здоровью, изнасилования, преступления против собственности и иные тяжкие и особо тяжкие преступления.

Следует также обратить внимание на такие институты уголовного права, как освобождение от уголовной ответственности и наказания в связи с истечением сроков давности (ст. 78, 83 УК РФ), позволяющие освобождать от уголовной ответственности и наказания в связи с истечением сроков давности, то есть без позитивного посткриминального поведения, иными словами, даже в том случае, если преступник ничего не сделал для возмещения причиненного вреда или заглаживания вины в совершенном преступлении. Опасение вызывает то обстоятельство, что число таких осужденных с каждым годом возрастает. Так, согласно статистическим данным СД при ВС РФ, с 2015 по 2018 год количество лиц, признанных виновными в совершении преступления, но освобожденных от уголовной ответственности или наказания в связи с истечением сроков давности, увеличилось на 35,8 % [с 2618 чел. в 2015 г. до 3554 чел. в 2018 г. (на 936 чел.)]. При этом увеличение установлено по всем категориям преступлений: небольшой тяжести – на 33,8 % [с 2299 чел. в 2015 г. до 3074 чел. в 2018 г. (на 775 чел.)]; средней тяжести – на 54,1 % [с 178 чел. в 2015 г. до 275 чел. в 2018 г. (на 97 чел.)]; тяжких – на 46,5 % [с 116 чел. в 2015 г. до 170 чел. в 2018 г. (на 54 чел.)]; особо тяжких – 32 % [с 25 чел. в 2015 г. до 33 чел. в 2018 г. (на 8 чел.)]. Кроме того, в рассматриваемый промежуток времени ускоряется динамика освобождения от уголовной ответственности по данным основаниям без позитивного посткриминального поведения и лиц с непогашенными или неснятыми судимостями, то есть совершивших повторные преступления. Если в 2015 г. таких освобожденных было 383 чел., то в 2018 г. – 455 чел. (увеличение произошло на 18,8 %, или на 72 чел.). В этом отношении ни о какой предупредительной функции уголовного закона и речи быть не может. Скорее наоборот, поскольку даже бывшие преступники остаются безнаказанными и освобождаются от уголовно-правового реагирования без совершения действий, направленных на возмещение причиненного ущерба и заглаживание вины.

С декабря 2011 г. законодатель предоставил судам право изменять категорию совершенного преступного деяния на менее тяжкую (ч. 6 ст. 15 УК РФ). Данная законодательная инициатива, нашедшая свое отражение в уголовном законе, вызвала весьма неодобрительную оценку со стороны не только российской научной общественности, но и граждан. Так, по результатам нашего исследования, 89 % респондентов (n = 1700) указали на недопустимость подобного судебного правомочия.

Согласно УК РФ в России все лица до достижения ими четырнадцатилетнего возраста, а также невменяемые лица могут совершать любое деяние, запрещенное уголовным законом, без страха быть привлеченными к уголовной ответственности. Ограничены в

этом, хотя и незначительно, лица, достигшие четырнадцатилетнего, но не достигшие шестнадцатилетнего возраста, а также несовершеннолетние, находящиеся в состоянии так называемой возрастной невменяемости (ст. 20, 21 УК РФ). Безусловно, к несовершеннолетним могут быть применены меры принудительного воспитательного воздействия (ч. 2 ст. 87 УК РФ), однако их характер совершенно несравним со строгостью уголовного наказания и характером причиненного вреда.

Не будем отрицать того факта, что непривлечение к уголовной ответственности всех лиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста и, за исключением случаев, указанных в ч. 2 ст. 20 УК РФ, не достигших шестнадцатилетнего возраста, а также невменяемых является достижением уголовно-правовой науки, представители которой обосновывали подобные снисхождения начиная с XIX века. Тем не менее реальность заставляет совершенно по-иному относиться к этому. Например, значительная часть современных несовершеннолетних совершают деяния, признаваемые УК РФ преступными, именно потому, что они не опасаются быть наказанными в силу недостижения возраста привлечения к уголовной ответственности. В итоге это порождает у них привыкание к совершению подобных деяний, девальвирует систему позитивных жизненных ценностей и императивов поведения, адаптированность к ведению криминального образа жизни. Так, согласно результатам нашего исследования практически каждый пятый несовершеннолетний, отбывающий уголовное наказание в виде лишения свободы за совершение посягательства на половую неприкосновенность и половую свободу личности, ранее совершал подобные деяния, зная, что к уголовной ответственности его не привлекут, максимум – назначат меры воспитательного характера (например, поставят на учет комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав) [11, с. 132].

Исследователи, занимающиеся вопросами качества правоохранительной деятельности, справедливо отмечают, что в России значительное число лиц, виновных в совершении преступных деяний, освобождаются от ответственности и в связи с этим им не назначается заслуженное наказание в силу не только недостаточной профессиональной квалификации служителей правопорядка, но и несовершенств, коллизий и противоречий законодательства [12, с. 91]. При этом общеизвестным является тот факт, что неравенство, порождаемое возможностями оставаться безнаказанным, – одна из самых серьезных детерминант преступного поведения, яркий пример, демонстрирующий «беспомощность» государства, которое обуславливает невозможность обеспечения необходимой охраны и соблюдения правового статуса личности [6, с. 198, 208, 245]. Ученые во всем мире неоднократно обращали внимание на то, что деятельность, направленная на создание и обеспечение различного рода правовых преференций для правонарушителей, весьма опасна и катастрофически сказывается на эффективности работы по обеспечению безопасности общества и государства [13, с. 245].

Тем не менее российским властям под эгидой совершенствования уголовного законодательства свойственно реализовывать политику гуманизма по отношению к преступникам, расширять перечень возможностей освобождения от мер государственного реагирования на совершенные преступные деяния или безнаказанного совершения этих деяний посредством, например, включения в УК РФ новых условий, не допускающих привлечения лица к ответственности.

3. Наличие мягких санкций, не соответствующих преступному результату. Если оценивать санкции статей Особенной части УК РФ с точки зрения их соответствия общественно опасным последствиям, то это порождает определенную дискуссию и критические замечания, так как в одних случаях законодатель оценивает жизнь человека от шести до пят-

надцати лет социальной изоляции (например, ч. 1 ст. 105 УК РФ), в других – до пяти лет (например, ч. 3 ст. 264 УК РФ), а в некоторых случаях – не более двух лет (ч. 1 ст. 109 УК РФ). Здоровье же человека для отечественного законодателя менее ценно – уголовно-правовые санкции за посягательство на него еще менее строги.

Необходимо обратить внимание на неисполнение в настоящее время в России наказания в виде смертной казни – меры государственного реагирования, реализацию которой ожидает от власти подавляющее большинство российских граждан.

У ряда санкций статей Особенной части УК РФ, устанавливающих ответственность как за тяжкие, так и за особо тяжкие преступления, отсутствует нижний предел наказуемости преступных деяний. Весной 2011 г. были отменены нижние пределы санкций за совершение порядка 110 преступных деяний, среди которых тяжкие и особо тяжкие составы преступлений (Федеральный закон от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации»), что весьма отрицательно было воспринято научной общественностью [14, с. 90].

Следует отметить, что УК РФ в сравнении с УК РСФСР 1960 г. по отдельным положениям выглядит более суровым, например, в силу увеличения в два раза продолжительности сроков лишения свободы (ст. 56 УК РФ), закрепления пожизненного лишения свободы (ст. 57 УК РФ) и смертной казни (ст. 59 УК РФ). Однако установление различных правовых условий применения данных наказаний существенно ограничивает практику их назначения. Иначе говоря, строгость закона в России нивелируется мягкостью и либеральностью практики его применения.

4. Наличие менее строгих санкций за преступления, имеющие не только равный преступный результат, но и более общественно опасные последствия. Например, за убийство одного человека (ч. 1 ст. 105 УК РФ) предусматривается максимальное наказание в изоляции от общества на срок от шести до пятнадцати лет с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового, а лишение жизни одного человека в результате дорожно-транспортного происшествия (ДТП) (ч. 3 ст. 264 УК РФ) максимальным наказанием является изоляция от общества на срок не более пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок не более трех лет; совершение совершенным лицом любого развратного действия без применения насилия в отношении лица, достигшего двенадцатилетнего возраста, но не достигшего четырнадцатилетнего возраста (даже, например, показ ему картинки эротического содержания), влечет за собой изоляцию от общества на срок от десяти до пятнадцати лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до десяти лет (ч. 5 ст. 135 УК РФ), когда как лишение жизни двух и более человек в результате ДТП – изоляцию от общества на срок не более восьми лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок не более трех лет (ч. 5 ст. 264 УК РФ).

Личность субъекта преступления, форма его вины в произошедшем, а также обстоятельства случившегося являются для законодателя и правоприменителя главными предпосылками для определения характера уголовно-правовых санкций и назначения наказания. Однако для обычных граждан важно совершенно другое. Для них основное значение имеет преступный результат, что вполне логично. Подобное отношение имеет научное обоснование, поскольку, как справедливо пишет П. П. Осипов, с точки зрения случившихся социальных потерь не имеет никакого значения, например, умышленно или по неосторожности был лишен жизни человек, потому что общественная опасность де-

яния и, как следствие, характер реагирования на него определяются в первую очередь характером причиненного вреда [15, с. 122].

Как отмечает В. С. Овчинский, российский законодатель гордится своим гуманизмом по отношению к преступникам. Вместе с тем общество занимает совершенно иную, противоположную позицию, отвергая подобный гуманизм и требуя социальной справедливости в вопросах реагирования на лиц, совершающих общественно опасные деяния. Это наглядным образом демонстрируют результаты всех социологических исследований общероссийского масштаба, согласно которым граждане ожидают от государства ужесточения мер реагирования на таких лиц. Однако законодатель игнорирует мнение народа, который, согласно Конституции Российской Федерации, является единственным источником власти в стране [16].

Таким образом, предупредительная функция является одной из важных функций российского уголовного закона. Вместе с тем этот закон содержит в себе положения, девальвирующие ее и снижающие тем самым эффективность борьбы с преступностью в стране. В целом одним из главных условий является постоянная эскалация гуманизма по отношению к лицам, совершающим общественно опасные деяния, и нежелание государственной власти проявлять необходимую строгость по отношению к таким лицам. Гуманизм в регулировании общественных отношений, безусловно, является показателем цивилизованности развития любого государства. Однако он не должен быть чрезмерным по отношению к лицам, причинившим существенный вред гражданам, обществу и государству, иначе мы всегда будем «расплачиваться» высокими показателями преступности, которая рано или поздно «коснется» каждого из нас.

Библиографический список

1. Комиссаров В. С. Законодательные перекосы в уголовно-правовой защите жизни человека // Юридическая наука и практика : вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 22. С. 212–213.
2. Лунеев В. В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. 2-е изд. М. : Волтерс Клувер, 2005. 912 с.
3. Мацкевич И. М. Преступность и преступление XXI века: точки несоприкосновения // Юридическая техника. 2017. № 11. С. 49–53.
4. Побегайло Э. Ф. Уголовная политика современной России: авторская концепция // Вестник Российского государственного университета имени И. Канта. 2007. Вып. 9. Экономические и юридические науки. С. 6–15.
5. Клейменов М. П. Снижается ли преступность в России? // Вестник Омского университета. Сер. Право. 2018. № 1(54). С. 157–162.
6. Лунеев В. В. Истоки и пороки российского уголовного законодательства. М. : Юрлитинформ, 2014. 320 с.
7. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / сост. и предисл. В. С. Овчинского. М. : ИНФРА-М, 2004. 184 с.
8. Смирнов А. М. Народное правосудие в России. М. : Юрлитинформ, 2014. 400 с.
9. Смирнов А. М. Феномен правового нигилизма в российском обществе и готовность граждан к внесудебным способам разрешения криминальных конфликтов // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 3. С. 143–146.
10. Гауфман Л. Д. Проблемы УК РФ: бланкетность, декларативность, казуистичность // Уголовное право в XXI веке : материалы Междунар. науч. конф. на юрид. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова. М. : ЛексЭст, 2002. С. 48–59.

11. Смирнов А. М. Общая характеристика несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы за совершение половых преступлений // Человек: преступление и наказание. 2014. № 3(86). С. 130–135.

12. Милюков С. Ф., Никуленко А. В. Некоторые направления уголовно-правовой политики в сфере силового противодействия преступности // Библиотека уголовного права и криминологии. 2014. № 2(6). С. 86–99.

13. Stupi, E. K., Chiricos, T. & Gertz M. 2016, 'Perceived criminal threat from undocumented immigrants: antecedents and consequences for policy preferences', *Justice quarterly*, vol. 33, iss. 2, pp. 239–266.

14. Минязева Т. Ф., Букалерева Л. А. Критерии назначения наказания или иной меры уголовно-правового характера // Общество и право. 2011. № 1. С. 89–93.

15. Осипов П. П. Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. 115 с.

16. Овчинский В. С. Суд и самосуд. URL : <http://www.mk.ru/blog/posts/596-sud-i-samosud.html> (дата обращения: 16.04.2019).

УДК 343.847(574)

DOI 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).1.032-037

ДИНАРА ТАЛГАТОВНА АМУРТАЕВА,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры специальных юридических дисциплин
Института послевузовского образования,
Академия правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Нур-Султан, Республика Казахстан,
e-mail: editor62@yandex.ru;

ШАКИР ШАМИЛЬЕВИЧ ШАЯХМЕТОВ,

кандидат юридических наук, доцент,
директор Института послевузовского образования,
Академия правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Нур-Султан, Республика Казахстан,
e-mail: editor62@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПРОБАЦИОННОГО КОНТРОЛЯ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Для цитирования

Амуртаева, Д. Т. Проблемы применения пробационного контроля в Республике Казахстан / Д. Т. Амуртаева, Ш. Ш. Шаяхметов // Человек: преступление и наказание. – 2020. – Т. 28(1–4), № 1. – С. 32–37. – DOI : 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).1.032-037.

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы осуществления пробационного контроля в Республике Казахстан, в частности касающиеся практики применения пробационного контроля на основе анализа статистических данных Комитета по правовой статистике и специальным учетам Республики Казахстан, реализации пробационного контроля, а также использования зарубежного опыта осуществления probation. Предлагаются пути совершенствования данного института.

Ключевые слова: пробационный контроль, служба probation, ограничение свободы, привлечение к общественным работам, условно осужденные, отсрочка отбывания наказания, условно-досрочное освобождение.

Институт probation в Республике Казахстан (РК) представляет собой систему видов деятельности и индивидуально определяемых мер контрольного и социально-правового характера, направленных на коррекцию поведения лиц, категории которых определены законом, в целях предупреждения совершения ими уголовных правонарушений. Про-

© Амуртаева Д. Т., Шаяхметов Ш. Ш., 2020

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

бация стала новой формой реализации норм уголовного и уголовно-исполнительного права для нашей правовой системы.

В соответствии с Законом Республики Казахстан «О пробации» институт пробации рассматривается как:

- вид уголовного наказания (ст. 44 УК РК «Ограничение свободы»);
- система исполнения наказания (наказания, не связанные с лишением свободы);
- форма социально-правового контроля;
- процесс исправления осужденного;
- мера предупреждения преступности и средство ресоциализации осужденных.

Интерес к службе пробации (далее – служба) обусловлен в первую очередь выполнением функции, не связанной с изоляцией от общества, а также оказанием помощи в ресоциализации и адаптации лиц, совершивших правонарушение.

Вследствие принятых государством мер в сфере реформирования и гуманизации уголовной политики происходит снижение тюремного населения. Так, на сегодняшний день численность лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, составила 29 913 (в 2018 г. – 35 000, в 2017 г. – 36 343 лица). Тенденция снижения тюремного населения вызвала увеличение численности осужденных, прошедших по учетам служб пробации, количество которых в 2017 г. составило более 50 тыс., в 2018 – более 53 тыс., на сентябрь 2019 г. – более 55 тыс. (рис. 1) (URL : <https://www.zakon.kz/4902362-kazakhstan-po-prezhnemu-nahoditsya-sredi.html>).

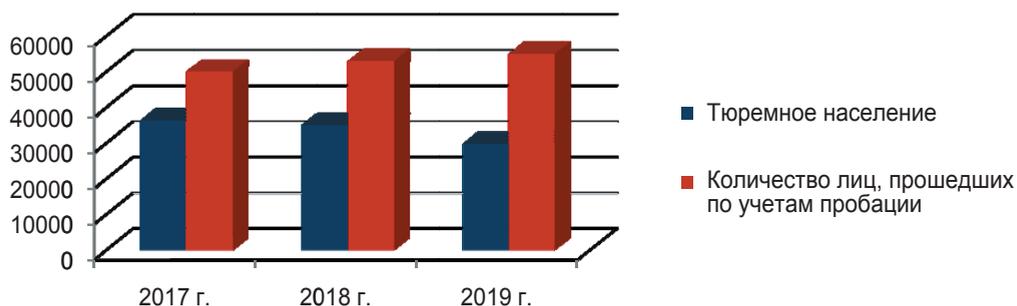

Рис. 1

Анализ данных Комитета по правовой статистике и специальным учетам Республики Казахстан при Генеральной прокуратуре (КПСиСУ) по направлениям деятельности служб пробации показал следующее.

1. Ограничение свободы. В период с 2017 г. по настоящее время ограничение свободы назначалось в 840 случаях: в 2017 г. – 139, в 2018 – 167, на сентябрь 2019 г. – в 673 случаях.

2. Привлечение к общественным работам. В 2017 г. привлечены к общественным работам и находились под пробационным контролем 37 чел., в 2018 – 75, на сентябрь 2019 г. – 151 чел.

3. Условно осужденные лица, которым предоставлена отсрочка отбывания наказания либо к которым применено условно-досрочное освобождение. Под пробационным контролем в 2017 г. находилось 176 человек, в 2018 – 241, на сентябрь 2019 г. – 686 чел. (рис. 2) (URL : <https://qamqor.gov.kz/portal/page/portal/POPPageGroup/Services/Pravstat>).

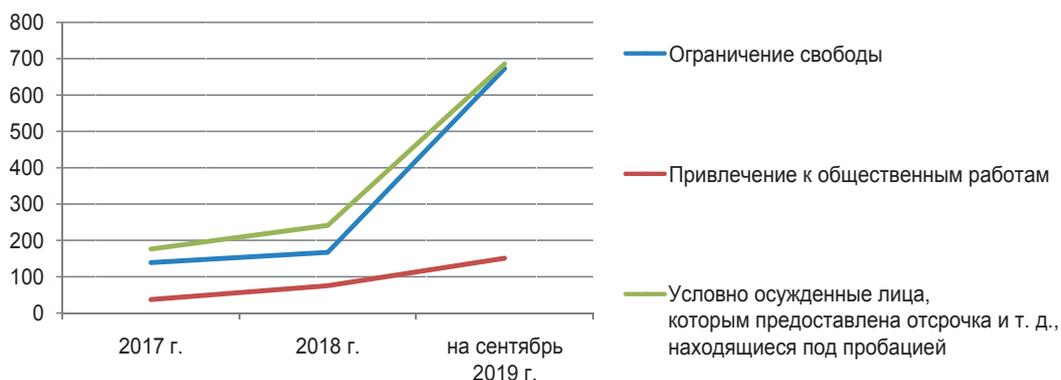

Рис. 2

Общая картина применения пробации на сентябрь 2019 г. представлена на рисунке 3 (URL : <https://qamqor.gov.kz/portal/page/portal/POPageGroup/Services/Pravstat>).

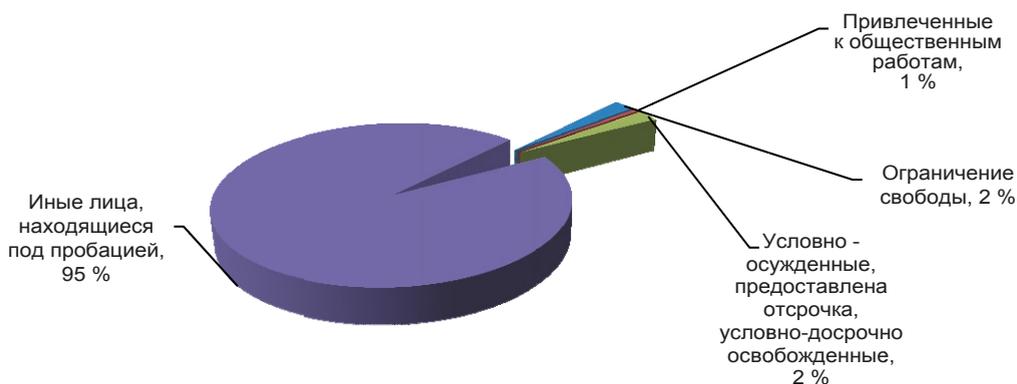

Рис. 3

На рисунке 3 видно, что основную долю лиц, находящихся под пробационным контролем, составляют тюремное население и освободившиеся из мест лишения свободы. В отношении таких лиц пробация осуществляется как мера ресоциализации, социальной адаптации и коррекция их поведения с целью предупреждения новых преступлений. Представленные данные получены с разрезов отдельных граф форм судебной отчетности КПСиСУ, что само по себе усложняет сбор и анализ информации по деятельности служб пробации. Более развернутый анализ дать не представляется возможным в силу отсутствия данных по лицам, отбывающим наказание и освободившимся из мест лишения свободы, находящимся под пробацией, которые в отчетных данных КПСиСУ не значатся.

Изложенное свидетельствует о том, что действующее состояние осуществления пробационного контроля недостаточно анализируется в Республике Казахстан в рамках статистического и иного исследования. Инструкция по обеспечению правовой статистической информацией, утвержденная приказом Генерального прокурора Республики

Казахстан от 15 апреля 2019 г. № 25, не имеет отдельной формы отчетности по вопросам деятельности служб пробации.

Осуществление пробационного контроля в стране регламентируется Уголовным кодексом Республики Казахстан от 2014 г., Законом Республики Казахстан «О пробации» от 2016 г., Правилами организации деятельности службы пробации, утвержденными приказом министра внутренних дел Республики Казахстан, от 2014 г. (далее – Правила). Сущность данного контроля заключается в том, что службы должны систематически осуществлять наблюдение за подучетными лицами. Однако имеют место нарушения действующих положений и норм, регулирующих деятельность служб. На основании изучения материалов дел лиц, находящихся на учете службы пробации (изучено 64 дела), выявлены следующие нарушения.

1. Более 15 фактов несвоевременной постановки осужденных на учет. Например, в июле 2018 г. гр. Р. был осужден, приговор по нему направлен в Департамент уголовно-исполнительной системы лишь в сентябре 2018 г., последние данные Р. направлены в службу спустя еще один месяц, то есть Р. на протяжении более 2 месяцев находился без контроля и надзора.

2. Ненадлежащий контроль за подучетными, нарушение порядка нахождения под пробационным контролем. Например, осужденные уклоняются от исполнения наказания либо нарушают требования условного осуждения, условно-досрочного отбытия наказания, при этом надлежащий контроль за ними не осуществляется.

3. Нарушение объявления розыска скрывшихся лиц. Розыск подучетных инициируется поздно или совсем не осуществляется, несвоевременно отправляется представление в суд (имеются факты, когда подучетные лица не являются для отметки в службы более 6 месяцев, при этом никаких первоначальных розыскных мероприятий не проводилось).

4. Несвоевременное направление службами осужденных для выполнения работ (18 случаев).

5. Отсутствие учета фактов совершения повторных уголовных правонарушений по причине слабого контроля и ненадлежащего исполнения своих обязанностей, несвоевременное проведение необходимых профилактических мероприятий.

6. Отсутствие индивидуальных программ оказания социально-правовой помощи вышеуказанным лицам по снижению рисков рецидива и ресоциализации.

7. Ненадлежащее исполнение местными исполнительными органами требований норм ст. 62 УИК РК, что дает основание считать неэффективной проводимую работу по ресоциализации, адаптации этих лиц и предупреждению рецидивной преступности (основания – отсутствуют документы о проделанной работе подучетных, программы по социальной адаптации таких лиц).

Затрудняет осуществление должного контроля слабое материально-техническое обеспечение служб пробации, отсутствие специализированных курсов повышения квалификации для сотрудников пробации, которые были бы направлены на улучшение социальных навыков в этой области. Эффективность применения данного института невозможно оценить без изучения зарубежного опыта. В связи с этим нами проанализированы наиболее прогрессивные системы пробации зарубежных стран.

Швеция. Особенностью шведского варианта пробации как самостоятельной меры является то, что она может сочетаться с целым рядом уголовно-правовых мер: выплата штрафа, выполнение бесплатных общественно полезных работ и т. д. В системе УИС Швеции работает 8 тыс. человек, из них примерно тысяча – в службах пробации. Количество осужденных к лишению свободы составляет 45 000 чел., из них примерно

12 тыс. чел. состоит на учете в службе пробации. На одного инспектора приходится 30–40 человек (в Казахстане 100–120 чел.). Уголовное законодательство Швеции предусматривает денежный штраф и лишение свободы, но, как правило, лишение свободы не назначается. По отбытии 2/3 срока осужденные независимо от их поведения в период отбывания наказания и других обстоятельств представляются к условно-досрочному освобождению. С этого момента за ними устанавливается административный надзор, в период которого осуществляют свою деятельность инспектора службы пробации.

Англия. Существует Национальная служба по работе с правонарушителями при Министерстве юстиции. По закону об уголовной юстиции 1991 г. суд, рассматривающий дело о преступлении, наказание за которое точно не определено в законе, может издать приказ о пробации. Издание приказа возможно лишь в том случае, когда суд придет к выводу о том, что надзор за преступником со стороны чиновника желателен. Службами пробации также составляется досудебный доклад с рекомендациями о применении меры наказания к лицу, совершившему преступление.

США. Возможность назначения пробации предусматривается законодательством федерации и всех штатов в качестве альтернативы тюремному заключению. Пробация может быть назначена за любое преступление (за исключением фелонии класса А-1) и даже когда санкция предусматривает лишение свободы на срок 25 лет. При обычной пробации агент работает одновременно со 100–250 подучетными, а при интенсивном надзоре – 20–50. Пробация входит в службу контроля за лицами, переданными на испытательный срок, при Министерстве юстиции. Основная функция пробации в США состоит в контроле за подучетными лицами.

Эстония. Служба пробации (уголовного надзора) интегрирована в судебную систему. Чиновники пробации (по уголовному надзору) объединены в отделы уголовного надзора, которые функционируют в составе практически всех судов 1-й инстанции. Отдел уголовного надзора подчиняется председателю суда, который осуществляет общее руководство и контроль. Отделы, как правило, имеют подразделения, которые призваны гарантировать доступность услуг на местах. Служба пробации Эстонии специально учреждена для применения наказаний, альтернативных тюремному заключению. Основная деятельность службы пробации в Эстонии связана с выявлением рисков совершения нового преступления. При этом с подопечными планируются меры по недопущению совершения ими нового преступления.

Сингапур. Служба пробации, основные функции которой заключаются в контроле и социальной адаптации осужденных лиц, входит в состав Министерства общественного развития и спорта. Основываясь на исследовании сущности института пробации, зарубежного законодательства, можно выделить ряд основных функций службы пробации: сбор информации о правонарушителе с целью предоставления помощи суду в определении наиболее эффективного вида наказания; социально-реабилитационная и контролирующая деятельность в отношении условно осужденных, при отсрочке отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей, а также в отношении условно-досрочно освобожденных граждан; исполнение наказаний, не связанных с лишением свободы; контроль за исполнением наложенных судом дополнительных обязанностей и ограничений при освобождении от уголовной ответственности; организация процедур примирения и восстановления социальной справедливости.

Проанализировав применение института пробации в Республике Казахстан, изучив статистические данные в этой области, материалы дел лиц, находящихся под проба-

ционным контролем, положительный зарубежный опыт деятельности пробационных служб, в том числе и по снижению уровня рецидивной преступности, предлагаем:

– предусмотреть самостоятельную форму отчета КПСиСУ, в которой будут систематизированы данные по всем направлениям деятельности службы пробации;

– усилить контроль уполномоченного органа за деятельностью служб пробации, который является единственным органом по обеспечению полноценной деятельности в данной сфере;

– повысить профессиональное и материальное обеспечение деятельности службы пробации;

– создать самостоятельную службу пробации, наиболее эффективная модель которой будет предполагать тесную взаимосвязь между сотрудниками службы пробации и социально-реабилитационными программами и процессами, включая программы общественных организаций. Такой подход потребует принципиально нового способа кадрового формирования самой службы пробации и внедрения иных способов и методов ее финансирования и будет способствовать не только эффективности превенции рецидивной преступности, но и здоровой конкуренции между органами в вопросах профилактики преступности. На наш взгляд, создание специального органа позволит отделить службу пробации от уголовно-исполнительной системы, которая на сегодняшний день по содержанию своих функций не может оказывать реальную помощь в ресоциализации, социальной адаптации и реабилитации лиц, освободившихся из учреждений пенитенциарной системы.

Библиографический список

1. Амуртаева Д. Т. Некоторые вопросы осуществления пробационного контроля за лицами, отбывающими наказания в виде общественных работ // Вестник Академии правоохранительных органов. 2019. № 1(11). С. 17–22.

2. Аккулев А. Ш. Отдельные вопросы пробации. URL : <https://www.zakon.kz/4598354-otdelnye-voprosy-probaccii-akkulev-a.sh.html> (дата обращения: 20.10.2019).

УДК 343.85(436)

DOI 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).1.038-043

ЮРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ВОРОБЬЕВ,
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
е-mail: jurij.worobjow@yandex.ru;

ТАТЬЯНА ИГОРЕВНА ЕГОРОВА,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры уголовного права,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
е-mail: madamti62@yandex.ru

ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ, СОПРЯЖЕННЫЕ С ЛИШЕНИЕМ СВОБОДЫ: СОВРЕМЕННАЯ ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ В АВСТРИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Для цитирования

Воробьев, Ю. А. Предупредительные меры, сопряженные с лишением свободы: современная практика применения в Австрийской Республике / Ю. А. Воробьев, Т. И. Егорова // Человек: преступление и наказание. – 2020. – Т. 28(1–4), № 1. – С. 38–43. – DOI : 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).1.038-043.

Аннотация. В статье рассматривается современное состояние и тенденции развития института предупредительных мер, сопряженных с лишением свободы, в Австрийской Республике. Анализируются меры, применяемые в отношении опасных рецидивистов, правонарушителей, нуждающихся в лечении от наркомании и (или) алкоголизма, а также лиц, имеющих психические отклонения. Проведенное исследование показало заметные количественные и качественные отличия использования данных мер для различных категорий преступников. В наибольшей степени это касается правонарушителей, имеющих психические заболевания, о чем свидетельствуют приведенные статистические данные. Правоприменительная практика подвигла австрийских законодателей не только к необходимости проведения реформы применения предупредительных мер в отношении указанной категории лиц, но и к пересмотру всей концепции функционирования данного правового института. Новое законодательное формулирование целей предупредительных мер, связанных с лишением свободы, позволяет говорить о сужении сферы принуждения в уголовном законодательстве Австрии, а также рассматривать их воздействие в качестве как предупредительного, так и общеохранительного. В перспективе огра-

© Воробьев Ю. А., Егорова Т. И., 2020

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

ничество минимального возраста осужденных и предельных сроков пребывания в специализированных учреждениях, периодическое обследование заключенных должно способствовать преодолению их состояния неопределенности. Важным является обеспечение объективности применения рассматриваемых мер, определение четких критериев их отграничения от наказания и возможности освобождения от дальнейшего отбывания с испытательным сроком.

Ключевые слова: Уголовный кодекс Австрии, предупредительные меры, осужденные, превентивное заключение, невменяемые, лишение свободы.

Для Австрии, как и для других немецкоговорящих стран, в уголовном праве характерно наличие так называемой двухколейности, при которой в качестве мер уголовно-правового принуждения предусмотрено как наказание, так и иные уголовно-правовые меры социальной защиты и профилактики, которые имеют характер превенции и направлены на охрану общественной безопасности. В их системе особое место занимают предупредительные меры, связанные с лишением свободы.

Возможность помещения преступника в учреждение, исполняющее предупредительные меры, впервые появилась в австрийской правоприменительной практике в результате реформы уголовного права в 1975 г. и на данный момент регулируется § 21–25 УК Австрии (öStGB), а также УИК Австрии (§ 157–178a StVG) и УПК Австрии (§ 429–446a StPO).

Уголовный кодекс Австрии предусматривает три вида предупредительных мер, связанных с лишением свободы: помещение в учреждение для опасных рецидивистов в соответствии с § 23, помещение в учреждение для правонарушителей, нуждающихся в лечении от наркомании и (или) алкоголизма, – § 22 и помещение в учреждение для правонарушителей, имеющих психические отклонения, – § 21.

Решение о применении данных предупредительных мер может выноситься судом одновременно с назначением уголовного наказания в виде лишения свободы. Однако в отличие от наказания они при применении не ограничиваются конкретными временными рамками, а в соответствии с австрийским уголовным законодательством должны исполняться так долго, как это необходимо для достижения соответствующей цели (§ 25, Abs.1 öStGB).

Предупредительные меры в отношении опасных преступников (привычных преступников) могут назначаться начиная с двадцатичетырехлетнего возраста за совершение в течение последних пяти лет тяжких преступлений против жизни и здоровья, свободы, чужого имущества или против нравственности с применением насилия или с угрозой его применения в случае, если размер наказания, предусмотренный уголовным законом за посягательство, составляет свыше двух лет изоляции от общества. Кроме того, должны существовать обоснованные опасения, что данные лица допустят рецидив преступления (§ 23 öStGB). Последний тезис отражен в цели рассматриваемых предупредительных мер, которая заключается в том, чтобы «удерживать данных лиц от следования своим опасным склонностям, а также оказывать содействие в обретении ими жизненной установки, соответствующей правовым нормам и нормам общественной жизни» (§ 171 StVG).

Общий срок нахождения в специализированном исправительном учреждении ограничивается десятью годами. При этом соответствующие суды земель должны минимум один раз в год проверять необходимость дальнейшей изоляции осужденного. Исполнение назначенной меры возможно только после отбытия наказания в виде лишения свободы (§ 24, Abs. 2 öStGB).

Рассматриваемый вид предупредительных мер является классическим превентивным заключением, эквивалентным, например, немецкому Sicherungsverwahrung. Примечательно, что, так же как и в немецком праве, применение данной меры социальной защиты и профилактики долгое время находилось под давлением серьезной критики со стороны как австрийских специалистов, так и международных организаций (например, ЕСПЧ). Обусловлено это не только особым статусом превентивного заключения, его прогностическим обоснованием, высокой социально-политической значимостью правовых последствий, но и непоследовательностью, противоречивостью правовой политики в части соблюдения классического принципа «ne bis in idem».

С учетом изменений, внесенных в § 23 öStGB в 1987 г., а также под влиянием правозащитных организаций в последние десятилетия опасные рецидивисты стали все чаще направляться в учреждения для правонарушителей с психическими отклонениями в соответствии с § 23 Abs. 2 öStGB либо им назначается максимально возможный срок лишения свободы согласно § 39 öStGB. Данные тенденции привели к постепенному уменьшению числа лиц, в отношении которых применено превентивное заключение в соответствии с § 23 öStGB: с 12 в 1990 г. до нескольких человек в 2014 г. [1]. В более поздних статистических отчетах данная категория заключенных совсем не упоминается. В связи с этим австрийские правоведы говорят о § 23 öStGB как о мертвой уголовно-правовой норме.

Предупредительные меры в отношении преступников, страдающих алкоголизмом и/или наркоманией, применяются в тех случаях, когда прослеживается четкая взаимосвязь между установленной специалистами наркотической или алкогольной зависимостью виновного и совершенным уголовно наказуемым деянием, а также существует достаточная вероятность рецидива вследствие употребления алкоголя или другого одурманивающего средства (§ 22 öStGB). Целью данной предупредительной меры является ограждение от «злоупотребления дурмящими или наркотическими веществами, содействие ведению законопослушного образа жизни и удержание осужденных от того, чтобы следовать пристрастиям, наносящим вред своему здоровью» (§ 168, Abs. 1 StVG).

Нахождение в учреждениях для осужденных, нуждающихся в лечении от наркомании или алкоголизма, не превышает двухлетний срок. При этом суды земель минимум один раз в полгода должны проверять необходимость дальнейшего пребывания в соответствующем лечебном учреждении, время нахождения в котором засчитывается в общий срок наказания. По окончании исполнения данной предупредительной меры осужденный переводится в обычное пенитенциарное учреждение.

Австрийские специалисты отмечают, что наркологическое лечение, которое основывается на судебном решении, в большинстве случаев не приносит должного эффекта [2]. В связи с этим подавляющее число всех осужденных, к которым применяется данная предупредительная мера, переводятся из-за ее бесперспективности в учреждения для правонарушителей, имеющих психические отклонения, или обычные пенитенциарные учреждения, где им предоставляется соответствующая терапия (§ 68a StVG). Низкую распространенность данной меры превентивного заключения подтверждает и Статистическое ведомство Австрии. Согласно его данным, на 1 июня 2019 г. в учреждениях соответствующего типа содержались только 10 осужденных [3].

Основную массу лиц, к которым применяются предупредительные меры, связанные с лишением свободы, составляют психически больные. Большая часть современной пенитенциарной литературы посвящена изучению проблем применения предупредительных

мер в отношении именно данной категории лиц, составляющих на сегодняшний день 10,8 % от всего количества заключенных в австрийских пенитенциарных учреждениях [3].

Лица, к которым применяются данные предупредительные меры, не рассматриваются как некая однородная масса. Уголовный кодекс Австрии дифференцирует их: на невменяемых правонарушителей, имеющих психические заболевания, и вменяемых правонарушителей, имеющих психические отклонения.

К первой группе относятся лица, которые совершили деяния, наказуемые лишением свободы на срок свыше одного года, в состоянии невменяемости, связанном с «душевым или психическим отклонением высокой степени» (§ 21, Abs. 1 öStGB); ко второй – лица, которые, будучи вменяемыми, под влиянием своего «душевного или психического отклонения высокой степени» совершили деяние, наказуемое лишением свободы на срок свыше одного года (§ 21, Abs. 2 öStGB).

Направление данных лиц в специализированные лечебные учреждения имеет своей целью «удержание их от повторного совершения преступления с тяжкими последствиями под влиянием своих душевных или психических отклонений» (§ 21, Abs. 1 öStGB), а также «улучшение состояния здоровья до такой степени, которая позволила бы говорить о малой вероятности совершения ими уголовно наказуемых деяний в дальнейшем» (§ 164, Abs. 1 StVG).

Исполнение данной меры осуществляется в специализированных лечебных учреждениях либо в особых блоках соответствующих клиник и имеет характер психиатрического лечения в стационарных условиях (§ 158, Abs. 2 öStGB). Оно не ограничено временными рамками, но минимум один раз в год региональные земельные суды обязаны проверять необходимость дальнейшего пребывания лиц в соответствующих учреждениях. Время отбытия предупредительных мер, назначенных осужденным с психическими расстройствами в соответствии с § 21 Abs. 2 öStGB, включается в общий срок наказания. Однако в подавляющем большинстве случаев оно значительно превышает его, составляя в среднем 5,4 года. Предупредительные меры, назначенные лицам, совершившим преступление согласно § 21 Abs. 1 öStGB, с наказанием не связаны, но также достаточно продолжительны по времени – в среднем 4,8 года [4].

Решение о прекращении применения данных терапевтических мер возможно только по достижении основной цели его применения – очевидного улучшения психического здоровья и соответственно положительного криминологического прогноза.

Освобождение из специализированного учреждения, в том числе и условно-досрочное, происходит с назначением испытательного срока. Его продолжительность составляет, как правило, от 5 до 10 лет – в зависимости от тяжести преступления и иных обстоятельств (§ 45 öStGB). На время пробации суд может дать указания различного вида (например, продолжить психофармакологическое и психотерапевтическое лечение, контролировать воздержание от употребления наркотиков или алкоголя, не посещать определенные места в соответствии с § 54 öStGB). С 2002 г. предусмотрена возможность продления судом испытательного срока. В случае неисполнения указаний суд может отменить условно-досрочное освобождение и определить возвращение лица в специализированное учреждение.

Применение предупредительных мер в соответствии с § 21 Abs. 1, 2 öStGB оказалось самым уязвимым местом в системе уголовно-правовой политики Австрии с точки зрения соблюдения прав человека. Система австрийских предупредительных мер, разработанная в начале 1970-х годов прошлого столетия под лозунгом «лечение вместо заключения», стала все больше смещаться в сторону защиты населения от тяжких

преступлений, совершаемых лицами, имеющими психические отклонения, посредством их длительной изоляции от общества.

На практике сокращение числа осужденных, направляемых в превентивное заключение и лечебные исправительные учреждения для больных наркоманией и алкоголизмом, привело к стремительному увеличению количества лиц, направляемых в психиатрические учреждения. Если еще в 1990 г. таковых было только 240 чел., то в 2019 г. их общая численность составила уже 1012 чел. [3]. Данное положение способствовало возникновению проблем с их размещением, качеством медицинского освидетельствования и лечения.

Для анализа существующих проблем и их решения в 2014 г. австрийским Министерством юстиции была создана специальная комиссия. Результатом ее деятельности стала подготовка в 2019 г. проекта закона о реформировании системы предупредительных мер (Entwurf für die Reform des Maßnahmenvollzugs). В качестве основных его положений были обозначены:

- принятие в ближайшей перспективе специального закона об исполнении предупредительных мер (Massnahmenvollzugsgesetz), связанных с лишением свободы (весной 2020 г. должен быть передан в Парламент Австрии для рассмотрения);
- императивное соблюдение «принципа разграничения» (Abstandsgebot) мест и учреждений, исполняющих предупредительные меры, от мест исполнения уголовных наказаний в пространственном и организационном смысле;
- назначение предупредительных мер судом в коллегиальном составе (вместо единоличного решения);
- обязательное привлечение к судебно-медицинскому освидетельствованию клинического психолога и психиатра; в случае с несовершеннолетними – детского и подросткового психиатра;
- более широкое применение электронного контроля при условно-досрочном освобождении;
- определение верхнего 15-летнего предела исполнения предупредительных мер в отношении несовершеннолетних (в настоящее время теоретически может быть пожизненным);
- создание специальных судебно-медицинских центров для размещения лиц с психическими отклонениями [5].

Последнее положение, кстати, соотносится с современной общеевропейской тенденцией правоприменительной практики в отношении опасных преступников и преступников со значительными психическими отклонениями, о чем свидетельствует, например, совсем недавнее принятие во Франции нового Закона об организации «общественных медико-юридических центров» для лиц данной категории [6] и польского Закона о наблюдении за особо опасными преступниками, в соответствии с которыми данные осужденные могут быть помещены в специальные закрытые центры для принудительного лечения на неопределенный срок [7].

Анализ проекта закона, регламентирующего применение предупредительных мер, и его планируемое принятие весной 2020 г. позволяет сделать вывод о том, что в ближайшей и среднесрочной перспективе Австрия не рассматривает отказ от предупредительных мер как особой формы социальной защиты и профилактики. Законодатель стремится сохранить в неизменном виде базовые материально-правовые нормы, определяющие основания применения и порядок исполнения данных мер. В то же время явно просматривается тенденция усиления терапевтической составляющей системы

предупредительных мер, их более четкой и прозрачной правовой регламентации и применения только в статусе *Ultima ratio* в австрийской судебной практике. Таким образом, перспективными направлениями совершенствования предупредительных мер, связанных с лишением свободы, в современной практике применения в Австрийской Республике является более обоснованный и объективный характер их назначения, а также законодательная дифференциация исполнения по объективным и субъективным признакам заключенных.

Библиографический список

1. *The measure of placement in an institution for dangerous recidivists. For the Genesis and application of § 23 StGB* n. d., viewed 11 June 2019, https://www.irks.at/assets/irks/Publikationen/Stangl_Rueckfallstaeter.pdf.

2. Hellmair, Cr. 2017, *The measure in accordance with § 22 StGB. Withdrawal treatment in the Austrian penal and correctional system – an evaluation. Dissertation for obtaining the doctorate degree*, Bregenz, viewed 12 June 2019, https://oparu.uni-ulm.de/xmlui/bitstream/handle/123456789/9976/Diss_Hellmair.pdf?sequence=3&isAllowed=y.

3. *The Austrian justice system. Prison system. Statistics* n. d., viewed 4 July 2019, <https://www.justiz.gv.at/web2013/home/strafvollzug/statistik/verteilung-des-insassenstandes~2c94848542ec49810144457e2e6f3de9.de.html>.

4. *What are the organizational steps needed to reduce the number of institutionalization in forensic commitment? Project final report 2012*, Institute for sociology of law and criminology, Vienna, viewed 3 July 2019, <https://www.irks.at/assets/irks/Publikationen/Forschungsbericht/IRKS%20MNV%20Bericht.pdf>.

5. *The current status of the forensic commitment reform / self-representation and advocacy for the execution of measures* n.d., viewed 22 June 2019, <http://massnahmenvollzug.com/category/reform-massnahmenvollzug/>.

6. Bogdanov, V. 2008, 'It is necessary to sit in prison twice', *Russian newspaper*, 16 January, viewed 12 June 2019, <http://www.rg.ru/2008/01/16/rezervacii.html>.

7. 'In Poland, under an amnesty announced a quarter century ago, about 100 especially dangerous criminals will be released' 2014, *Judicial-legal online newspaper*, 11 February, viewed 12 June 2019, <https://sud.ua/ru/news/abroad/60416-v-polshe-po-amnistii-obyavlennoj-chetvertveka-nazad-na-svobody-vijdyt-okolo-100-osobo-opasnikh-prestypnikov>.

УДК 343.823

DOI 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).1.044-050

АНДРЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ ПАВЛЕНКО,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры исполнения наказаний,
не связанных с лишением свободы,
и правового обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы,
Томский институт повышения квалификации работников ФСИН России,
г. Томск, Российская Федерация,
e-mail: a.pav@list.ru

СОСТОЯНИЕ ЗДОРОВЬЯ ОСУЖДЕННЫХ КАК ЭЛЕМЕНТ ПРОЦЕДУРЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ИХ К ТРУДУ В СТРАНАХ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

Для цитирования

Павленко, А. А. Состояние здоровья осужденных как элемент процедуры привлечения их к труду в странах Содружества Независимых Государств / А. А. Павленко // Человек: преступление и наказание. – 2020. – Т. 28(1–4), № 1. – С. 44–50. – DOI : 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).1.044-050.

Аннотация. В статье проведен анализ роли пенитенциарного медицинского персонала в обеспечении трудовой деятельности осужденных по законодательству стран – участников Содружества Независимых Государств с целью выявления как сходства и различий положений кодексов исполнения наказаний этих стран между собой, так и соответствия указанных норм рекомендациям международных стандартов обращения с осужденными. Интерес к данной теме обусловлен общей исторической базой уголовно-исполнительного законодательства постсоветских государств. Проведенное исследование позволило выделить несколько общих тенденций: во-первых, необходимость учета состояния здоровья осужденных при привлечении их к труду; во-вторых, определение категорий осужденных, имеющих ограничения к трудовой деятельности по состоянию здоровья, для которых законом предусмотрена добровольность труда; в-третьих, отдельное установление особенностей привлечения к труду несовершеннолетних осужденных в ряде кодексов.

В России основные элементы алгоритма определения трудоспособности осужденных по состоянию здоровья содержатся в подзаконных нормативных правовых актах. Алгоритм действий медицинских работников исправительных учреждений при привлечении к труду лиц, лишенных свободы, включает в себя: основания оценки ситуации, субъект принятия решения, процедуру принятия решения, правовой акт как юридическое последствие медицинского решения.

© Павленко А. А., 2020

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

С целью совершенствования действующего законодательства предлагается часть 1 статьи 103 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации дополнить предложением: «Порядок определения трудоспособности осужденных устанавливается врачебной комиссией медицинской организации уголовно-исполнительной системы».

Ключевые слова: сравнительное правоведение, определение состояния здоровья и трудоспособности, медицинские ограничения к трудовой деятельности, добровольность труда отдельных категорий осужденных, заключение врачебной комиссии пенитенциарного учреждения, международные стандарты обращения с осужденными.

В соответствии с ч. 2 ст. 9 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ) общественно полезный труд является одним из основных средств исправления осужденных. В ст. 103 УИК РФ устанавливается обязанность каждого осужденного трудиться, что не противоречит требованиям ни Конституции Российской Федерации, ни международно-правовых норм.

С позиции охраны здоровья осужденных важно отметить, что в содержание труда в местах лишения свободы входит как экономический, так и оздоровительный аспект, который связан с развитием в процессе труда физических способностей. Кроме того, труд отвлекает многих осужденных от негативных мыслей, вселяет в них надежду на лучшую перспективу. В местах лишения свободы все это приобретает особое значение. Здесь человек по-новому и во многом по-другому оценивает свободу, то главное, что он утратил на тот срок, на который он осужден судом [2]. В связи с этим в целях улучшения психического и физического состояния, создания благоприятных условий для достижения стойких результатов лечения, повышения и закрепления трудоспособности больных в лечебных исправительных учреждениях (ЛИУ) созданы лечебно-производственные (трудовые) мастерские, являющиеся структурным подразделением ЛИУ и реализующие требования уголовно-исполнительного законодательства России в части организации профессиональной подготовки осужденных, привлечения их к труду и закрепления у них трудовых навыков, а также повышения эффективности лечения осужденных путем применения различных видов дозированного труда. Примерное положение о таких мастерских утверждено приказом Минюста России от 1 апреля 2008 г. № 80.

Проведем анализ роли пенитенциарного медперсонала в обеспечении трудовой деятельности осужденных по законодательству стран – участников Содружества Независимых Государств (СНГ) с целью выявления как сходства и различий положений кодексов этих стран между собой, так и соответствия указанных норм рекомендациям международных стандартов обращения с осужденными. Интерес к данной теме обусловлен общей исторической базой уголовно-исполнительного законодательства постсоветских государств. Необходимо отметить, что говоря, о странах, входящих в СНГ, мы опираемся на позицию Исполнительного комитета СНГ, включающего в Содружество 11 государств, из которых Азербайджан, Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Россия, Узбекистан, Таджикистан – действительные члены; Туркменистан – ассоциированный член; Украина – государство со спорным статусом в СНГ (<http://www.cis.minsk.by>).

Государства – участники СНГ придают большое значение единообразной правотворческой деятельности в сфере борьбы с преступностью, включая законодательство об

исполнении уголовных наказаний. В соответствии с постановлением Межправительственной Ассамблеи государств – участников СНГ от 29 октября 1994 г. «О правовом обеспечении интеграционного развития Содружества Независимых Государств» принят Модельный уголовно-исполнительный кодекс (2 ноября 1996 г.), имеющий рекомендательный характер для правотворческих органов государств – участников СНГ. В связи с этим обоснованным представляется мнение О. В. Демидовой о том, что модельные нормативные акты способствуют унификации законодательства в сфере борьбы с преступностью, повышающей эффективность процесса правоприменения, уровень защиты прав и свобод личности, укрепляющей взаимодействие правоохранительных органов. Сравнительно-правовой анализ позволяет констатировать, что положения Модельного уголовно-исполнительного кодекса основаны на проекте УИК РФ, принятого в дальнейшем, поэтому многие правовые институты рассматриваемых нормативных актов полностью идентичны. Нормы Модельного уголовно-исполнительного кодекса были заимствованы в процессе разработки и принятия кодифицированных уголовно-исполнительных законов многими государствами – участниками СНГ [1].

Сравнительный анализ уголовно-исполнительного законодательства стран СНГ будет проводиться на основе кодексов этих государств, регламентирующих исполнение уголовных наказаний. Это уголовно-исполнительные кодексы Армении 2004 г., Беларуси 1999 г., Казахстана 2014 г., Кыргызстана 2017 г., России 1996 г., Узбекистана 1997 г., Туркменистана 2011 г., Украины 2003 г.; Кодекс Азербайджана об исполнении наказаний 2000 г.; Кодекс исполнения уголовных наказаний Таджикистана 2001 г. и Исполнительный кодекс Молдовы 2004 г. (далее – УИК и КИН стран СНГ, кодексы стран СНГ).

Рассматривая положения УИК и КИН стран СНГ, регламентирующие взаимоотношения врача и осужденного в трудовой сфере, подчеркиваем их значительную схожесть как по содержанию, так и по формулировкам. Так, в 10 из 11 указанных кодексов администрации учреждения отбывания наказания предписывается при привлечении осужденных к труду учитывать состояние здоровья. Исключение составляет УИК Кыргызстана. В связи с этим интересно отметить, что до 1 января 2019 г. подобная норма имела и в УИК Кыргызстана 1999 г., однако в действующем Кодексе данного государства, принятом в 2017 г., рассматриваемое положение почему-то отсутствует.

Однако в УИК и КИН Азербайджана, Армении, Беларуси, Казахстана, России, Таджикистана, Узбекистана, Украины не раскрывается ни порядок определения медицинскими работниками этого состояния здоровья осужденных (вид медицинской процедуры), ни форма подтверждения этого состояния (вид документа).

Наиболее оптимальными, по нашему мнению, являются формулировки кодексов Молдовы (ч. 1 ст. 234) и Туркменистана (ч. 1 ст. 76), в которых указывается на необходимость учета физических и психических способностей (состояний) осужденного, удостоверенных врачом. В ч. 6 ст. 200 Исполнительного кодекса Республики Молдова определен не только вид процедуры для определения состояния здоровья и трудоспособности осужденного – медицинское освидетельствование, но и время и место ее проведения – «в период нахождения в карантинном помещении».

В большинстве рассматриваемых кодексов выделяются особенности труда отдельных, специфических с медицинской точки зрения (имеющих ограничения к трудовой деятельности) категорий осужденных – лиц, достигших пенсионного возраста, инвалидов первой или второй группы. В кодексах Азербайджана, Беларуси, Молдовы (в ч. 4 ст. 234 ИК Молдовы используется термин «осужденные с тяжелым и выраженным ограничением возможностей», который, очевидно, соответствует российскому термину «инвалиды I и

II группы)), Кыргызстана, России, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана, Украины предусмотрена добровольность труда таких осужденных. Применительно к осужденным, достигшим пенсионного возраста, в перечисленных кодексах применяются два способа их обозначения. В УИК Беларуси, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана и КИН Азербайджана используются конкретные обозначения возраста в годах. В УИК Кыргызстана и Украины, а также ИК Молдовы эта категория указана как «осужденные, достигшие пенсионного возраста», что представляется более уместным. Схожая по смыслу формулировка внесена Федеральным законом от 2 декабря 2019 г. № 392-ФЗ и в УИК РФ – «осужденные, достигшие возраста, дающего право на назначение страховой пенсии по старости в соответствии с законодательством Российской Федерации». В ч. 2.1 ст. 103 УИК РФ раскрывается методика определения такого возраста – это возраст, установленный ч. 1 ст. 8 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях». Рассматриваемая новелла обусловлена проведением в России пенсионной реформы, заключающейся в том числе в постепенном повышении общеустановленного возраста, дающего право на назначение страховой пенсии по старости и пенсии по государственному обеспечению.

В кодексах Армении и Казахстана не содержатся исключения (добровольность) для трудовой деятельности осужденных, имеющих медицинские ограничения.

Дополнительно к перечисленным категориям в КИН Азербайджана (ст. 95.2) и УИК Украины (ч. 2 ст. 118) определена добровольность труда женщин, срок беременности которых свыше четырех месяцев. Более того, в этих двух государствах, а также в Таджикистане (ч. 2 ст. 107 УИК) по собственному желанию разрешается трудиться и женщинам, имеющим детей в домах ребенка (детских домах) при учреждении. В УИК Украины дополнительно к обозначенным определена еще одна категория осужденных, привлекающихся к труду по их желанию, – больные открытой формой туберкулеза.

В пяти кодексах стран СНГ – Азербайджана, Беларуси, России, Кыргызстана, Таджикистана указывается, что привлечение несовершеннолетних к труду осуществляется в соответствии с трудовым законодательством обозначенных государств. Более того, в КИН Азербайджана (ст. 95.2) устанавливается возможность работы в добровольном порядке осужденным с «ограниченностью возможностей здоровья до 18 лет».

Применительно к деятельности пенитенциарных медиков в УИК Украины (ч. 2 ст. 118), единственном из всех кодексов стран СНГ, определено основание добровольной трудовой деятельности всех обозначенных специфических категорий осужденных – заключение врачебной комиссии колонии. Данный подход представляется наиболее обоснованным.

Таким образом, анализ участия медицинского персонала мест лишения свободы в привлечении к труду осужденных в кодексах исполнения наказаний стран СНГ позволяет выделить несколько общих тенденций: во-первых, необходимость учета состояния здоровья осужденных при привлечении их к труду. Вместе с тем, за исключением Молдовы и Туркменистана, в УИК и КИН стран СНГ не раскрывается ни порядок определения медицинскими работниками этого состояния здоровья осужденных (вид медицинской процедуры), ни форма подтверждения этого состояния (вид документа); во-вторых, определение категорий осужденных, имеющих ограничения к трудовой деятельности по состоянию здоровья, для которых законом предусмотрена добровольность труда; в-третьих, отдельное установление особенностей привлечения к труду несовершеннолетних осужденных в ряде кодексов.

Вопросы учета состояния здоровья осужденных как критерия их трудоспособности нашли свое отражение и в рекомендациях международных актов и стандартов обращения с осужденными. Рассмотрим положения наиболее значимых специальных международных документов в данной сфере – Минимальных стандартных правил ООН в отношении обращения с заключенными 2015 г. (Правила Н. Манделы) (ПНМ) и Европейских пенитенциарных правил 2006 г. (ЕПП). Следует отметить, что в 1975 г. Комитет министров Совета Европы принял Резолюцию (1975) 25 о труде заключенных. Мы поддерживаем точку зрения авторов, считающих эту Резолюцию «очень краткой, которая практически не добавляет новой информации к Рекомендации Rec (2006) 2, касающейся Европейских пенитенциарных правил, где в сравнительно полной мере рассматриваются условия труда заключенных» [5, с. 5].

Отметим, что в предыдущих Минимальных правилах ООН обращения с заключенными 1955 г. имелось положение, обязывающее всех заключенных трудиться в соответствии с их физическими и психологическими способностями, удостоверенными врачом (п. 71.2). В заменивших эти Правила 1955 г. Правилах Н. Манделы эта норма в столь категоричной форме исключена. Вместе с тем мы поддерживаем точку зрения В. А. Уткина, который считает, что на основании пр. 96, 97 ПНМ и в соответствии с целым рядом других авторитетных, в том числе ратифицированных, международных актов труд осужденных, даже если он является их обязанностью, не считается принудительным [6].

Рекомендации в сфере медицинского обеспечения труда осужденных содержатся как в части I Правил Н. Манделы (Общеприменимые правила), так и в части II (Правила, применимые к особым категориям) этого документа. Так, в п. е) пр. 30 раздела «Медико-санитарное обеспечение» в части I предписывается врачу или другому квалифицированному медицинскому специалисту как можно скорее после поступления подвергнуть заключенного медицинскому осмотру, уделив особое внимание определению пригодности его к работе, физическим нагрузкам и участию в другой деятельности. В пр. 96 раздела «Осужденные заключенные» части II также указано на необходимость установления этими же субъектами физической и психической пригодности заключенных к труду и/или к активному участию в своей реабилитации.

Положения Европейских пенитенциарных правил, относящиеся к медицинскому обеспечению трудовой деятельности осужденных, в целом схожи с нормами Правил Н. Манделы. Так, согласно пр. 26.1 (ч. II «Условия тюремного заключения») ЕПП труд в местах заключения следует рассматривать как позитивный элемент внутреннего режима и никогда не применять в качестве наказания. В пр. 26.13 ЕПП установлено, что меры по охране здоровья заключенных должны быть не менее жесткими, чем меры, принимаемые в отношении работников на свободе. В пр. 105.2 (ч. VIII «Работа осужденных заключенных») ЕПП определено, что «осужденные заключенные, не достигшие обычного пенсионного возраста, могут привлекаться к работе, при условии их физической и психической пригодности, которую определяет врач».

Анализ соответствия уголовно-исполнительного законодательства стран СНГ Правилам Н. Манделы и Европейским пенитенциарным правилам в части участия медработников исправительных учреждений (ИУ) в трудовой сфере выявляет их практически полное отражение в УИК Туркменистана и Исполнительном кодексе Республики Молдова. Подобная ситуация с кодексами этих двух стран выявлялась нами и ранее при исследовании других направлений медико-санитарного обеспечения осужденных [4, с. 77–97]. Важно отметить, что особенности трудовой деятельности категорий осужденных, имеющих ограничение трудоспособности по состоянию здоровья, подробно регламентированные в УИК и КИН большинства стран СНГ, в ПНМ не отражены вообще,

а в ЕПП упоминается лишь достижение обычного пенсионного возраста как исключение из общего правила привлечения к труду осужденных. Логически все же можно предположить, что формулировки ПНМ (пр. 30) и ЕПП (пр. 105.2), касающиеся определения при необходимости пригодности (физической и психической) заключенных к работе, физическим нагрузкам, включают в себя оценку возможности добровольной трудовой деятельности инвалидов, беременных женщин и лиц, достигших пенсионного возраста.

Изложенное свидетельствует о том, что в настоящее время многие положения российского уголовно-исполнительного законодательства, в том числе в области привлечения осужденных к труду, приведены в соответствие с международными стандартами, и часть из них уже реализуется на практике. Вместе с тем в России основные элементы алгоритма определения трудоспособности осужденных по состоянию здоровья содержатся в подзаконных нормативных правовых актах, о которых в УИК РФ не упоминается.

Ранее нами уже предлагалось содержание алгоритма действий медицинских работников исправительных учреждений в юридически значимых для осужденных ситуациях [3]. Определение состояния здоровья осужденных с целью оценки их трудоспособности, бесспорно, относится к таким случаям. Рассмотрим конкретный алгоритм при привлечении к труду лиц, лишенных свободы, который включает в себя следующие обязательные элементы: основания оценки ситуации, субъект принятия решения, процедура принятия решения, форма правового акта как юридическое последствие медицинского решения.

В качестве оснований оценки ситуации в рассматриваемой сфере предлагаем медицинские противопоказания, то есть наличие у осужденных конкретных заболеваний, препятствующих определенным видам трудовой деятельности. В ст. 213 «Медицинские осмотры некоторых категорий работников» Трудового кодекса Российской Федерации установлены категории лиц, которые подлежат обязательному медицинскому осмотру при заключении трудового договора. Это, например, работники, занятые на работах с вредными и (или) опасными условиями труда, работники организаций пищевой промышленности, общественного питания и торговли, водопроводных сооружений, а также лица, не достигшие возраста 18 лет.

Относительно второго элемента рассматриваемого алгоритма – субъекта принятия решения следует отметить, что в ПНМ, ЕПП, ИК Молдовы и УИК Туркменистана определен индивидуальный субъект принятия решения о физической и психической пригодности к труду – врач (в ПНМ – или другой квалифицированный медицинский специалист).

На практике в учреждениях УИС России для определения трудоспособности осужденных по состоянию здоровья создаются врачебные комиссии (коллективный медицинский субъект) в соответствии с ч. 2 ст. 48 «Врачебная комиссия и консилиум врачей» Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». В число функций такой комиссии, кроме определения трудоспособности граждан, включено проведение экспертизы профессиональной пригодности некоторых категорий работников, а также обязательных предварительных и периодических медицинских осмотров (обследований) работников, занятых на тяжелых работах и на работах с вредными и (или) опасными условиями труда (пп. 4.3, 4.5, 4.18 Порядка создания и деятельности врачебной комиссии медицинской организации, утвержденного приказом Минздравсоцразвития России от 5 мая 2012 г. № 502н). Кроме того, к компетенции указанной комиссии учреждения УИС (п. 4.2 Порядка) отнесено продление листов нетрудоспособности осужденных на срок более пятнадцати календарных дней (ч. 3 ст. 59 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ).

В качестве процедуры принятия медицинского решения о трудоспособности – третьего элемента алгоритма, согласно пп. 4.3, 4.5, 4.18 Порядка создания и деятельности

врачебные комиссии медицинской организации, определен медицинский осмотр. Необходимо отметить, что в отношении работников, у которых по результатам предварительных или периодических медицинских осмотров выявлены медицинские противопоказания к осуществлению отдельных видов работ, проводится экспертиза профессиональной пригодности (ч. 3 ст. 63 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ).

Четвертый элемент алгоритма действий медицинских работников ИУ при привлечении к труду осужденных определен в ч. 2 ст. 48 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» и п. 16 Порядка создания и деятельности врачебной комиссии медицинской организации. В этих документах указано, что «решение врачебной комиссии оформляется протоколом и вносится в медицинскую документацию пациента». По результатам экспертизы профессиональной пригодности заполняется медицинское заключение о пригодности или непригодности к выполнению отдельных видов работ (приказ Минздрава России от 5 мая 2016 г. № 282н).

На основании изложенного для создания целостного алгоритма действий медицинских работников УИС при определении состояния здоровья осужденных для оценки их трудоспособности полагаем целесообразным дополнить ч. 1 ст. 103 УИК РФ предложением: «Порядок определения трудоспособности осужденных устанавливается врачебной комиссией медицинской организации уголовно-исполнительной системы». Считаем, что эта норма будет распространяться и на перечисленные в ч. 2 указанной статьи категории лиц, привлекаемых к труду по их желанию.

Библиографический список

1. Демидова О. В. Особенности уголовно-исполнительного законодательства государств – участников Содружества Независимых государств // III Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление»: сб. тез. выступ. и докл. участников (г. Рязань, 21–23 нояб. 2017 г.): в 8 т. Рязань: Академия ФСИН России, 2017. Т. 2: Материалы Международной научно-практической конференции «Совершенствование норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства». С. 138–141.
2. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. И. Л. Трунова. М.: Эксмо, 2006. 444 с.
3. Павленко А. А. К вопросу о содержании алгоритма действий медицинских работников исправительных учреждений в юридически значимых для осужденных ситуациях // Человек: преступление и наказание. 2015. № 1(88). С. 92–97.
4. Павленко А. А. Международные стандарты деятельности медицинского персонала пенитенциарных учреждений и их реализация в России и странах СНГ: монография / под ред. В. А. Уткина. Томск: Томский институт повышения квалификации работников ФСИН России, 2018. 143 с.
5. Сборник конвенций, рекомендаций и резолюций, касающихся пенитенциарных вопросов: пер. с англ. / под общ. ред. Ю. И. Калинина. Рязань: Академия ФСИН России, 2008. 236 с.
6. Уткин В. А. Правила Нельсона Манделлы: новые акценты и значение // III Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление»: сб. тез. выступ. и докл. участников (г. Рязань, 21–23 нояб. 2017 г.): в 8 т. Рязань: Академия ФСИН России, 2017. Т. 1: Материалы пленарного заседания. С. 121–126.

УДК 343.847(574)

DOI 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).1.051-055

СЕЙЛХАН МУСИЕВИЧ ЖОЛДАСКАЛИЕВ,

адъюнкт кафедры организации деятельности органов внутренних дел
центра командно-штабных учений,
Академия управления МВД России, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: siko0717@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛУЖБЫ ПРОБАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Для цитирования

Жолдаскалиев, С. М. К вопросу о повышении эффективности деятельности службы пробации в Республике Казахстан / С. М. Жолдаскалиев // Человек: преступление и наказание. – 2020. – Т. 28(1–4), № 1. – С. 51–55. – DOI : 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).1.051-055.

Аннотация. В статье освещаются некоторые вопросы, связанные с исполнением контроля и надзора за подучетными лицами, состоящими на учете службы пробации. Дается анализ состояния функционирования службы пробации уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Республики Казахстан в области оказания пробационного воздействия на осужденных. Предлагаются пути совершенствования пробационной системы, в том числе предоставления социально-правовой помощи осужденным.

Ключевые слова: служба пробации, правоохранительная деятельность, органы внутренних дел, Республика Казахстан, уголовно-исполнительная система.

В течение последних нескольких лет в правоприменительной практике Республики Казахстан произошли кардинальные изменения, в том числе в системе коррекционно-го воздействия на лиц, совершивших уголовные правонарушения. Пробация, как доказавшая свою эффективность коррекционная практика развитых государств, стала своего рода социальной франшизой, на основе которой планируется добиться стойких положительных результатов в улучшении криминальной ситуации в обществе, снижении количества общественно опасных посягательств, социальной адаптации и реабилитации лиц, их совершающих. Действующая изначально исключительно в рамках института условного осуждения пробация постепенно перешла и в сферу уголовно-исполнительного воздействия и имеет тенденцию дальнейшего расширения.

© Жолдаскалиев С. М., 2020

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

В настоящее время общепризнано, что не столько репрессивный потенциал того или иного вида уголовного наказания, сколько недостатки деятельности государственных и иных органов по реабилитации, ресоциализации, социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы, отсутствие системной профилактической работы с ними нередко приводят к негативным последствиям в обществе, в частности, к социально-психологической деградации личности и росту рецидивной (повторной) преступности. Как бы ни менялись вектор уголовно-исполнительного воздействия и спектр оказываемых услуг по социально-правовому сопровождению осужденных лиц, один показатель остается неизменно значимым и индикативным – количество совершаемых повторных правонарушений подучетных лиц. Статистические данные по количеству повторных правонарушений лицами, состоящими на учете службы пробации, за период с 2012 по 2017 год свидетельствуют о сохраняющихся негативных тенденциях (табл.).

Таблица

Показатель	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Возбуждено уголовное дело за повторное преступление	456	744	671	455	406	1141
Освобождены от уголовной ответственности	119	205	205	103	83	445
Осуждено	136	266	243	156	165	255

За период 2012–2017 гг. было возбуждено 3873 уголовных дела в отношении лиц, находящихся под пробационным воздействием. Безусловно, динамика не может быть оценена в абсолютном значении, поскольку реализация института пробации в «полном» формате фактически началась только с 2017 г. Однако именно в 2017 г. произошел стремительный рост количества повторных уголовных правонарушений. Соответственно дальнейшая динамика может представить значимую информацию в рамках получения (неполучения) более или менее стойких результатов по данному важному индикатору.

Сама уголовно-исполнительная практика и действующее законодательство о пробации определяют ключевую роль службы пробации в реализации соответствующего направления воздействия на лиц, совершивших уголовные правонарушения. Сохранившаяся функция контроля за исполнением ряда уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового воздействия дополнена широким спектром своего рода социальных услуг, реализация которых должна привести к изменению мотивационной траектории лиц, склонных к совершению уголовных правонарушений. Улучшение жизненной ситуации лица не может быть расценено в качестве абсолютного фактора, снижающего криминальную активность, тем не менее его значительное влияние на механизм индивидуального преступного поведения уже давно не вызывает сомнения.

В целях развития института пробации и соответственно определения функционала службы пробации ОВД в Казахстане принят Закон от 30 декабря 2016 г. № 38-VI «О пробации». Целый ряд документов, преимущественно связанных с регламентацией именно организационных основ деятельности службы пробации и ее взаимодействия с другими субъектами, были приняты еще до указанного специального Закона и функционируют до настоящего времени: 15 августа 2014 г. был издан приказ Министерства внутренних дел Республики Казахстан № 511 «Об утверждении Правил организации деятельности службы пробации»; 23 октября 2014 г. – постановление Правительства Республики Казахстан № 1131 «Правила оказания социально-правовой помощи лицам, состоящим на

учете службы пробации» и др. Фактически законодательство, которое можно условно назвать пробационным, представлено большим массивом нормативных правовых актов. Это было неизбежно, поскольку пробация существенно расширила границы тех общественных отношений, которые традиционно функционировали в контексте исполнения уголовных наказаний. Вместе с тем в настоящее время не столько правовое обеспечение пробационного воздействия (хотя и правовая регламентация вопроса постоянно подвергается дополнениям и изменениям), сколько вопросы организационно-правового обеспечения, формирования кадрового корпуса сотрудников службы пробации относятся к первоочередным задачам уголовно-исполнительной системы ОВД МВД Республики Казахстан. Следует учитывать, что служба пробации была сформирована на базе уголовно-исполнительных инспекций, что неизбежно приводит к своеобразной трансляции сложившихся практик работы с правонарушителем. Изменение концепции, содержательной составляющей деятельности неминуемо вызывает нежелательные процессы «торможения», использования шаблонов, формальной реализации тех или иных форм взаимодействия с другими субъектами пробационного воздействия и др. В этом случае требуется правильная оценка повседневной деятельности сотрудников службы пробации: это факторы, сопутствующие любому процессу преобразования. Соответственно оценка в формате кратких временных может оказаться методологически неверной.

Изучение опыта зарубежных стран, где служба пробации имеет многолетнюю историю, показывает довольно большое разнообразие в организационном построении данной службы. Например, в Великобритании служба пробации находится в ведении Министерства внутренних дел, в США – судебной системы, в Нидерландах – прокуратуры, в Польше и Швеции – Министерства юстиции [1]. Серьезная дифференциация имеет место и в плане адресатов коррекционного воздействия. Это условно осужденные, осужденные с отсрочкой исполнения приговора, условно освобожденные, в том числе и с интенсивным контролем (электронный мониторинг), и др. В большинстве стран деятельность службы пробации связана и с непосредственным исполнением отдельных видов наказаний (например, общественных работ), но уже на протяжении достаточно длительного времени процесс исполнения наказания неразрывно включает в себя мероприятия по коррекционному воздействию. Для Казахстана это пока только формирующаяся практика.

Имеются ли основания утверждать, что в Казахстане создана собственная, национальная модель института пробации и деятельности службы пробации? С одной стороны, имеет место практически полная имплементация тех или иных форм пробационного воздействия, доказавших свою эффективность в зарубежных странах. С другой стороны, отличительные особенности системы уголовно-исполнительного воздействия, в рамках которых создана служба пробации, неизбежно приведет к определенной специфике данной деятельности. В частности, ведомственная принадлежность службы пробации системе МВД Республики Казахстан является достаточно специфическим фактором, имеющим мало аналогов в мировой практике (например, в Канаде). Кроме того, законодательством Республики Казахстан вся уголовно-исполнительная сфера отнесена к формам правоохранительной деятельности, что также должно наложить отпечаток на функционирование службы и института в целом. Безусловно, и целый ряд других факторов будет влиять на реализацию института пробации и формирование собственной модели, включая специфику политических, социально-экономических, нравственно-культурных процессов в казахстанском обществе, степень активности гражданского общества (в особенности неправительственного сектора) и др.

Одним из наиболее значимых аспектов является механизм взаимодействия службы пробации с другими субъектами. Предшествующий формат работы с правонарушителями, в сравнении с формирующейся моделью, можно условно назвать автономным. Служба пробации слабо зависела от деятельности других государственных органов (разве что от содействия полиции). В настоящее время институт пробации фундаментально основан именно на системе взаимодействия, объединении ресурсов различных субъектов. Таким образом, вопросы организации эффективной системы службы пробации, деятельности уполномоченного государственного органа и его взаимодействия с другими органами имеют особую актуальность [2]. В данном аспекте есть вполне определенные риски. Так, следует признать, что любая система взаимодействия (в данном случае мы не абстрагируемся исключительно от взаимодействия в рамках пробации), сложившаяся со знаком «минус» (формальный подход, «отписки», взаимные уступки, договоренности и прочие способы имитации продуктивной деятельности), как правило, начинает приобретать достаточно устойчивые формы. К сожалению, нередко самим субъектам взаимодействия бывают выгодны подобные формы контактирования. Однако в данном случае целесообразнее действовать по принципу «лучше меньше да лучше», чем стремиться ко все большему расширению аспектов и форм взаимодействия. Следует учитывать, что преодолевать организационные деформации весьма сложно.

В целом организационные аспекты деятельности службы пробации имеют своеобразные макро- и микроуровни. Так, ранее упомянутый принцип взаимодействия преимущественно касается макроуровня. Однако в повседневной деятельности сотрудник службы пробации пребывает на микроуровне и соответственно наиболее остро ощущает его дефекты.

Анализ специальной литературы, изучение эмпирического материала позволяет сделать вывод о важности решения следующих проблем, связанных с реализацией возложенных на службу пробации ОВД задач: отсутствие детализированных карт муниципальных образований районов, а также недостаточное количество технических средств (например, электронных браслетов); сложности, связанные с контролем уголовно-исполнительной системы исполнения осужденными запретов на передвижение в местах постоянного проживания (пребывания) в ночное время и др. Кроме того, не устранены неясности в вопросах осуществления контроля за осужденными, объявленными в розыск, если до их обнаружения истекает срок ограничения свободы; остро стоит проблема нахождения обвиняемых, в отношении которых избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, вне места исполнения меры пресечения, при осуществлении доставки указанных лиц за пределы территории муниципального образования и невозможности осуществления доставки обвиняемых обратно к месту исполнения меры пресечения за один рабочий день; не установлена ответственность при отказе этой категории подучетных лиц от использования в отношении их аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, умышленном повреждении, уничтожении либо совершении ими иных действий, направленных на нарушение функционирования таких средств контроля. Проблематично также осуществление контроля со стороны уголовно-исполнительной системы в случае установления подучетному лицу запрета на отправку и получение почтово-телеграфных отправлений, использование средств связи и информационно-телекоммуникационной сети Интернет [3].

Таким образом, следует признать значимость как постоянного мониторинга деятельности службы пробации на предмет выявления системных и частных организационно-правовых проблем и дефектов, так и принятия конкретных решений, связанных с их

устранением. В частности, к настоящему времени можно констатировать значимость следующих направлений, требующих оптимизации и развития:

– реализация комплекса мер организационного характера, направленных на всесторонний анализ причин и условий, способствующих повторным правонарушениям осужденных (учитывая неблагоприятную динамику), с последующим их устранением; повышение ответственности каждого руководителя и сотрудника подразделения за ненадлежащее исполнение своих обязанностей; активизация взаимодействия службы пробации ОВД с органами прокуратуры; повышение результативности ведомственного контроля за деятельностью уголовно-исполнительной системы; предметное рассмотрение на координационных совещаниях правоохранительных органов вопросов совместной работы уголовно-исполнительной системы с территориальными органами полиции в сфере контроля за поведением осужденных;

– исключение формального подхода к профилактической работе с осужденными, выявление основных причин совершения уголовных правонарушений подучетными лицами, учет повторных правонарушений, анализ их причин и иных сопутствующих факторов;

– акцентирование внимания на совершенствовании информационно-аналитического обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы, повышение эффективности деятельности канцелярии (это связано с тем, что на практике немало сложностей возникает именно в связи с пробелами в регистрации документов);

– повышение качества взаимодействия службы пробации ОВД с местными полицейскими формированиями (участковым), в частности, продолжение и совершенствование практики проведения совместных рейдов с целью проверки осужденных по месту жительства, а также обеспечение своевременного направления ОВД обзорных справок на подучетных лиц;

– усиление социальной направленности деятельности уголовно-исполнительной системы, в том числе за счет адресной помощи лицам, состоящим на их учете, особое внимание при этом уделяя несовершеннолетним осужденным.

Таким образом, при реализации института пробации и оценке деятельности «центрального» субъекта его реализации – службы пробации следует избегать недооценки организационных аспектов, от реализации которых в целом и будет зависеть успешность формирования национальной модели пробации.

Библиографический список

1. Хуторская Н. Б. Международные стандарты и организация деятельности службы пробации за рубежом // Развитие пенитенциарной системы в Кыргызской Республике: результаты, проблемы и перспективы : материалы Междунар. конф. Бишкек, 2013. С. 43–47.

2. Кусаинов Ш. Д. Развитие службы пробации в Казахстане // Кокшетау Азия. URL : <https://kokshetau.asia/pravo/26142-razvitie-sluzhby-probatsii-v-kazakhstane> (дата обращения: 06.12.2017).

3. Смирнова И. Н. К вопросу об организации правоохранительной деятельности уголовно-исполнительных инспекций в условиях реализации новых функций // III Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации) : сб. тез. выступ. и докл. участников (г. Рязань, 21–23 нояб. 2017 г.) : в 8 т. Рязань : Академия ФСИН России, 2017. Т. 3 : Материалы Международной научно-практической конференции «Исполнение отдельных видов уголовных наказаний: проблемы и пути совершенствования». С. 83–87.

УДК 343.847(571.5)
DOI 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).1.056-061

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ХАРМАЕВ,
кандидат юридических наук, доцент,
заслуженный юрист Республики Бурятия,
заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова,
г. Улан-Удэ, Республика Бурятия, Российская Федерация,
e-mail: kharmaev@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ БЕЗ ИЗОЛЯЦИИ ОТ ОБЩЕСТВА («ХИМИИ») В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В СЕРЕДИНЕ 1960-Х ГОДОВ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ПРИМЕНЕНИЯ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТ*

Для цитирования

Хармаев, Ю. В. Особенности применения наказания без изоляции от общества («химии») в Восточной Сибири в середине 1960-х годов в контексте современного применения принудительных работ / Ю. В. Хармаев // Человек: преступление и наказание. – 2020. – Т. 28(1–4), № 1. – С. 56–61. – DOI : 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).1.056-061.

Аннотация. В статье раскрываются особенности применения уголовного наказания для условно осужденных и условно освобожденных от отбывания наказания с обязательным привлечением к труду в советский период (1964 – 1989) на стройках и предприятиях промышленности в регионах Восточной Сибири. Данные о численности и движении лиц, условно освобожденных из мест лишения свободы и условно осужденных с обязательным привлечением к труду, состоящих на учете в специальных комендатурах Бурятской АССР, основываются на архивных материалах. Делается вывод о необходимости учета положительного отечественного опыта реализации данного вида наказания, во многом схожего с актуальным в настоящее время наказанием в виде принудительных работ.

Ключевые слова: наказания без изоляции от общества, принудительные работы, специальные комендатуры, уголовно-исполнительная политика.

Расширение перечня уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества, является одной из приоритетных задач в контексте совершенствования современной уголовной

* Статья подготовлена в рамках инновационного гранта БГУ 2019 № 19-14-0502.

© Хармаев Ю. В., 2020

политики Российского государства. Анализ судебно-следственной практики свидетельствует об увеличении в последние годы числа приговоров с назначением наказаний, не связанных с лишением свободы [1, с. 10]. Такая ситуация обусловлена не только либерализацией и гуманизацией уголовной политики государства, но и со снижением уровня преступности как в России, так и в большинстве стран мирового сообщества [8, с. 72].

По мнению специалистов [3], современное общество стало более материально обеспеченным. Политологи, например, объясняют это явление тем, что потребление калорий в среднем на душу населения значительно возросло. Заметное снижение характерно для насильственной преступности. Полагают, что исчезла необходимость грабить и убивать, чтобы прокормить семью или получить крышу над головой, в связи с чем во многом изменилась психология преступного деяния. В последнее десятилетие наблюдается уменьшение количества лиц, отбывающих наказание в местах заключения. В новейшей истории России зафиксирован исторический минимум лиц, отбывающих реальное лишение свободы в колониях и тюрьмах, который сегодня равен чуть более 456 тыс. осужденных [9].

На фоне таких статистических показателей перед обществом, точнее, перед теоретиками и практическими работниками правоохранительных структур стоит сложный вопрос о совершенствовании имеющихся видов наказаний, не связанных с изоляцией лица от общества. Одним из них являются принудительные работы, которые в научных и практических кругах «окрестили» как реанимацию советской «химии» ввиду схожести по сути их исполнения.

Так почему в обществе лиц, отбывающих уголовные наказания, при условно-досрочном освобождении из мест лишения свободы и условном осуждении с обязательным привлечением к труду (об условном освобождении из мест лишения свободы осужденных, вставших на путь исправления, для работы на строительстве предприятий народного хозяйства : указ Президиума Верховного Совета СССР от 20 марта 1964 г. // Бюл. Верховного Суда СССР. 1964. № 4. С. 6; Об условном осуждении к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду : указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 июня 1970 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1970. № 24. Ст. 204) стали называть «химиками»? Уж точно не из-за их предпочтения одному из школьных предметов или их принадлежности к преподавательской деятельности. Одна из версий связана с тем, что такой институт уголовно-правового наказания стал активно применяться в регионах Восточной Сибири (Красноярский край, Иркутская область, Бурятская АССР и др.) на стройках химической промышленности. Лица, отбывшие наказания, обычно на вопрос, откуда прибыли, отвечали просто: «химичили там-то», «были на химии там-то». Окружающие впоследствии нарекли их «химиками», и всем было понятно, о ком конкретно идет речь.

Проблемы института условного освобождения и условного осуждения к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду в середине 1960-х годов достаточно изучены и освещены в юридической литературе (сегодня работа в данном направлении продолжается [7, с. 73; 10, с. 74]).

Появление нового уголовно-правового института в законодательстве СССР вызвало необходимость изучить особенности его применения и определить основные средства исправительного воздействия на осужденных. Уголовно-правовая природа указанного института потребовала разобраться в его социальной сущности, в критериях оценки эффективности их применения, правовых формах регламентации новых уголовно-правовых мер в стадии их непосредственного исполнения, что и было предпринято В. К. Кетовым [4]. Уже тогда имелись тенденции и закономерности развития системы уголовных наказаний, не связанных с изоляцией лица от общества.

Преимущества нововведения в перечне существовавших наказаний проявились следующим образом: эффективное использование труда осужденных на строительстве важнейших народнохозяйственных объектов; существенное уменьшение расходов государства на содержание исправительных учреждений; хорошая возможность осужденным овладеть более широким кругом профессий; решение кадровой проблемы на стройках и предприятиях страны, чаще всего на отдаленных и окраинных территориях страны; применение общественных средств воздействия на осужденных в условиях поддержания социально полезных связей, включая семейно-родственные, и постоянного надзора со стороны администрации учреждения.

Карательное воздействие указанного уголовно-правового института заключалось в следующем: обязательность работы на строительстве по указанию органов, ведающих исполнением приговора; невозможность увольнения по собственному желанию и перехода на другое предприятие; перевод без согласия осужденного с одной стройки на другую; запрещение осужденным покидать район стройки без разрешения не только администрации, но и органов милиции; невключение в срок отбытого наказания времени работы на стройке в случае совершения условно освобожденным нового преступления; признание времени работы на стройке фактически отбываемым сроком при погашении судимости; возвращение в места лишения свободы не только за совершенные преступления, но и за систематические или злостные нарушения трудовой дисциплины, общественного порядка или правил регистрации. Все эти меры имели принудительный характер и были направлены на исправительное воздействие на условно освобожденного или условно осужденного.

Впервые в Бурятской АССР специальные комендантуры по надзору за условно освобожденными из мест лишения свободы в соответствии с приказом Министерства охраны общественного порядка Бурятской АССР от 24 августа 1964 г. № 052 были дислоцированы в двух населенных пунктах: в г. Улан-Удэ (численностью до 250 осужденных) и в пос. Кабанск (до 500 осужденных) в 1964 г. (архив МВД по Республике Бурятия. Ф. 01. Арх. № 188. Л. № 209-210). В последующем вплоть до 1989 г. практически в каждом втором районе республики были размещены специальные комендантуры, где под их контролем находилось около 2,5 тыс. осужденных ежегодно.

Например, в 1971 г. за всеми специальными комендатурами республики числилось 1234 чел., из которых 278 чел. прибыли из других регионов СССР (22,1 % от всего количества осужденных), из них за рассматриваемый период привлечено к уголовной ответственности 22 осужденных (1,7 %) за совершение преступлений во время отбытия наказания. Совершенные ими преступления носили различный характер. Так, 35,4 % осужденных было привлечено за кражу личного имущества (ст. 144 УК РСФСР); 35,4 – за хулиганство (ст. 206); 6,4 – за изнасилование (ст. 117); 6,4 – за хищение государственного или общественного имущества (ст. 89); 3,2 % – грабеж (ст. 145 УК РСФСР); 12,9 % – за другие преступления (архив МВД по Республике Бурятия. Ф. 1. Оп. 1. Арх. № 462. Л. 23, 41, 91, 113). Следует отметить, что почти половина преступлений (45,7 %) была связана с имущественными посягательствами. Наибольшее количество осужденных было зарегистрировано в Бурятской АССР в 1981 г., когда по всем комендатурам насчитывалось 3299 чел., из которых 228 чел. было привлечено к уголовной ответственности, а 2281 чел. снят с учета в связи с истечением сроков наказания, досрочно, в связи с инвалидностью, ввиду возвращения в места лишения свободы и др. (архив МВД по Республике Бурятия. Ф. 1. Арх. № 492–493; 505; 507; 509–511).

В представленных архивных материалах прослеживается тенденция активного использования труда осужденных на предприятиях и стройках народного хозяйства региона, в

частности в области промышленного (50,3 %) и сельского (5,6 %) строительства, энергетики и электрификации (14,6 %), путей сообщения (5,6 %), промстройматериалов (13,1 %), органов внутренних дел (6,6 %), цветной металлургии (4,1 %) (архив МВД по Республике Бурятия. Ф. 1. Арх. № 9–10; 25–26). В 1960-е годы республика насчитывала чуть более 700 тыс. чел.: 41 % составляли городские жители, 59 % населения проживали в сельской местности [6, с. 24]. Еще в 1939 г. Бурятия была преимущественно сельскохозяйственной республикой, за последующие годы численность горожан постепенно увеличилась. Немалый вклад в урбанизацию региона во второй половине XX в. внесли стройки предприятий и учреждений, где трудились осужденные в соответствии с указами Президиума Верховного Совета СССР от 20 марта 1964 г. и от 12 июня 1970 г.

По мнению В. К. Кетова [4, с. 10], основными критериями достижения цели наказания для условно осужденных и условно освобожденных являются: воздействие системы наказания на уровень и движение преступности; поведение осужденного в период отбывания наказания; поведение осужденных после освобождения от наказания.

Статистика и архивные материалы по количеству и движению лиц, условно освобожденных из мест лишения свободы и условно осужденных с обязательным привлечением к труду в Бурятской АССР с 1964–1989 гг., показывают ряд тенденций, характерных для данной категории осужденных.

К уголовной ответственности за рецидив из общего числа осужденных – «химиков» за все рассматриваемые годы ежегодно привлекалось не более 10 %; почти половина преступлений, совершенных этой категорией осужденных, относилось к корыстным посягательствам (45,7 % – кражи, грабежи, хищения государственного и общественного имущества); уровень рецидива этой категории осужденных ниже общего уровня рецидива. С 1964 по 1977 год в специальные комендантуры республики отправлялись осужденные из других городов страны (до 22,5 %), позднее основной контингент состоял из лиц, совершивших преступление в данном регионе. Большая часть осужденных относилась к молодому и среднему возрасту до 40 лет. Исследование дисциплинарной практики показало, что абсолютное большинство осужденных работали добросовестно, соблюдали трудовую дисциплину, принимали участие в общественной работе. Вместе с тем некоторая часть условно осужденных и условно освобожденных вели себя отрицательно, злоупотребляли спиртными напитками, пытались пропагандировать и внедрять традиции преступного мира.

В диссертационном исследовании В. К. Кетова представлена социально-демографическая характеристика условно осужденных и условно освобожденных указанного периода: подавляющее большинство – молодые люди и лица среднего возраста; незаконченное среднее, среднее и высшее образование имели 72,2 % условно освобожденных и 77,5 % условно осужденных, среднее и высшее – соответственно 37,8 и 42,2 %; доля лиц с неполным средним образованием (до 7 классов) также была значительной – соответственно 23,8 и 22,5 % [4, с. 13]. Около 9–13 % осужденных, прибывших на стройки, не имели никакой специальности, 80–85 % – строительных специальностей [4, с. 16].

В связи с введением в настоящее время в Российской Федерации уголовного наказания в виде принудительных работ, а также внесением поправок в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации, позволяющим открывать филиалы колоний-поселений и исправительных центров при предприятиях и крупных стройках, имеющийся отечественный опыт исполнения наказаний в отношении условно освобожденных и условно осужденных может быть очень полезен [5].

Исходя из того что принудительные работы предполагают обязательное трудоустройство осужденных, при реализации данного вида уголовного наказания следует учитывать:

уровень профессионального образования, наличие (отсутствие) трудовых специальностей, возможности получения профессий, социально-демографические признаки осужденных (инвалидность, состояние здоровья и др.), криминологические и индивидуально-психологические свойства личности. Отечественный опыт реализации «химии» и решение специфических задач в советский период может принести современным правоприменителям существенную пользу в повседневной оперативно-служебной деятельности.

Современные принудительные работы отличаются своей социальной окраской. Как отмечают некоторые исследователи [1, с. 12], пребывание в исправительных центрах можно сравнить с работой вахтовиков, которые работают вдали от дома, проживая в общежитиях. Если в советское время условно освобожденные и условно осужденные в основном работали на промышленных и сельскохозяйственных предприятиях, то трудоустройство в нынешних условиях имеет свою специфику. Например, в Ставропольском крае (Георгиевский исправительный центр № 1) осужденные работают в системе общественного питания, в ЖКХ, в ДРСУ. В дальнейшем данная категория осужденных может быть трудоустроена на предприятиях Ставропольского края, таких как ООО «Ставсталь», ООО «Краснокумский кирпичный завод», ГУП «Минераловодское ДРСУ», ОАО «Хлебокомбинат Георгиевский». Осужденные Ишимского исправительного центра с учетом их образования и навыков трудятся животноводами, медицинскими работниками, дорожными рабочими, водителями и штукатурами [1, с. 13]. Следует обратить внимание, что большинство практических работников исправительных центров территориальных органов ФСИН России в ходе анкетирования, проведенного сотрудниками НИИ ФСИН России, указали, что основные проблемы исполнения наказания в виде принудительных работ у них связаны с вопросами трудоустройства осужденных [2, с. 41].

В целом уголовно-исполнительная политика по объективным причинам будет продвигаться усиленными темпами в плоскость расширения уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы. При этом не стоит забывать, что появляются новые, заслуживающие внимания модели правового регулирования и меры уголовно-правового принуждения в отношении правонарушителей, которые должны быть максимально и всесторонне исследованы и проанализированы, прежде чем внедрены в практику.

Библиографический список

1. Абрамова Н. Г. Некоторые вопросы начального этапа реализации исполнения уголовного наказания в виде принудительных работ // Организация и правовое регулирование исполнения наказания в виде принудительных работ: теория и практика : сб. материалов круглого стола с междунар. участием / под ред. И. В. Дворянскава. М. : НИИ ФСИН России, 2017. С. 10–18.
2. Габараев А. Ш., Лобачева Л. П. Организационно-правовые проблемы исполнения наказания в виде принудительных работ // Организация и правовое регулирование исполнения наказания в виде принудительных работ: теория и практика : сб. материалов круглого стола с междунар. участием / под ред. И. В. Дворянскава. М. : НИИ ФСИН России, 2017. С. 37–46.
3. Киюцина О. М. Хорошо сидим. Почему в России резко снизилось количество заключенных. URL : <https://www.zaprava.ru/xoroshho-sidim> (дата обращения: 03.10.2019).
4. Кетов В. К. Исправление и перевоспитание лиц, условно освобожденных из мест лишения свободы для работы на строительстве предприятий народного хозяйства и условно осужденных к лишению свободы с обязательным привлечением к труду : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1975. 21 с.

-
5. При крупных предприятиях откроются филиалы колоний // Российская газета. 2019. 21 июля.
 6. Демографическая характеристика Республики Бурятия / Л. Ф. Писарева [и др.] // Бюллетень сибирской медицины. 2015. Т. 14, № 3. С. 23–29.
 7. Скиба А. П. Некоторые проблемы теории и истории применения условно-досрочного освобождения // Дороги в общество третьего тысячелетия : сб. ст. Ростов н/Д : Южный университет (ИУБиП), 2002. С. 72–76.
 8. Хармаев Ю. В., Гантулга Н. Опыт влияния трудов русских классиков (Ф. М. Достоевский, А. П. Чехов, С. В. Максимов, В. М. Дорошевич и др.) на гуманизацию пенитенциарной политики в государстве // Преступность в России: проблемы реализации закона и правоприменения : сб. науч. тр. / под ред. В. А. Авдеева. Иркутск : Байкальский государственный университет экономики и права, 2015. С. 72–78.
 9. Число осужденных в российских колониях достигло исторического минимума. URL : <https://rg.ru/2018/12/14/chislo-osuzhdennyh-v-rossijskih-koloniiah-dostiglo-istoricheskogo-minimuma.html> (дата обращения: 10.09.2019).
 10. Эрхитуева Т. И., Мяханова А. Н. Принцип целесообразности при условном осуждении // Социология уголовного права и реформирование уголовного законодательства : сб. ст. М. : Юриспруденция, 2018. С. 73–80.

УДК 343.81

DOI 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).1.062-071

ИЛЬЯ НИКОЛАЕВИЧ ЧЕРНЫШОВ,
кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономики и менеджмента,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: ilya_4@mail.ru

СТРУКТУРА УПРАВЛЕНИЯ ИСПРАВИТЕЛЬНЫМ ЦЕНТРОМ: ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ И НАПРАВЛЕНИЯ ИЗМЕНЕНИЙ

Для цитирования

Чернышов, И. Н. Структура управления исправительным центром: принципы построения и направления изменений / И. Н. Чернышов // Человек: преступление и наказание. – 2020. – Т. 28(1–4), № 1. – С. 62–71. – DOI : 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).1.062-071.

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы развития системы исправительных центров, предназначенных для исполнения уголовных наказаний в виде принудительных работ. Предметом анализа выступают принципы построения организационной структуры управления центром и тенденции ее изменения. Внимание сосредоточено на поиске и идентификации причин происходящих организационно-штатных преобразований, среди которых можно выделить изменения внутри ключевых функциональных подсистем рассматриваемых учреждений, пересмотр соотношения полномочий различных должностей, а также трансформацию функциональных связей между подразделениями и внешней средой. Детальный анализ происходящих преобразований типовой структуры управления исправительным центром показал, что наряду с общими для учреждений уголовно-исполнительной системы принципами и подходами к организации деятельности, выражающимися через линейно-функциональную модель управления, имеет место определенная специфика организационного построения. К числу основных направлений преобразования типовой структуры управления центром следует отнести перераспределение состава подразделений, находящихся в непосредственном подчинении начальника центра и его заместителя. Данное изменение позволило сделать вывод об усилении специализации заместителя начальника центра на функциональном направлении организации режима и надзора как одной из важнейших функций учреждения. Кроме того, произошло значительное преобразование состава подразделений и входящих в него специализированных функциональных групп. Отметим сокращение численности персонала отдельных отделов и служб. В качестве обобщений, сформулированных по результатам анализа, указана объективная необходимость пересмотра подходов к планированию структуры управления и численности персонала. В условиях активного распространения и

© Чернышов И. Н., 2020

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

внедрения в деятельность учреждений и органов уголовно-исполнительной системы инженерно-технических и информационно-аналитических средств обеспечения деятельности все более явно будет прослеживаться тенденция трансформации содержания и характера выполняемых трудовых функций. Нельзя также не учитывать проблему повышения адаптивности всех субъектов хозяйствования к изменяющимся условиям деловой среды и макроокружения. Все это позволяет утверждать, что необходимо постоянное совершенствование подходов к планированию деятельности сотрудников и организационно-штатному построению.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, исправительные центры, организационно-штатная работа, организационная структура управления, планирование численности персонала.

В настоящее время и в научном сообществе, и в системе государственного управления повышенное внимание уделяется вопросам эффективного распространения практики уголовных наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества [1, 5, 8]. Развитие уголовно-исполнительной политики в направлении расширения спектра применения наказаний было во многом обусловлено принятием Стандартных минимальных правил ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила, 1990 г.).

Для решения задач, определяемых Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, в рамках Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» были реализованы предложения ФСИН России в части расширения сферы применения уголовных наказаний, альтернативных лишению свободы.

В частности, принудительные работы применяются в качестве наказания, альтернативного лишению свободы, в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), за совершение преступлений небольшой или средней тяжести либо за впервые совершенные тяжкие преступления. Они назначаются на срок от двух месяцев до пяти лет. В соответствии с ч. 7 ст. 53.1 УК РФ принудительные работы не назначаются несовершеннолетним, лицам, признанным инвалидами первой или второй группы, беременным женщинам, женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет, женщинам старше 55 лет, мужчинам старше 60 лет и военнослужащим.

Исполнение данного вида уголовного наказания возложено на исправительные центры (ИЦ) представляющие собой специальные учреждения уголовно-исполнительной системы, предназначенные для исполнения уголовных наказаний в виде принудительных работ. Исправительный центр создается как самостоятельное юридическое лицо на основании соответствующего распоряжения Правительства РФ. Лимит наполнения ИЦ устанавливается в пределах 200 осужденных. В одном центре могут размещаться осужденные разного пола при обеспечении их отдельного проживания.

Приведем статистику организации мест отбывания наказаний в виде принудительных работ начиная с 2016 г. Динамика организованных исправительных центров, а также изолированных участков при исправительных учреждениях, функционирующих как исправительные центры (УФИЦ), с учетом лимита наполнения указанных учреждений, приведена на рисунках 1–4. Кратко охарактеризуем тенденции развития процесса ор-

ганизации условий для исполнения принудительных работ, выявленные в ходе статистического анализа.

Как видно из диаграмм, ФСИН России на планомерной основе реализуется комплекс мероприятий по созданию и развитию системы ИЦ. Необходимость создания указанных учреждений во всех территориальных органах ведомства обуславливает задачу организации не только ИЦ как самостоятельных юридических лиц, но и УФИЦ, позволяющих в условиях ограниченного имущественного комплекса и объема бюджетного финансирования обеспечить исполнение данного вида наказаний.

С 2016 по 2018 год в 56 субъектах Российской Федерации создано 13 ИЦ и 43 УФИЦ с совокупным лимитом наполнения 3973 человека. Характерно, что соотношение мест отбывания наказания между ИЦ и УФИЦ несколько смещено в сторону изолированных участков. Если в 2016 г. на начальном этапе создания данных учреждений на долю ИЦ приходилось 52 % мест для отбывания наказания, то в 2018 г. этот показатель составил менее 40 %.

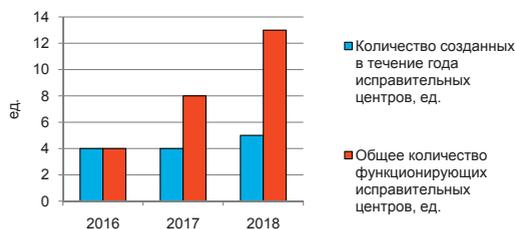

Рис. 1. Динамика создания и функционирования исправительных центров в 2016–2018 гг.

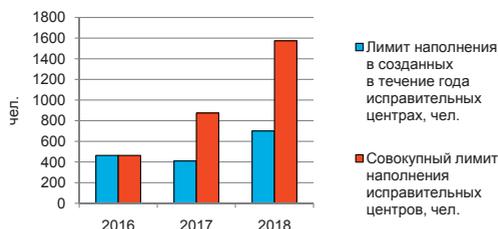

Рис. 2. Динамика лимита наполнения организованных исправительных центров в 2016–2018 гг., чел.

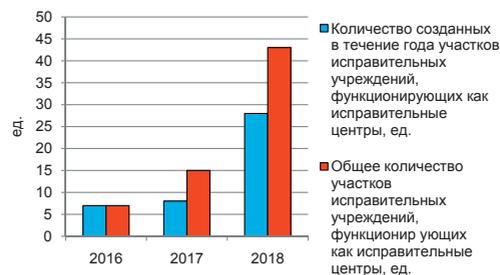

Рис. 3. Динамика создания и функционирования изолированных участков при исправительных учреждениях, функционирующих как исправительные центры в 2016–2018 гг.

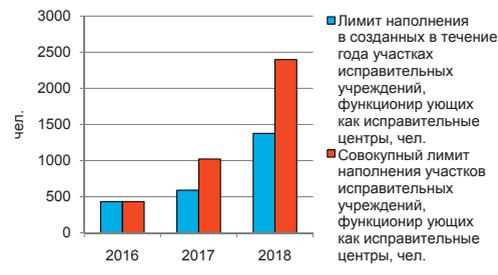

Рис. 4. Динамика лимита наполнения организованных изолированных участков при исправительных учреждениях, функционирующих как исправительные центры в 2016–2018 гг.

Следует отметить, что кроме вопросов организации мест отбывания принудительных работ не менее остро стоят вопросы их эффективного функционирования в рамках реализации поставленных целей и задач. В связи с этим необходимо детально рассмотреть основные принципы организации ИЦ и структуру их управления.

Структура управления. Общие принципы построения. Специфика организации, отражающая набор реализуемых ею функций, находит свое отражение в организационной структуре управления. Теория управления определяет, что важнейшая цель организационной структуры состоит в том, чтобы обеспечить выполнение стоящих перед организацией задач и достижение поставленных целей. Таким образом, проектирование структуры должно базироваться на стратегических планах организации. При этом необходимо учитывать, что, поскольку с течением времени стратегические ориентиры могут изменяться, может возникнуть соответствующая необходимость внесения изменений и в организационную структуру.

Организационная структура безотносительно к организационно-правовой форме и хозяйственной специфике строится на основе шести принципиальных элементов – разделения и кооперации труда, создания специализированных подразделений, иерархии должностей, типа контроля и его периодичности, соотношения централизации и децентрализации, формализации процедур [4].

При построении организационной структуры, соответствующей условиям конкретной организации, руководителю и лицам, принимающим решение о создании (реорганизации), в теории необходимо ответить на следующие вопросы:

1. Каким образом стоящие перед организацией задачи должны быть разделены на конкретные виды работ?

2. На какой основе эти работы могут быть сгруппированы?

3. Кому должны подчиняться отдельные работники и рабочие группы?

4. Каким количеством подчиненных могут управлять руководители на разных уровнях?

5. Кто должен нести ответственность за принятие решений?

6. До какой степени должны быть формализованы правила и процедуры?

Учитывая описанные элементы построения, типовой алгоритм проектирования организационной структуры управления можно представить следующим образом:

– выделение ключевых функциональных подсистем организации, соответствующих важнейшим направлениям деятельности;

– установление соотношения полномочий различных должностей в целях эффективного использования специализации трудовых и управленческих функций;

– детальная разработка и закрепление должностных обязанностей как совокупности определенных задач и функций конкретных руководителей и исполнителей.

Приведенные теоретические принципы построения организационной структуры, а также специфику соотношения ее элементов следует проанализировать на конкретном примере созданных и функционирующих ИЦ.

Приказом ФСИН России от 4 октября 2012 г. № 460 была утверждена типовая структура управления ИЦ, которая была организована по традиционной линейно-функциональной модели (рис. 5). Подобная организационная архитектура полностью совпадает с моделями организации всех ранее созданных и функционирующих учреждений и органов УИС (типовая организационная структура управления территориальным органом ФСИН России утверждена приказом ФСИН России от 2 сентября 2016 г. № 698, примерные организационные структуры исправительных колоний, объединений исправительных колоний, воспитательных колоний, следственных изоляторов и тюрем утверждены приказом ФСИН России от 17 марта 2008 г. № 154).

В соответствии с этим приказом начальник ИЦ осуществляет непосредственное руководство такими подразделениями, как бухгалтерия, группа кадров и правового обеспечения, канцелярия и группа тылового обеспечения. Кроме того, в системе линейного подчинения руководство другими подразделениями осуществляется через заместителя начальника центра. Данные подразделения относятся к основной деятельности центра и концентрируют основной объем оперативно-служебных функций, определяемых целями и задачами функционирования центра. В подчинении заместителя начальника центра находится отдел режима и оперативной работы, в структуре которого выделена дежурная служба, а также группа надзора и специального учета. В подчинении находится группа организации трудовой деятельности и воспитательной работы, которая сосредоточивает, по сути, ключевую функцию деятельности центра – исправление осужденных через общественно полезный труд [8].

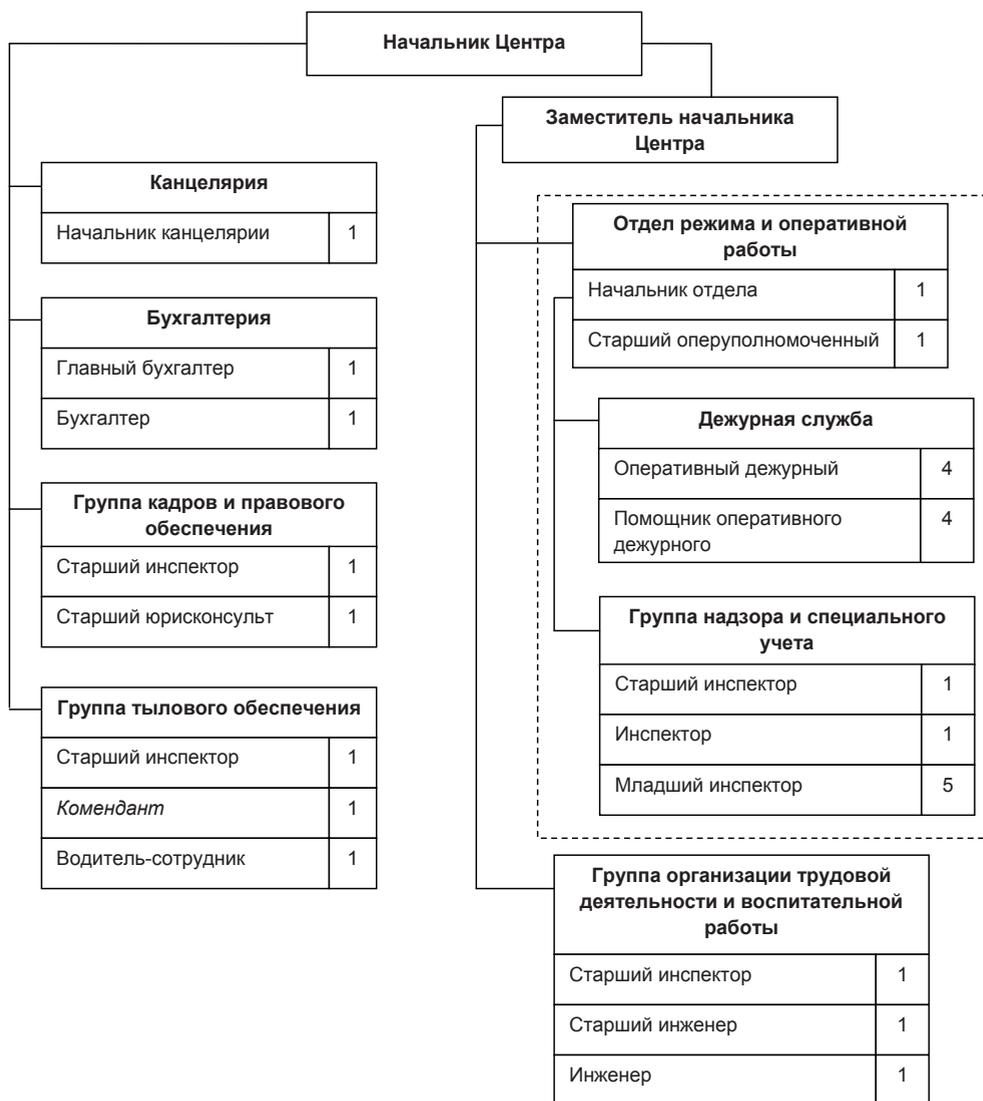

Рис. 5. Типовая организационная структура управления исправительного центра

При реализации указанной модели построения организации достигается совмещение возможностей выполнения нескольких узкоспециализированных функций (функциональная компонента структуры) с достаточно жесткой системой подчиненности и ответственности за непосредственное выполнение оперативно-служебных задач (линейная компонента структуры).

Обособление функциональных служб в организационной структуре на втором уровне управления (непосредственно после руководителя) позволяет сбалансировать уровень полномочий функциональных руководителей с той ответственностью, которая необходима для стабильной работы организации в текущем режиме. Закрепление важнейших функций на уровне заместителей начальника позволяет укрепить линейные (связи

подчинения) и функциональные (коммуникационные) связи, обеспечить необходимый уровень координации и контроля.

Опыт применения организационных структур линейно-функционального типа в различных видах деятельности показывает, что они наиболее эффективны в случаях, когда функции и выполняемые задачи достаточно стандартизированы и имеют рутинный характер.

Однако часто в современных условиях хозяйствования за счет наличия жестких линейных связей и большого количества уровней управления линейно-функциональные структуры не обладают достаточной гибкостью к изменяющимся условиям внешней среды и требованиям к реализации основных функций. В результате наблюдается распространенная проблема замедления и снижения эффективности внутриорганизационных коммуникаций, увеличения информационной нагрузки на отдельных руководителей и объема необходимых управленческих решений, превышения норм управляемости, рассогласованности между полномочиями и ответственностью на различных уровнях управления, больших затрат труда на выполнение плановых и контрольно-аналитических функций.

Приказом ФСИН России от 11 августа 2016 г. № 641 первоначально утвержденная структура была существенно видоизменена (рис. 6). Изменения коснулись как состава входящих в центр подразделений, так и характера и направления связей подчинения.

Во-первых, из организационной структуры ИЦ были исключены группа кадров и правовой работы, а также канцелярия.

Во-вторых, должность заместителя начальника центра была совмещена с должностью начальника отдела безопасности и из его подчинения в непосредственное подчинение начальника центра была выведена группа организации трудовой деятельности и воспитательной работы.

В-третьих, отдел режима и оперативной работы был преобразован в отдел безопасности, а группа надзора и специального учета – в группу специального учета и делопроизводства.

В рамках первого пункта изменений можно выразить мнение, что сокращение группы кадров и правового обеспечения может быть эффективно реализовано лишь при передаче функций управления и организации кадровой работы, а также работы с личным составом на вышестоящий уровень управления (на уровень кадрового подразделения территориального органа) в связи со сравнительно небольшим штатом сотрудников. Так, в соответствии с приказом ФСИН России от 17 марта 2008 г. № 154 в действующей редакции должности инспекторского состава отделов (групп) кадров вводятся в штатные расписания из расчета 1 должность на 100 единиц штатной численности персонала; должности инспекторского состава отделов (групп) по работе с личным составом вводятся в штатные расписания из расчета 1 должность на 100–120 единиц штатной численности персонала. Перемещение должности старшего юриста из группы кадров и правового обеспечения в группу организации трудовой деятельности и воспитательной работы, в свою очередь, значительно расширяет перечень и характер функций данной должности, что влечет за собой повышение требований к наличию профессиональных компетенций сотрудника, претендующего на замещение данной должности.

Сокращение канцелярии как структурного подразделения ИЦ обусловлено включением должности заведующего канцелярией (вместо должности начальника канцелярии) в структуру группы специального учета и делопроизводства.

Рис. 6. Типовая организационная структура управления исправительного центра

В рамках второго пункта изменений следует сделать предположение, что данное мероприятие было направлено на усиление специализации должности заместителя начальника центра на вопросах организации режима и надзора как одной из важнейших функций учреждения. В условиях первоначальной структуры управления совмещение функций организации надзора с функциями организации трудовой деятельности и воспитательной работы чрезмерно расширяло объем оперативно-служебной нагрузки на данного руководителя. Усовершенствованная организационная структура позволила устранить эту диспропорцию в распределении управленческой нагрузки и ответственности между начальником центра и его заместителем.

В рамках третьего пункта изменений вызывает вопрос преобразования отдела режима и оперативной работы в отдел безопасности, что повлекло за собой сокращение должности старшего оперуполномоченного. Отметим, что одна из целей функционирования исправительного центра – это предупреждение совершения новых преступлений, а в рамках осуществления надзора за осужденными к принудительным работам отдельный спектр служебных задач предполагает системное взаимодействие с оперативным подразделением территориального органа ФСИН России (порядок осуществления надзора за осужденными к принудительным работам утвержден приказом Минюста России от 27 декабря 2016 г. № 311). С учетом специфических требований к сотрудни-

кам, замещающим должности оперативных подразделений, существует объективная предпосылка возникновения проблемы распределения специфических обязанностей между сотрудниками ИЦ.

Кроме того, одним из изменений организационной структуры стало преобразование группы надзора и специального учета в группу специального учета и делопроизводства. Таким образом, в объеме оперативно-служебной деятельности данного подразделения функция надзора как одна из основных была замещена функцией организации делопроизводства. В составе группы было сокращено 5 должностей младших инспекторов, что значительно увеличило нагрузку на персонал центра в рамках реализации мероприятий по осуществлению надзора за осужденными к принудительным работам.

В результате анализа изменения типовой организационной структуры управления ИЦ можно сделать общее предположение о том, что проведенная реорганизация преследовала цель повышения эффективности использования трудовых ресурсов учреждения и решения поставленных перед учреждением задач минимальными силами и средствами.

Выводы

1. В условиях динамичных изменений внутренней и внешней среды функционирования учреждений и органов УИС традиционные подходы к планированию потребности в персонале становятся все более ограниченными [2]. Распространенный метод планирования численности сотрудников на основе нормативной трудоемкости выполняемых работ сталкивается с инструментальными сложностями, среди которых наиболее острыми видятся проблемы определения состава трудовых функций, отражающих весь комплекс выполняемых работ в массиве оперативно-служебной деятельности подразделений, точности определения затрат рабочего времени по каждому виду работ с учетом взаимодействия подразделений и информационно-технического оснащения рабочих мест.

Кроме того, методы планирования численности отдельных категорий сотрудников и работников на основе укрупненных межотраслевых (межведомственных) нормативов не позволяют получать адекватные результаты в связи с различиями в организационно-технических, информационных и других условиях осуществления деятельности. Таким образом, отклонение фактических потребностей в персонале от типовых нормативов штатной численности учреждений и органов УИС в условиях значительных территориальных, природно-климатических, инфраструктурных и других различий становится все более значительным.

2. В условиях реализации целей устойчивого развития УИС для обеспечения соответствия ее деятельности общепризнанным международным стандартам и потребностям современного российского общества, совершенствования деятельности все более актуализируются вопросы эффективного применения наказаний, альтернативных лишению свободы, что обуславливает развитие сети ИЦ и УФИЦ. В контексте данного вопроса важной управленческой задачей выступает поиск эффективной модели организационно-штатного построения указанных учреждений, которая позволит в полной мере реализовать поставленные обществом задачи при оптимальном уровне затрат материальных, трудовых, финансовых, информационных и других ресурсов. Развитие учреждений и органов УИС протекает в русле активного внедрения информационно-аналитических средств обеспечения деятельности, расширения спектра применяемых инженерно-технических средств и прикладных программных продуктов, что значительно видоизменяет как перечень выполняемых трудовых функций, так и затраты труда на их осуществление.

3. Комплексный анализ организационной структуры управления и типового штатного расписания ИЦ с учетом происходящих изменений показал, что в условиях реализации традиционной линейно-функциональной структуры управления имеется постоянная необходимость совершенствования состава и структуры подразделений, входящих в состав центра. Это обуславливает динамическое развитие нормативно-правовой базы, регулирующей исполнение наказаний в виде принудительных работ, а также объективные изменения в общественной жизни и хозяйственной практике [3]. Все более усиливаются тенденции взаимодействия учреждений и органов УИС с институтами гражданского общества и общественными организациями, расширяется спектр совместно решаемых вопросов.

Указанные тенденции не позволяют осуществлять деятельность ИЦ в условиях жестких организационно-управленческих структур, требуют постоянного пересмотра состава и структуры подразделений центра, гибких подходов к построению внутриорганизационных связей и распределению трудовых функций между подразделениями и рабочими местами. В условиях цифровизации экономики и государственного управления, расширения возможностей применения информационно-коммуникационных технологий и развития технологий электронного контроля потребность в персонале исправительных центров будет испытывать значительные колебания в зависимости от территориальных, природно-климатических, инфраструктурных и других различий [7].

4. Современные подходы к организации управления все более ориентированы на повышение гибкости и адаптивности субъектов хозяйствования к изменяющимся условиям внешней среды и геополитическим условиям. Учреждения и органы УИС, активно взаимодействуя с экономическими субъектами, органами власти и управления, институтами гражданского общества и международными организациями, также испытывают постоянные изменения в рамках реализации своих функций. В связи с этим для планирования деятельности ИЦ и эффективного кадрового обеспечения требуется разработка и систематический пересмотр всей совокупности осуществляемых трудовых функций в масштабе центра и входящих в него подразделений с учетом изменяющегося организационно-технического, информационного и прочего ресурсного обеспечения. Примером могут служить типовые карты служебных функций подразделений. Данный инструмент планирования деятельности позволит в укрупненном формате оценивать состав и трудоемкость выполняемых работ и с учетом объективных ограничений осуществлять распределение текущих и вновь возникающих задач между подразделениями и рабочими местами, а также оценивать потребность в персонале по профессионально-квалификационным категориям.

Таким образом, система кадрового планирования приобретает все более сложные формы, все в меньшей степени может быть привязана к лимитам численности лиц, отбывающих наказание в учреждениях. Комплексность решаемых задач, повышение требований к ресурсному обеспечению рабочих мест и деятельности учреждений и органов УИС в целом при достижении поставленных ведомством целей ставит перед руководителями и специалистами новые задачи по разработке новых подходов к планированию деятельности и организационно-штатному построению.

Ориентиром развития видится планомерное совершенствование материально-технической базы учреждений в комплексе с повышением профессионального уровня, мотивации и организационной культуры сотрудников и работников, что позволит в условиях ограниченности ресурсов достичь поставленных государством и обществом

целей и обеспечить соответствие деятельности УИС общепризнанным международным стандартам и потребностям развития Российской Федерации.

Библиографический список

1. Дворянсков И. В., Габараев А. Ш. Принудительные работы как альтернатива лишению свободы // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2018. № 5(192). С. 18–23.
2. Долинин А. Ю. Теоретико-прикладные аспекты определения штатной численности сотрудников уголовно-исполнительной системы // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 2(20). С. 30–34.
3. Кашуба Ю. А. Возможности создания системы исправительных центров // Человек: преступление и наказание. 2018. Т. 26(1–4), № 1. С. 11–15.
4. Экономика персонала : учебник / Р. П. Колосова [и др.]. М. : ИНФРА-М, 2009. 896 с.
5. Крымов А. А., Лядов Э. В., Грушин Ф. В. Принудительные работы в Российской Федерации: некоторые проблемы и пути их решения // Вестник Кузбасского института. 2017. № 4(33). С. 65–71.
6. Лядов Э. В. О некоторых проблемных моментах правового регулирования применения уголовного наказания в виде принудительных работ // Международный пенитенциарный журнал. 2018. Т. 4(1–4), № 1. С. 47–50.
7. Огородников В. И., Долинин А. Ю. Понятие, сущность, принципы организационно-штатной работы в УИС и ее место в реализации государственной кадровой политики // Человек: преступление и наказание. 2006. № 1. С. 46–50.
8. Попова Т. В., Зарипов Р. Р. Проблема трудоустройства осужденных к принудительным работам // Вестник Владимирского юридического института. 2018. № 3(48). С. 28–31.

УДК 343.8

DOI 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).1.072-078

АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ РОДИОНОВ,

доктор экономических наук,
профессор кафедры экономики и менеджмента,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: avrpost@bk.ru;

ОЛЕГ АЛЕКСАНДРОВИЧ ПИЧУГИН,

кандидат экономических наук,
старший преподаватель кафедры теории и практики управления,
Уральский государственный юридический университет,
г. Екатеринбург, Российская Федерация,
e-mail: tipu@usla.ru

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К КОЛЛЕКТИВНОЙ МАТЕРИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ОСУЖДЕННЫХ, ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ, ЗА УЩЕРБ, ПРИЧИНЕННЫЙ ИМИ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ ТРУДОВЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ

Для цитирования

Родионов, А. В. Организационно-правовые проблемы привлечения к коллективной материальной ответственности осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, за ущерб, причиненный ими при исполнении трудовых обязанностей / А. В. Родионов, О. А. Пичугин // Человек: преступление и наказание. – 2020. – Т. 28(1–4), № 1. – С. 72–78. – DOI : 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).1.072-078.

Аннотация. Предметом исследования, представленного в статье, являются общественные отношения, которые возникают вследствие привлечения коллектива осужденных (бригады), отбывающих наказание в виде лишения свободы, к материальной ответственности за ущерб, причиненный ими при исполнении трудовых обязанностей. В числе форм нанесения материального ущерба рассматриваются недостача или порча вверенных материальных ценностей. Эмпирической основой исследования является практика реализации производственных проектов государственно-частного партнерства в учреждениях уголовно-исполнительной системы Свердловской области. Информационной базой выступают действующие нормативные акты, регулирующие вопросы, связанные с предметом исследования. Методологическая основа исследования – труды российских ученых в сфере уголовно-исполнительного и трудового права, а также экономики

© Родионов А. В., Пичугин О. А., 2020

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

и организации производства на режимных объектах. В статье обосновывается отсутствие действенных правовых механизмов, позволяющих компенсировать материальный ущерб, который возникает вследствие выполнения трудовых обязанностей осужденными к лишению свободы на производстве, а также потребность стимулирования их правопослушного поведения, бережного использования материальных ресурсов, вверенных для осуществления трудовой деятельности. Предлагаются варианты изменения действующего законодательства с целью создания условий для бережного использования производственных ресурсов, предотвращения их умышленной порчи, хищения и других вариантов нанесения материального ущерба производственным активам, используемым при реализации производственных проектов государственно-частного партнерства в уголовно-исполнительной системе.

Ключевые слова: материальная ответственность, ущерб, уголовно-исполнительное право, трудовое право, государственно-частное партнерство, труд, осужденные, коллектив рабочих, производственный проект, материальные ценности.

Привлечение осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, к общественно полезному труду является одним из главных средств их исправления согласно ст. 9 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ). К основным характеристикам трудовой деятельности осужденных, определяющим высокий уровень ее корректирующего воздействия, относятся: создание общественно полезной ценности в процессе трудовой деятельности; оплата труда соразмерно тарифам, являющимся конкурентными и экономически обоснованными; реализация в полном объеме трудовых прав, обязанностей и ответственности осужденных, занятых в производстве товаров и услуг. При этом соблюдение трудовых прав и обязанностей осужденных имеет значительное воспитательное и ресоциализирующее значение по причине того, что позволяет обеспечить более эффективную адаптацию осужденных к началу трудовой деятельности после освобождения при трудоустройстве на гражданские предприятия.

Привлечение осужденных к общественно полезному труду является сложным процессом, требующим соответствующей организации и ресурсного обеспечения. Обязанность осужденных трудиться имеет обратную сторону. В обязанности администрации пенитенциарного учреждения входит необходимость создания условий труда, которые соответствуют нормативным требованиям, санитарным нормам, нормам охраны труда и др. Однако главным условием является экономическая эффективность данного производства, его конкурентоспособность и востребованность продукции на соответствующем рынке. Только при соблюдении этих условий возникает возможность платить привлеченным к труду осужденным заработную плату, соответствующую их трудозатратам, среднерыночным показателям, а также нормативным требованиям к минимальной оплате труда. Следует учитывать то обстоятельство, что минимальный размер оплаты труда (МРОТ) в России в 2016–2020 г. удвоился (с 6204 рублей на 1 января 2016 г. до 12 130 рублей на 1 января 2020 г.). Фактически данный норматив формулирует задачу для производственных подразделений ФСИН России – повысить производительность труда осужденных также вдвое. Решение этой задачи связано с созданием новых, более продуктивных рабочих мест и более технологичных и современных производств. Все это предполагает значительные вложения в основные и оборотные средства. Производственные подразделения ФСИН России в отличие от советских предшественников не

находятся в единой системе государственного заказа и государственного материально-технического снабжения. Таким образом, обязательное привлечение осужденных к труду требует поиска альтернативных (внебюджетных) источников формирования производственных активов для создания новых рабочих мест в производственном секторе уголовно-исполнительной системы (УИС). В этих условиях важное значение имеют предпринимательские структуры, которые в рамках процедур государственно-частного партнерства (ГЧП) развивают производственные проекты на базе учреждений УИС с привлечением осужденных к труду.

Реализация такого рода производственных проектов в рамках ГЧП связана с предоставлением в фактическое пользование на рабочих местах осужденным более дорогого и современного оборудования, а также дорогостоящих сырья и материалов. Таким образом, возникает потребность стимулирования осужденных к бережному и аккуратному отношению к переданным в их пользование производственным активам. Важное значение в данном случае имеет правовой институт материальной ответственности.

Актуальность данного исследования связана с тем, что по объективным причинам в учреждениях УИС преобладает коллективный производственный труд осужденных, направленный на физическое преобразование (переработку) материальных ценностей (пошив одежды, переработка древесины, изготовление изделий из металла и т. д.). Это, в свою очередь, делает неизбежным передачу бригаде осужденных к лишению свободы материальных ценностей для последующей переработки.

Таким образом, одной из актуальных является проблема привлечения к материальной ответственности осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, за ущерб, причиненный ими при исполнении трудовых обязанностей в составе коллектива (бригады).

Проблематика возмещения ущерба осужденными к лишению свободу получила развитие в работах А. П. Титаренко [9], Р. В. Новикова [5], Ф. Д. Сивиркина [8], Л. В. Зайцевой [3], М. С. Феданченкова [10] и др. Однако большинство работ по изучаемой тематике касаются вопросов возмещения вреда осужденными, который был ими нанесен до приговора суда и в значительной части случаев связан с совершенными преступлениями. Ситуация с возмещением вреда, который был сознательно нанесен осужденными в ходе осуществления ими своих трудовых обязанностей, в юридической литературе развития не получила.

На практике часто случается, когда осужденные к лишению свободы при исполнении трудовых обязанностей допускают брак готовых изделий (порча сырья и (или) готовой продукции в зависимости от стадии производства, на которой был осуществлен брак). При этом часто установить конкретное лицо, чьими действиями был причинен ущерб, не представляется возможным, так как используется коллективная (бригадная) форма работы, а производимые изделия проходят множество технологических переделов. Возникают также ситуации, когда при инвентаризации выявляется недостача по материальным ценностям, вверенным бригаде (недостача ткани в швейном цехе).

Очевидно, что необходимо стимулировать осужденных трудиться так, чтобы не было порчи, утраты, уничтожения или хищения материальных ценностей. При наличии данных фактов их следует привлекать к материальной ответственности, поскольку в противном случае вместо исправления трудом безнаказанность будет формировать установки на противоправное поведение. Возможные попытки решить данную проблему со стороны администрации учреждений неформальными методами никаких перспектив не имеют,

тем более что факт порчи, утраты, уничтожения или хищения уже случился и очевидно, что возместить данный ущерб не представляется возможным для осужденных.

Кроме того, в случаях наличия материального ущерба и отсутствия бригадной материальной ответственности ответственность за ущерб, скорее всего, будет нести кладовщик – вольнонаемный работник. Это объясняется тем, что согласно приложению № 8 к Правилам внутреннего распорядка исправительных учреждений (утверждены приказом Минюста России от 16 декабря 2016 г. № 295) не допускается труд осужденных в качестве кладовщиков. На наш взгляд, возложение материальной ответственности на кладовщиков в таких случаях несправедливо и юридически не обосновано, поскольку передача материальных ценностей бригаде осужденных для их переработки является неизбежным производственным действием. Сложность привлечения бригады осужденных к коллективной материальной ответственности возникает на практике.

Согласно ч. 1. ст. 102 УИК РФ «в случае причинения во время отбывания наказания материального ущерба государству или физическим и юридическим лицам осужденные к лишению свободы несут материальную ответственность:

за ущерб, причиненный при исполнении осужденными трудовых обязанностей, – в размерах, предусмотренных законодательством Российской Федерации о труде;

за ущерб, причиненный иными действиями осужденных, – в размерах, предусмотренных гражданским законодательством Российской Федерации».

Глава 39 Трудового кодекса Российской Федерации (ТК РФ) регулирует вопросы как размера материальной ответственности работников и порядка его определения, так и порядка взыскания ущерба.

Из ч. 1 ст. 102 УИК РФ не совсем ясно, применяется ли порядок взыскания материального ущерба, предусмотренный гл. 39 ТК РФ, к трудовым отношениям с осужденными к лишению свободы? Не содержит упоминания о порядке взыскания материального ущерба, причиненного осужденными при исполнении ими трудовых обязанностей, и ст. 107 УИК РФ «Удержания из заработной платы и иных доходов».

Большинство комментариев к УИК РФ [6, 7] и авторов, анализирующих данный вопрос в научных статьях [1, 2, 4], сходятся во мнении, что порядок взыскания материального ущерба, установленный гл. 39 ТК РФ, применяется к трудовым отношениям с осужденными к лишению свободы. Такого же мнения придерживается прокуратура Республики Башкортостан, которая разъясняет, что во время исполнения своих трудовых обязанностей осужденные за причиненный вред могут нести в основном ограниченную материальную ответственность. Полная материальная ответственность наступает, если с осужденным было заключено такое соглашение, а также в случаях, предусмотренных ст. 243 ТК РФ. Далее прокуратура поясняет, что действующее уголовно-исполнительное и трудовое законодательство предусматривает два порядка возмещения ущерба: административный и судебный. Возмещение ущерба в административном порядке возможно лишь в размере, не превышающем среднего месячного заработка осужденного, если же сумма причиненного ущерба превышает средний месячный заработок, то взыскание осуществляется в судебном порядке [11]. Вопрос о коллективной бригадной ответственности прокуратура Башкортостана не рассматривала, хотя и не исключала.

При привлечении осужденных к материальной ответственности должен быть соблюден порядок, установленный гл. 39 ТК РФ, в соответствии с которым назначается служебная проверка. В постановлении начальника исправительного учреждения о привлечении осужденного к материальной ответственности должны быть отражены материалы проверки, которая подтверждает вину лица, указывает на наличие прямого

действительного ущерба, противоправность действий (бездействия) осужденного, причинную связь между его действиями (бездействием) и ущербом.

Однако почему на практике с осужденными к лишению свободы не заключаются договоры о полной материальной ответственности, хотя им вверяются материальные ценности и существует высокий риск их порчи либо недостачи? Полагаем, что ответ на этот вопрос лежит в сфере противоречий между императивным подходом к регулированию трудовых отношений в уголовно-исполнительном законодательстве, что обусловлено спецификой правосознания осужденных к лишению свободы и диспозитивным подходом к порядку заключения договора о коллективной (бригадной) материальной ответственности и порядку ее взыскания, которые содержатся в трудовом законодательстве. Иными словами, в силу объективных обстоятельств к осужденным к лишению свободы применяются принудительные методы исправления, содержащиеся в нормах публичного права, а к трудовым отношениям применяются нормы частного права в силу их добровольности.

Таким образом, на наш взгляд, некорректно применять к отношениям с осужденными норму ст. 245 ТК РФ, в соответствии с которой коллектив осужденных добровольно должен заключить с администрацией исправительного учреждения письменный договор о коллективной (бригадной) материальной ответственности за причинение ущерба. Необходимо закрепить в законодательстве норму, согласно которой заявление о согласии работать в составе коллектива (бригады) автоматически означает согласие осужденного к лишению свободы нести коллективную (бригадную) ответственность за причинение материального ущерба.

Считаем также некорректным применять к отношениям с осужденными нормы ст. 245 ТК РФ о том, что при добровольном возмещении ущерба степень вины каждого члена коллектива (бригады) определяется по соглашению между всеми членами коллектива (бригады) и работодателем. При взыскании ущерба в судебном порядке степень вины каждого члена коллектива (бригады) определяется судом. На практике это будет означать, что администрация исправительного учреждения в каждом случае материального ущерба должна будет вести переговоры с бригадой осужденных о том, согласны они или нет возместить ущерб добровольно, а также о том, кто в этом конкретно виноват. Полагаем, что на практике бригада осужденных к лишению свободы найдет в своих рядах виновного, с которого материальный ущерб будет невозможно взыскать в принципе в силу его общей задолженности по судебным искам. Еще сложнее администрации исправительного учреждения будет вступать с бригадой в коллективный судебный спор. Осужденные воспримут данную ситуацию в контексте неспособности администрации исправительного учреждения поддерживать установленный режим отбывания наказания, что негативно скажется на ее авторитете.

Учитывая все перечисленные аргументы, считаем оправданным дополнить положения ч. 1 ст. 102 УИК РФ, содержащей расплывчатую бланкетную норму о применении норм трудового законодательства к осужденным в части компенсации вреда, причиненного ими в процессе трудовой деятельности, следующими нормативными требованиями:

- закрепить действие принципа равномерной ответственности каждого члена бригады за причиненный материальный ущерб, за исключением случая, если в ходе служебной проверки не будет установлена вина конкретного (конкретных) члена (членов) бригады;
- закрепить действие нормы, согласно которой материальный ущерб, причиненный осужденными при осуществлении ими трудовых обязанностей, возмещается ими в административном порядке путем удержаний с лицевых счетов в размере среднемесяч-

ного заработка, а также в случаях полной материальной ответственности, в том числе коллективной.

Отсутствие такой нормы приведет к тому (фактически такого рода ситуации являются частыми в практике реализации производственных проектов ГЧП в учреждениях УИС), что администрации исправительного учреждения придется каждый раз просить осужденных добровольно соглашаться на удержания либо обращаться в суд с иском к коллективу бригады.

На наш взгляд, необходимо внести изменения в Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений и официально закрепить возможность членам бригады осужденных работать на должностях бригадира и кладовщика. На практике считается нецелесообразным устраивать на руководящую работу осужденных для руководства другими осужденными. В случае работы бригады наличие должностей бригадира, а иногда и его заместителей является абсолютно необходимым условием сохранения дисциплины и стимулирования правопослушного поведения (бригады могут насчитывать до 100–150 чел.). Поскольку бригада несет материальную ответственность за вверенное ей имущество, логично выделить в ее составе должность кладовщика, который бы централизованно принимал материальные ценности и далее выдавал их членам бригады под подпись в соответствующем журнале, а затем передавал готовую продукцию представителям администрации исправительного учреждения.

Считаем также необходимым изложить ч. 2 ст. 107 УИК РФ в следующей редакции: «Возмещение осужденными расходов по их содержанию производится после удовлетворения всех требований взыскателей в порядке, установленном Федеральным законом от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», и после удержания расходов по возмещению ущерба, причиненного при исполнении осужденными трудовых обязанностей». Данная поправка, с нашей точки зрения, внесет ясность в вопрос очередности удержаний за материальный ущерб, причиненный осужденными при исполнении ими трудовых обязанностей.

В качестве вывода отметим, что создание эффективного организационно-правового механизма привлечения осужденных к лишению свободы к коллективной материальной ответственности за ущерб, причиненный ими при исполнении трудовых обязанностей, позволит решать данную проблему в правовом русле и оказывать действенное влияние на исправление осужденных. В свою очередь, это предполагает необходимость внесения поправок в действующее уголовно-исполнительное и трудовое законодательство.

Библиографический список

1. Бондаренко И. В., Чапышкин А. Ю. Материальная ответственность осужденных // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2005. № 4. С. 40–47.
2. Губенко А. Дисциплина труда и материальная ответственность лиц, осужденных к лишению свободы // Законность. 2006. № 12(866). С. 12–13.
3. Зайцева Л. В. Институт условно-досрочного освобождения как правовой регулятор, стимулирующий привлечение осужденных к труду и возмещению ущерба, причиненного преступлением // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2015. № 7(158). С. 22–24.
4. Желаев А. А. Материальная ответственность осужденных в системе стимулирования их правопослушного поведения // Вопросы экономики и права. 2014. № 70. С. 20–22.
5. Новиков Р. В. Правовое регулирование деятельности исправительных учреждений по обеспечению возмещения осужденными ущерба, причиненного преступлением // Вестник Пермского института ФСИН России. 2015. № 4(19). С. 23–26.

6. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А. В. Бриллиантов, С. И. Курганов ; под ред. А. В. Бриллиантова. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2016. 576 с.

7. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под общ. ред. Ю. И. Калинина ; науч. ред. В. И. Селиверстов. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2010. 589 с.

8. Сивиркин Ф. Д. О возмещении материального ущерба потерпевшему от действий мошеннического характера с использованием средств сотовой связи, совершенных несовершеннолетними осужденными в местах лишения свободы // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 3(31). С. 40–43.

9. Титаренко А. П. Дисциплинарная ответственность осужденных к ограничению свободы за причинение материального ущерба в период отбывания наказания // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 369. С. 119–121.

10. Феданченков М. С. Проблемы, возникающие при осуществлении контроля за погашением вреда причиненного преступлением при условном осуждении // Вестник Международного юридического института. 2015. № 3(54). С. 87–91.

11. Порядок возмещения материального ущерба, причиненного учреждению уголовно-исполнительной системы, в результате незаконных действий подозреваемых, обвиняемых и осужденных. URL : https://bashprok.ru/the_prosecutor_explained/9945.php (дата обращения: 24.11.2019).

УДК 297.1:343.3

DOI 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).1.079-084

НИКОЛАЙ ВИКТОРОВИЧ РУМЯНЦЕВ,

доктор юридических наук, доцент,
главный научный сотрудник, НИИ ФСИН России,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: rumyantsevn.v@ya.ru;

САЛИХ ХАБИБОВИЧ ШАМСУНОВ,

доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник, НИИ ФСИН России,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: shamsunov46@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЮ ИДЕОЛОГИИ РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ УГРОЗЫ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: ОПЫТ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Для цитирования

Румянцев, Н. В. Некоторые вопросы противодействия распространению идеологии религиозного экстремизма и террористической угрозы в современных условиях: опыт и проблемы правового регулирования / Н. В. Румянцев, С. Х. Шамсунов // Человек: преступление и наказание. – 2020. – Т. 28(1–4), № 1. – С. 79–84. – DOI : 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).1.079-084.

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы противодействия противоправной деятельности религиозных экстремистских и террористических организаций правоохранительными органами как в России, так и в других странах. Угроза экстремистской и террористической деятельности вызывает необходимость усиления взаимодействия правоохранительных структур с органами исполнительной власти и общественными организациями в проведении профилактической работы, а также поиска форм и методов этого противодействия.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, профилактика, противодействие, правоохранительные органы, органы внутренних дел, уголовно-исполнительная система, места лишения свободы.

В последние годы неуклонно возрастающее влияние религии на социально-политические процессы в большинстве регионов мира все больше сталкивается с вызовами религи-

© Румянцев Н. В., Шамсунов С. Х., 2020

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

озного экстремизма и террористической угрозы, казавшимися несколько десятилетий назад неприемлемыми.

Процессы всемирной, политической и религиозной интеграции усиливают взаимосвязи и взаимозависимость различных обществ и государств во всех без исключения сферах жизни, а также опасность глобальных вызовов, включая угрозы международного терроризма [1, с. 7].

Организуемая деятельность по борьбе с деструктивными проявлениями в современных условиях не смогла в полном объеме нейтрализовать проявления экстремистской направленности и террористического характера, которые создали серьезные национальные проблемы не только в России, но и в других странах. Как отмечает один из известных политологов Ф. Фукуяма, «базовый конфликт, перед которым мы стоим, гораздо шире и затрагивает не только небольшие группы террористов, но и всю общность радикальных исламистов и мусульман, для которых религиозная идентичность затмевает все другие политические ценности» [2, с. 14].

Обладая организованными влиятельными структурами и обширными финансово-экономическими возможностями националистические объединения экстремистской направленности нередко внедряют деструктивные проявления в различные страны. При этом степень опасности их распространения значительно повышается в условиях возрастающей миграции, совершенствования информационных и коммуникационных технологий и, что очень важно, усиления социальной напряженности.

Особое беспокойство вызывает и растущая профессиональная квалификация террористов и экстремистов, их высокий уровень конспиративности и организованности, укрепление межрегиональных связей, ориентация на причинение максимального ущерба, расширение арсенала технических средств, используемых для совершения террористических актов, их финансовое обеспечение и ряд других факторов, подтверждающих вывод об усиливающейся опасности современного экстремизма и терроризма и превращении их в стратегическую угрозу глобального масштаба.

В утвержденной в ноябре 2014 г. Президентом Российской Федерации Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации отмечалось, что экстремизм вышел за пределы отдельных государств и представляет глобальную угрозу безопасности всего мирового сообщества.

Анализ имеющейся информации свидетельствует о том, что экстремистские и террористические проявления несут в себе серьезную опасность национальной безопасности Российской Федерации и существенно влияют на криминальную и криминогенную обстановку в стране, разрушают устоявшиеся правила и нормы поведения. Это подтверждается совершением крупных террористических актов на территории нашего государства с большим количеством жертв и пострадавших: Москва, аэропорт Домодедово (2011 г. – 37 погибших); Махачкала (2012 – 13); Волгоград – двойной теракт (2013 – 16); Санкт-Петербург, метро «Сенная площадь» (2017 г. – 15 погибших) и рядом вооруженных столкновений с экстремистами радикального толка на Северном Кавказе.

Данные правоохранительных органов Российской Федерации свидетельствуют о непрекращающемся стремлении деструктивных сил к новым проявлениям террористического характера. По сведениям руководства ФСБ России, только в 2019 г. ликвидировано 49 террористических ячеек и предотвращено 39 попыток совершения террористических актов на территории страны [3, с. 16].

Если учитывать, что в период 2016–2018 гг. количество осужденных за экстремизм и терроризм увеличилось почти на 700 чел. и составило 2752 чел., то можно представить,

что ожидает нас в будущем. Это свидетельствует о серьезности создавшейся обстановки и необходимости принятия решительных шагов для урегулирования этой проблемы [4, с. 4]. В декабре 2018 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин в очередной раз отметил, что преступления экстремистской направленности в различных формах фиксируются практически в каждом регионе России.

За прошедшие годы (2013–2018) в Российской Федерации деятельность по противодействию идеологии терроризма позволила сформировать законодательные и организационные механизмы, а также организовать кадровое, методическое и научное обеспечение данной деятельности, повысить действенность информационно-пропагандистских материалов антитеррористической направленности. Вместе с тем анализ деятельности федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления по противодействию идеологии терроризма показал наличие неиспользованных резервов в организации работы по противодействию экстремистской деятельности.

Обозначенные главой государства задачи по данному направлению утверждены в Комплексном плане противодействия идеологии терроризма на 2019–2023 гг. (от 28 декабря 2018 г. № Пр-2665). Среди основных направлений по реализации данного плана:

- осуществление мер по формированию у населения Российской Федерации антитеррористического сознания;
- совершенствование мер информационно-пропагандистского характера и защиты информационного пространства Российской Федерации от идеологии терроризма;
- развитие организационных и иных мер по повышению результативности деятельности субъектов против терроризма.

В указанном плане среди государственных и исполнительных органов и общественных организаций, перед которыми поставлены задачи о повышении эффективности деятельности по предупреждению вовлечения граждан в террористическую деятельность, одними из первых указаны Федеральная служба исполнения наказаний и Министерство внутренних дел Российской Федерации. Для каждого из этих ведомств определены следующие задачи: повышение эффективности профилактической работы с лицами, подверженными воздействию идеологии терроризма; проведение с лицами, отбывающими наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы, информационно-пропагандистских мероприятий по разъяснению преступной сущности и общественной опасности терроризма, с привлечением религиозных и общественных организаций, психологов; осуществление с лицами, отбывающими наказания, в том числе за преступления террористического характера, не связанные с лишением свободы, профилактических мер в форме индивидуальных бесед; проведение с членами семей лиц, причастных к террористической деятельности, бесед по разъяснению норм законодательства Российской Федерации за участие и содействие террористической и экстремистской деятельности; проведение разъяснительной работы с лицами, состоящими на профилактическом учете и находящимися под административным надзором в ОВД в связи с причастностью к совершению правонарушений в сфере общественной безопасности; обеспечение повышения квалификации сотрудников, участвующих в реализации мероприятий по противодействию терроризма, и др.

Основные задачи по борьбе с экстремистской и террористической деятельностью на территории Российской Федерации и укреплению международного сотрудничества в противодействии им были детально рассмотрены и обсуждены на научно-практической

конференции в марте 2019 г. в Московском университете МВД России имени В. Я. Кикотя, организованной совместно МВД России и МИД России.

На проведенном в мае 2019 г. в Новороссийске совещании с руководителями центров противодействия экстремизму и терроризму территориальных подразделений органов внутренних дел подробно обсуждены актуальные проблемы противодействия экстремистской деятельности и терроризму, взаимодействия с правоохранительными органами и задачи по их реализации.

Вопрос о взаимодействии служб и подразделений ФСИН России в обеспечении противодействия религиозному экстремизму и деструктивному поведению в местах лишения свободы детально обсужден в ноябре 2019 г. на форуме руководителей и личного состава структурных подразделений и образовательных организаций в Академии ФСИН России.

В контексте противодействия дестабилизации национальной безопасности особую тревогу вызывают проблемы проникновения в учреждения уголовно-исполнительной системы и распространения в них идеологии экстремизма и терроризма, поскольку подпадающие, обвиняемые и осужденные за эти виды деструктивной деятельности в местах лишения свободы, как показывает практика, продолжают свою противоправную деятельность, втягивая в свои ряды все новых adeptов.

Находясь в местах лишения свободы, испытывая серьезный психологический стресс, вызванный самим фактом осуждения, отбывающие наказание лица часто становятся «благоприятным субстратом для adeptов религиозного экстремизма», объектом для восприятия новых идей и ценностей, чем успешно пользуются идеологи экстремистских взглядов в своих целях.

Среди осужденных немало тех, кто имеет низкий уровень материального достатка, что нередко способствует попаданию их в материальную зависимость, и они пополняют «питательную среду» экстремистских идеологов. Однако есть многочисленные примеры вербовки adeptов и за пределами учреждений УИС.

Анализ работы территориальных органов МВД России, ФСИН России по выявлению, пресечению и раскрытию преступлений, совершаемых членами деструктивных религиозных организаций, показал, что преступная деятельность находит свое отражение в том числе и в учреждениях УИС. Данные факты имели место на территории ФКУ ИК-4 УФСИН России по Республике Татарстан и ФКУ ИК-5 УФСИН России по Белгородской области, где преступная деятельность осужденных по созданию международного религиозного объединения и призывам к экстремистской деятельности в ходе проведения оперативных мероприятий была задокументирована и стала основанием привлечения их к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282 УК РФ.

Проводимые мероприятия позволили собрать достаточные данные на осужденного Р., изобличающие его в преступной деятельности, связанной с распространением радикальной идеологии среди спецконтингента, и привлечь его к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 205.5 УК РФ сроком на 14 лет, а окончательный срок с присоединением неотбытой части составил 14 лет 6 месяцев.

Вышеизложенные примеры свидетельствуют о необходимости использования крайней меры профилактики – привлечения к уголовной ответственности осужденных за совершение преступлений террористического характера и экстремистской направленности.

В связи с декриминализацией законодательства стала активно использоваться административная форма ответственности по ст. 20.3 КоАП РФ (пропаганда либо публичное

демонстрирование нацистской атрибутики или символики экстремистских организаций), по ст. 20.29 КоАП РФ (производство и распространение экстремистских материалов).

Радикализация населения (осужденных) нередко происходит как по информационным источникам (сеть Интернет), так и через печатную продукцию экстремистского направления, отражающую экономическую стабильность экстремистских и террористических организаций. В целях предотвращения и пресечения распространения религиозной литературы органами внутренних дел и УИС проводится работа по ее проверке, организованы ревизии библиотечных фондов, а в местах лишения свободы – личной литературы осужденных. Однако многочисленные факты изъятия экстремистской литературы у лиц, отбывающих наказание в учреждениях УИС и за их пределами, свидетельствуют о присутствии постоянного стремления радикальных идеологов к ее доставке на территорию учреждений УИС и распространению за ее пределами.

Предупреждению и пресечению противоправной деятельности экстремистского и террористического направления и своевременному документированию ее препятствует ряд обстоятельств: высокая латентность противоправной деятельности лиц, являющихся носителями религиозной экстремистской идеологии; попытки давления на администрацию учреждений УИС со стороны экстремистски настроенных религиозных организаций. В связи с этим следует подчеркнуть важность взаимодействия сотрудников оперативных аппаратов учреждений УИС и психологических, режимных и воспитательных подразделений [5, с. 62]. Безусловно, необходимо и взаимодействие правоохранительных органов с сотрудниками различных государственных и общественных ведомств, ответственных за работу в этом направлении.

В целях реализации комплексного плана противодействия экстремистской идеологии в Национальном антитеррористическом комитете создана межведомственная рабочая группа из сотрудников правоохранительных и силовых структур с привлечением ведущих ученых для организации и проведения профилактической работы по пресечению распространения противоправной деятельности экстремистской направленности и террористического характера.

Говоря о положительном опыте эффективного решения задач по профилактике и противодействию религиозному экстремизму и терроризму, необходимо отметить деятельность священнослужителей, способных повлиять на исправление осужденных. Об этом свидетельствуют и встречи с руководителями учреждений УИС и религиозных организаций.

В настоящее время в МВД России, ФСИН России и других правоохранительных органах реализуются мероприятия, направленные на выполнение задач по противодействию религиозному экстремизму и террористической угрозе. Учеными Научно-исследовательского института ФСИН России совместно с управлением кадров ФСИН России подготовлены методические рекомендации по основам подготовки кадров воспитательных, психологических и социальных и других служб УИС к работе по профилактике и противодействию религиозному экстремизму, запланированы и реализуются совместно со структурными подразделениями и образовательными организациями ФСИН России научно-исследовательские разработки, которые несомненно будут способствовать усилению профилактической работы по противодействию экстремистской и террористической деятельности.

Библиографический список

1. Вызовы религиозного экстремизма в глобализирующемся мире : монография / науч. ред. Р. Ф. Патеев, В. Т. Сакаев. Казань : Фолиант, 2017. 232 с.

2. Фукуяма Ф. Началась ли история опять? // Гуманитарный портал. URL : <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/222> (дата обращения: 24.12.2019).
3. Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2017. № 2(17). С. 14–17.
4. Оганесян С. С. Анатомия смерти // Московский комсомолец. 2019. № 238.
5. Усманов И. М., Зиннуров Ф. К. «Зеленая» зона: реальность или провокация (практика противодействия радикализации осужденных в местах лишения свободы в Республике Татарстан) // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. № 1(35). С. 62–69.

УДК 343.847:343.828

DOI 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).1.085-090

ЕКАТЕРИНА ДМИТРИЕВНА ХАРИТОНОВИЧ,
старший инспектор ученого совета,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: kattusha1992@rambler.ru

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ КОНТРОЛЯ ЗА ПОВЕДЕНИЕМ ОСУЖДЕННЫХ, СТРАДАЮЩИХ РАЗЛИЧНЫМИ ВИДАМИ ЗАБОЛЕВАНИЙ, ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЯ, НЕ СВЯЗАННЫЕ С ИЗОЛЯЦИЕЙ ОТ ОБЩЕСТВА

Для цитирования

Харитонович, Е. Д. Осуществление контроля за поведением осужденных, страдающих различными видами заболеваний, отбывающих наказания, не связанные с изоляцией от общества / Е. Д. Харитонович // Человек: преступление и наказание. – 2020. – Т. 28(1–4), № 1. – С. 85–90. – DOI : 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).1.085-090.

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы осуществления контроля за поведением осужденных, отбывающих наказания, не связанные с изоляцией от общества, в том числе в отношении лиц, страдающих различными видами заболеваний. Акцентируется внимание на том, какая организация (уголовно-исполнительная инспекция, органы внутренних дел, хозяйствующий субъект, в котором работают осужденные, и пр.) представляет собой основу для соответствующего исправительного и контролирующего воздействия в отношении осужденных с описанием конкретных контролируемых полномочий каждого органа. Изучаются наиболее часто встречающиеся проблемы взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций с администрациями организаций, в которых отбывают наказание осужденные к исправительным и обязательным работам, а также с органами внутренних дел. Приводятся примеры из практики.

Ключевые слова: уголовно-исполнительные инспекции, исправительные работы, обязательные работы, ограничение свободы, контроль за исполнением и отбыванием наказания, осужденные, страдающие различными видами заболеваний.

Одной из главных функций уголовно-исполнительных инспекций (УИИ), а также других учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, не связанные с изоляцией от общества, является контроль за поведением осужденных, в том числе страдающих различными видами заболеваний, который, в свою очередь, является одним из средств

© Харитонович Е. Д., 2020

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

воздействия на них [1, с. 396–400; 2, с. 140–142]. Осуществление контрольных функций должно способствовать исправлению осужденных и ориентировать их на недопущение совершения новых преступлений, что позволит достичь цели уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации [ст. 1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ)].

В юридической литературе есть мнение, что контроль способствует созданию организационных условий, ограничивающих возможность совершения осужденным преступлений и благоприятствующих применению воспитательных средств [3, с. 42–60], исполнению возложенных приговором суда обязанностей [4, с. 83], а также дисциплинированию осужденных [5, с. 131–132].

С теоретической точки зрения воздействие со стороны учреждений и органов, исполняющих наказания, должно зависеть от личности осужденного [6, с. 41–53; 7, с. 76–81]. При этом в юридической литературе выделяются такие формы контроля, как постановка осужденного на учет, проверка по учетам органов внутренних дел, посещение по месту жительства, профилактические беседы не только с осужденным, но и с его родственниками и иными лицами, посещение по месту работы и др. [8, с. 37–51].

При изучении проблем, связанных с осуществлением контроля за поведением осужденных к наказаниям без изоляции от общества, следует обратить внимание на такой важный вопрос, как определение субъекта контроля.

Согласно ст. 16 УИК РФ основным субъектом контроля являются УИИ, которые исполняют наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательных работ, исправительных работ и ограничения свободы. Такое наказание, как штраф, исполняется судебными приставами-исполнителями, а лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград – судом, вынесшим приговор. Вместе с тем анализ норм Особенной части УИК РФ позволяет также выделить еще несколько субъектов контроля – сотрудники органов внутренних дел, представители общественности, организации, в которых работают, в частности, осужденные к обязательным или исправительным работам, органы местного самоуправления и т. п. В то же время работники этих организаций и предприятий, в отличие от сотрудников уголовно-исполнительных инспекций, специальными познаниями в сфере обращения с осужденными не обладают и, как следствие, надлежащих воспитательных, в том числе исправительных, мер воздействия в их отношении не осуществляют, что уже ставит под сомнение эффективность их деятельности.

Наиболее важные полномочия УИИ по исполнению наказаний, не связанных с изоляцией от общества, в основном закреплены в УИК РФ и приказе Минюста России от 20 мая 2009 г. № 142 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества». Однако в них лишь в общих чертах регламентируется деятельность УИИ и никак не конкретизируются меры в области контроля за поведением осужденных. В силу этого возникает достаточно большое число неясностей, связанных с осуществлением контрольных функций в отношении осужденных, отбывающих наказания, не связанные с изоляцией от общества, тем более в отношении лиц, имеющих тяжелые заболевания, так как исполнение и отбывание наказаний такой категорией осужденных осложняется ввиду состояния здоровья.

Рассматривая органы здравоохранения, в которых в том числе проходят лечение осужденные к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, можно констатировать, что они ввиду отсутствия данных о судимостях у своих осужденных-пациентов и уголовно-исполнительных функций контроль за состоянием их здоровья с точки зре-

ния исполнения уголовных наказаний фактически не осуществляют (да и цели у таких органов совсем другие).

Сотрудники УИИ, в свою очередь, имея на учете значительное число осужденных, которых в целом трудноосуществимо проконтролировать, не всегда обладая необходимыми данными о наличии или отсутствии заболеваний, тем более не ориентированы на активное взаимодействие с органами здравоохранения. В связи с этим на практике контрольные полномочия ими иногда осуществляются формально, в том числе вне зависимости от состояния здоровья осужденных. В определенной степени это обусловлено большой нагрузкой на сотрудников УИИ, а также иными проблемами технического, организационного и иного характера.

Рассматривая исполнение наказания в виде исправительных работ, следует отметить, что в соответствии с УИК РФ УИИ ведут учет осужденных, разъясняют порядок и условия отбывания наказания, контролируют соблюдение условий отбывания наказания осужденными и исполнение требований приговора администрацией организаций, в которых они работают, с участием сотрудников полиции контролируют поведение осужденных, обращаются в органы местного самоуправления по вопросу изменения места отбывания осужденными исправительных работ и пр.

В свою очередь, администрация организации, в которой работает осужденный, обязана правильно и своевременно производить удержания из заработной платы осужденного и перечислять их, контролировать поведение осужденного на производстве, уведомлять УИИ о примененных к осужденному мерах поощрения и взыскания, об уклонении его от отбывания наказания и т. д.

Основные контрольные полномочия в отношении осужденных к исправительным работам выполняют администрации организаций, в которых работают осужденные. В то же время УИИ должна осуществлять проверки осужденных как по месту жительства, так и в общественных местах, а также по информационным базам органов внутренних дел.

Вместе с тем в ходе исполнения исправительных работ УИИ обладают рядом контрольных полномочий в отношении организаций, в которых работают осужденные, в том числе страдающие различными видами заболеваний, составляя соответствующие акты. Так, УИИ проверяют расчет отбытого и неотбытого срока наказания; правильность и своевременность удержаний из заработной платы осужденных и перечисление удержанных сумм в соответствующий бюджет, информацию о причинах невыхода осужденных на работу, нарушениях, допущенных осужденными, примененных к ним администрацией организации мерах взыскания и поощрения, своевременности уведомления об этом инспекции и т. п. Данные о состоянии здоровья осужденных остаются вне надлежащего внимания сотрудников инспекций.

В определенных случаях (например, при трудоустройстве осужденного до постановки на учет) инспекция согласовывает с органом местного самоуправления организацию в качестве места для отбывания исправительных работ. В то же время не всегда администрации организаций и предприятий готовы принимать на работу осужденных, особенно имеющих заболевания. Имеют место случаи, когда осужденный сам устраивается на работу до постановки на учет инспекции и не сообщает об этом администрации организации. В свою очередь, администрации предприятий и организаций, когда узнают о факте осуждения своего работника, предлагают ему уволиться, чтобы не вступать в отношения с лицами, преступившими закон, а также чтобы не оформлять дополнительную документацию и не осуществлять уголовно-исполнительные функции по контролю за такой категорией граждан, тем более если они страдают какими-либо заболеваниями.

Если осужденный к исправительным работам трудится в организации и допускает нарушение порядка и условий отбывания наказания, то в функции администрации входит уведомление об этом УИИ для принятия к нему соответствующих мер. За нарушение порядка и условий отбывания наказания осужденного к исправительным работам могут обязать являться в инспекцию для регистрации до двух раз в месяц, а в случае его неявки – принять решение о его приводе и доставлении органами внутренних дел.

В итоге большая часть контрольных полномочий УИИ ориентирована не на самого осужденного, а на взаимодействие с другими органами и организациями. В частности, при исполнении наказания в виде исправительных работ фактически функции непосредственного контроля за выполнением осужденным работ возлагаются на администрацию организации, где работает осужденный. Состояние здоровья осужденного, особенно страдающего различными заболеваниями, на этом этапе надлежало бы учитывать и должного ему внимания не уделяется. При этом на законодательном уровне не закреплены такие необходимые вопросы в части осуществления контрольных полномочий сотрудниками инспекций, как основания и порядок проверки осужденного на работе, дома или в организации здравоохранения, возможность опроса и проведения иных действий с должностными лицами других государственных органов и негосударственных организаций, с родственниками осужденного или проживающих с ним лицами и пр.

На практике имеют место случаи отсутствия подтверждающих документов о посещении осужденных по месту жительства или в других местах сотрудниками инспекций. Подавляющее большинство документов составляется формально, без выяснения индивидуальных особенностей осужденных, что важно в случае наличия у них тяжелых болезней. Иногда такие документы оформляются при их личной явке в помещение инспекции.

Такая же ситуация и с рапортами участковых уполномоченных отделов полиции. Часто такие рапорты отсутствуют, а если и имеются в делах, то большинство из них составляются формально и индивидуальной информации не содержат.

Кроме того, материалы личных дел осужденных свидетельствуют о том, что обычно не выясняются причины и количество посещений осужденными тех или иных врачей или органов и учреждений здравоохранения. В тех случаях, когда такие сведения упоминаются, все ограничивается пояснениями самих осужденных без дополнительных уточнений у медицинских специалистов и работодателя. Похожие проблемы в области осуществления контроля возникают и при исполнении обязательных работ. Однако при отбывании данного вида наказания возникают и дополнительные сложности, связанные с тем, что эти бесплатные общественно полезные работы выполняются осужденными после основной работы или учебы, в связи с чем контроль со стороны УИИ еще более затруднен.

При исполнении обязательных работ УИИ осуществляют следующие функции: согласовывают с органами местного самоуправления перечень объектов, на которых осужденные отбывают обязательные работы; ведут учет осужденных; разъясняют им порядок и условия отбывания наказания; контролируют поведение осужденных; ведут суммарный учет отработанного осужденными времени. Из указанного следует, что не все основные полномочия ориентированы на контроль в отношении самого осужденного. В то же время на администрацию организаций возлагается контроль за выполнением осужденными к обязательным работам определенных для них работ, уведомление УИИ о количестве проработанных часов или об уклонении осужденных от отбывания наказания. Отработанное осужденным время учитывается в таблице, который впоследствии

направляется в УИИ. В этом случае основные контролирующие функции возложены на администрацию организации, в которой осужденные отбывают наказания, а инспекции только уведомляются по конкретным вопросам. Вместе с тем в уголовно-исполнительном законодательстве не определена ни периодичность таких уведомлений, ни ответственность администрации организации за их неисполнение или ненадлежащее исполнение.

В итоге вопросы контроля за работой осужденных к обязательным работам указанными организациями также часто осуществляются формально, а сведения о нарушении ими порядка и условий отбывания наказаний своевременно не передаются в инспекции. В личных делах осужденных к обязательным работам иногда могут отсутствовать материалы о ненадлежащем исполнении осужденными своих трудовых обязанностей, что, в свою очередь, говорит о нежелании оформлять организациями дополнительную документацию.

Анализ личных дел осужденных также свидетельствует о том, что и при исполнении обязательных работ сотрудники УИИ при посещении дома и места работы осужденных в целом формально составляют соответствующие материалы (рапорты, акты и пр.).

Ситуация по фактически бесконтрольному поведению осужденных, в том числе страдающих различными видами заболеваний, имеет место и при исполнении других наказаний, не связанных с изоляцией от общества: ограничения свободы и лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Так, в отношении осужденных к ограничению свободы УИИ привлекает осужденного к отбыванию наказания, ведет учет срока отбытого наказания, проводит с ним беседы и воспитательные мероприятия, контролирует порядок отбывания наказания и исполнение осужденным своих обязанностей, ведет учет осужденных, осуществляет контроль за ними, применяет меры поощрения и т. п.

При исполнении ограничения свободы УИИ обладает, в отличие от других наказаний, не связанных с изоляцией от общества, наибольшим объемом контрольных полномочий, когда основное внимание уделяется самому осужденному. В то же время ввиду незначительности объема правоограничений у осужденных к ограничению свободы реализация контрольных полномочий сотрудниками инспекций также не всегда эффективна и нередко формальна. Это нивелируется применением технических средств надзора и контроля за осужденными к ограничению свободы [9, с. 47–49; 10, с. 202–208]. Как и при других наказаниях, не связанных с изоляцией от общества, при исполнении ограничения свободы сведения о состоянии здоровья осужденных сотрудниками инспекций не выясняются, за исключением случаев применения технических средств надзора и контроля. Однако при этом устанавливается не наличие каких-либо заболеваний у осужденного, а отсутствие оснований для применения к нему контрольных устройств.

В заключение отметим, что для более эффективного достижения целей уголовно-исполнительного законодательства необходимо совершенствование организационно-правовых аспектов контроля за поведением осужденных, отбывающих наказания, не связанных с изоляцией от общества, в том числе страдающих различными видами заболеваний.

Библиографический список

1. Горяинов К. К. Оперативно-розыскной контроль за осужденными к наказаниям без лишения свободы // Человек: преступление и наказание. 2018. Т. 26(1–4), № 4. С. 396–400.
2. Колбасова Е. В. Проблема контроля и надзора за осужденными к ограничению свободы, отбывающими наказание по месту пребывания // 20 лет Уголовному кодексу

Российской Федерации: итоги, проблемы, перспективы : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. : в 2 ч. / отв. ред. Л. Ю. Ларина. Рязань, 2016. С. 140–142.

3. Музеник А. К., Уткин В. А., Филимонов О. В. Условное осуждение и отсрочка исполнения приговора. Томск, 1990. 176 с.

4. Сукманов О. В. Индивидуальное предупреждение преступного поведения условно осужденных лиц : дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2003. 183 с.

5. Эрхитуева Т. И. Понятие и содержание контроля за поведением условно осужденных // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. 12. Юриспруденция. 2006. Вып. 3. С. 131–132.

6. Авдеев В. А. Оптимизация целей наказания в контексте предупреждения преступности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 2. С. 41–53.

7. Перемолотова Л. Ю. Значение особенностей личности осужденного при осуществлении профилактического воздействия // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 3(33). С. 76–81.

8. Ольховик Н. В. Индивидуализация контроля уголовно-исполнительных инспекций за осужденными без изоляции от общества // Вестник Томского государственного университета. Право. 2017. № 24. С. 37–51.

9. Кузнецов А. И. Правовое регулирование применения технических средств контроля и надзора к осужденным к наказанию в виде ограничения свободы // Вестник Пермского института ФСИН России. 2013. № 3(10). С. 47–49.

10. Дегтярева О. Л. Система электронного мониторинга подконтрольных лиц (СЭМПЛ), как одна из форм контроля осужденных к ограничению свободы // NovalInfo. Ru. 2015. Т. 2, № 33. С. 202–208.

УДК 343.848:364.04

DOI 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).1.091-098

КЛАВДИЯ КИРИЛЛОВНА ВАСИЛЬЕВА,
доктор философских наук, профессор,
академик РАН, ведущий научный сотрудник НИЦ-2,
НИИ ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация,
ORCID 0000-0002-2808-9575,
e-mail: klavdiya5@yandex.ru

КОНЦЕПЦИЯ СИСТЕМНОГО ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОСУЖДЕННОГО И ЕГО РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ (ОПЫТ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Для цитирования

Васильева, К. К. Концепция системного воспитательного воздействия на осужденного и его ресоциализации (опыт исправительных учреждений Кировской области) / К. К. Васильева // Человек: преступление и наказание. – 2020. – Т. 28(1–4), № 1. – С. 91–98. – DOI : 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).1.091-098.

Аннотация. В статье проведен анализ алгоритма уголовно-исполнительной теории и практики ресоциализации осужденных к лишению свободы в исправительных учреждениях Кировской области. Опыт направленного воспитательного воздействия на осужденных, центрированный методологией «воспитание через коллектив» (А. С. Макаренко) и имеющий конечной целью достижение коренного изменения поведения осужденного, эффективно применяются в исправительных учреждениях Кировской области. Интегральным показателем степени эффективной ресоциализации осужденных является существенное снижение рецидива преступлений на протяжении трех последних лет (2017–2019). В течение года после освобождения в места лишения свободы возвращаются не более 8 % осужденных. В статье данный опыт определяется как органично и системно целостная, внутренне непротиворечивая, а потому эффективная концепция воздействия на объект воспитания в исправительных учреждениях Федеральной службы исполнения наказаний. Данный опыт может быть рекомендован для конкретного предметно-практического осмысления и возможного его применения в иных учреждениях уголовно-исполнительной системы.

© Васильева К. К., 2020

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Ключевые слова: осужденный к лишению свободы, ресоциализация осужденного, направленное воспитательное воздействие, алгоритм ресоциализации осужденных к лишению свободы.

В научных изысканиях проблем ресоциализации осужденного обращается внимание в первую очередь на его личностные качества. В силу этого личность преступника является исходным логическим посылом многих отраслей криминологической науки. Ученые исследуют поведение осужденного в закрытой социальной системе, мотивы совершенного им преступления, поведенческие особенности, а также степень вероятности криминального рецидива [1]. Более того, персонология как междисциплинарное направление ряда наук не только объясняет поведение, но и предсказывает его [2]. В параграфе «Отдельные криминологические характеристики осужденных» В. Skinner пишет о важной роли поведения личности, которое ослабляет вредные раздражители или так называемое оперантное состояние. Оперантное состояние есть следствие некоторого поведения (действия), которое бывает положительное и отрицательное (вредное). Если за определенным поведением последует отрицательное последствие (в виде наказания), то поведение может повториться. В случае положительного последствия вероятность рецидива преступления сокращается. Гуманистическое направление персонологии имеет несколько отличное от бихевиористского понимание поведения личности [3, 4, 5]. Персонологи-проактивисты убеждены в том, что первопричиной всех форм поведения человека является его внутренний мир. Российские ученые изучают опыт зарубежных государств по ресоциализации заключенных, в частности, американскую программу The Minnesota's Challenge Incarceration Program (CIP) (Вызов лишению свободы), которая, по мнению цитируемых авторов, способствует существенному снижению рецидива преступлений [6].

В отечественной библиографии проблемы ресоциализации осужденных продолжают сохранять актуальность. Если зарубежные эксперты определились с тем, что считать реинтеграцией, а что ресоциализацией, и на этой основе построили свои системы возврата осужденных и освобожденных от этого наказания в общество, то по поводу нашей страны, отмечают некоторые авторы, этого не скажешь [7]. У нас до сих пор понятие процесса ресоциализации подменяется понятиями процессов реабилитации, реадaptации и реинтеграции. Отметим, что реабилитация понимается как восстановление в правах, восстановление доброго имени и репутации и совместно с понятиями «реадaptация», «реинтеграция» и «ресоциализация» обозначает один и тот же процесс возврата десoциализированных лиц в общество, но с разных точек зрения [7, с. 261].

Учитывая дискуссионность как в зарубежной, так и в отечественной правоведческой науке проблемы соотношения понятий «исправление» и «ресоциализация», мы будем придерживаться следующей формулировки из ст. 43 УК РФ: «...наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений». При этом делаем упор на предупреждение совершения новых преступлений. Установка на упреждение рецидива преступления тем более справедлива, что, по данным ФСИН России, в 2016 г. почти 40 % осужденных, находящихся в исправительных учреждениях страны, были лишены свободы три и более раза. Доля тех, кто осужден к лишению свободы в третий или четвертый раз, за 10 лет выросла вдвое (с 20 % в 2006 г. до 39 % в 2016 г.), в абсолютных цифрах – со 144 тыс. до 202 тыс. Второй раз осужден к лишению свободы каждый четвертый из находящихся в колонии (125 тыс. чел.), а доля тех, кто отбывает

наказание в колонии впервые, за 10 лет резко сократилась – с 53 % в 2006 г. до 37 % в 2016 г. (с 367 тыс. до 192 тыс.).

В исправительных учреждениях Кировской области 35 % осужденных отбывают наказание в третий и более раз, за 10 лет доля данной категории выросла вдвое (с 16 % в 2006 г. до 35 % в 2016 г.), в абсолютных цифрах – с 2117 до 3815 чел. [8, с. 9]. Вместе с тем обращает на себя внимание и вселяет некоторую надежду факт существенного сокращения за этот период числа осужденных к лишению свободы, совершивших преступление впервые. На фоне крайне неблагоприятного соотношения в пользу числа рецидивных преступлений необходимо, что называется, «бить в набат». В связи с этим положительный опыт исправительных учреждений Кировской области в деле воспитательного воздействия на осужденных требует повышенного внимания субъектов уголовно-исполнительной деятельности Российской Федерации с целью конкретно-предметного осмысления данного опыта и применения его в уголовно-исполнительной практике по ресоциализации осужденных к лишению свободы. Материалы, а также комментарии к ним предоставлены В. И. Никитеевым, генерал-майором внутренней службы в отставке, заслуженным работником УИС, начальником УФСИН России по Кировской области с 2014 по 2019 год (доклад «Положительный опыт воспитательного воздействия на осужденных в ИУ Кировской области». Киров, 2019).

Концепция, ее методология, методы и алгоритм осуществления воспитательного воздействия на спецконтингент

Исходным логическим отношением концепции исполнения наказания ИУ Кировской области является двуединство диалектики: 1) объекта воздействия (осужденные) – субъекта воздействия (личный состав); 2) силового воздействия – воспитательного воздействия. Концептуально теория и практика исполнения наказания исходит из основного тезиса – коренное изменение поведения осужденных к лишению свободы возможно! Конечной целью изменения поведения является отсутствие рецидива преступления у осужденного. Для достижения этой цели в ИУ Кировской области выработана концепция исполнения наказания. Стратегической установкой концепции является преодоление личным составом стереотипа приоритета силовых методов воздействия на спецконтингент, потому что силовые методы носят недолговременный характер и при их отсутствии спецконтингент возвращается к прежней модели поведения. Личному составу важно осознать, что на достигнутом режимном правопорядке обязательно следует строить воспитательное воздействие, ибо оно более глубоко влияет на человека, побуждая его вести себя законопослушно без угрозы применения силы.

Методология воздействия на объект воспитания в ИУ Кировской области центрируется концепцией А. С. Макаренко «воспитание через коллектив». Механизм запуска воспитания начинается в СИЗО, где спецконтингент формируется таким образом, чтобы он стал управляемым. Знание азов психологии о наличии во всякой общности от 3 до 5 % лиц, склонных к протестному или деструктивному поведению, позволяет выявить таковых и изолировать от основной массы. Очень скоро с ними начинают проводить разъяснительную работу. По мнению В. И. Никитеева, стратегическим в воспитательном деле является вычленение отрицательных лидеров и их полная изоляция от основной массы. И вот почему. По факту сепарации оставшееся большинство, даже при среднем уровне квалификации персонала, становится вполне управляемым и поддается исправительному воздействию. Изолированные лидеры, лишаясь электората, теряют рычаги воздействия на администрацию и меняют свое поведение. Как правило, их начинает заботить только сохранение своего неформального статуса. Это дает возможность опе-

ративному составу сосредоточиться на данной небольшой группе осужденных, вести с ними наступательную работу и не распылять усилия на остальных. Арестованным впервые уделяется повышенное внимание, потому что они наиболее легко поддаются негативному влиянию в СИЗО и их коррекция, как показывает опыт, представляет наибольшую трудность в ИУ.

Арестованные, предполагающие после истечения 10 дней карантина не исполнять законные требования, изолируются при переводе в камеры с усиленным контролем – двухпозиционное видеонаблюдение и повышенное внимание со стороны постового и закрепленного сотрудника отдела режима. Наряду с этим на данных лиц продолжается воспитательное воздействие, в ходе которого им разъясняется бессмысленность такого поведения и лишения себя перспектив на УДО. В целях максимального воспитательно-го воздействия широко применяется, согласно ст. 40 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103 «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», так называемая отсрочка карцера. В 95 % случаев лицо, получившее отсрочку, больше не нарушает режим содержания. Используется и досрочное освобождение из карцера в случае деятельного раскаяния. Такие личности из карцера сразу помещаются в камеры с положительно настроенными заключенными. Подобная тактика позволяет отделить от основной массы лидеров и отрицательно ориентированных лиц. Они не инфицируют массу ни криминальной, ни экстремистской идеологией. В результате из СИЗО в колонии из 100 вновь арестованных только 3 прибывают с негативными установками. Все они сразу попадают в изолированные помещения и лишены электората не представляют опасности. Если описанную выше работу не проводить, то в ИУ будет поступать не менее 70 % протестно настроенных осужденных. Ярким примером успешности концепции А. С. Макаренко «воспитание через коллектив» служит опыт работы с так называемыми колеблющимися. Такие арестованные подсаживаются в камеры со стабильным контингентом и почти всегда принимают правила игры данного контингента.

Половина отбывающих наказание в ИУ поступают из-за пределов Кировской области, проходя через СИЗО транзитом. Организация карантинной работы в колонии требует отдельного рассмотрения. Эту категорию можно диагностировать на криминальную зараженность только по самым явным признакам непринятия режимных требований. Данный способ выявления криминальной зараженности, можно сказать, до гениальности прост, но он действует безупречно. Для неформального и максимально глубокого изучения поступающих лиц сотрудник заполняет карту изучения личности осужденного, ставит подпись и дату проведенной с ним работы. Это индивидуализирует ответственность и заставляет сотрудника объективно оценивать осужденного. В целях однообразного заполнения указанной карты разработан определенный алгоритм изучения личности. В нем для каждой службы дан набор индикаторов, которые должны быть отражены в соответствующем разделе карты. Заполненная карта приобщается к личному делу и загружается в программный комплекс автоматизированного картотечного учета. Если речь идет об инвалиде 1-й и 2-й группы, то имеется памятка, где указаны дополнительные права данной категории осужденных, которые необходимо учитывать при распределении в отряды. Осужденные, отрицательно проявившие себя в карантине колонии на лояльность к требованиям ст. 106 УИК РФ, в первую очередь проходят диагностику по другим индикаторам и изымаются из основной массы в ШИЗО. В период нахождения в ШИЗО с такими осужденными ведется усиленная разъяснительная работа по их перспективам отбывания наказания. Около 30 % осужденных после этого отказываются от негативных установок. Те, кто продолжает упорствовать, распределяются в отряды,

возглавляемые наиболее профессиональным начальником отряда, который, как правило, за очередное нарушение порядка отбывания наказания изолирует такого осужденного в отряд усиленного контроля или СУОН. Принципиально важно не оставлять в общей массе тотально инфицированных криминальными установками индивидов. В противном случае претворение концепции и метода А. С. Макаренко «воспитание через коллектив» становится проблематичным. При правильной работе количество лиц, попадающих в СУОН после карантина, очень невелико. Например, даже в ИК-11 строгого режима для впервые осужденных из 163 чел., поступивших для отбывания наказания в 2018 г., ни один не был переведен в СУОН после карантина.

Центральной фигурой метода воспитания через коллектив, по мысли А. С. Макаренко, является личность педагога, в контексте нашего дискурса – это начальник отряда. Он центрирует собою воспитательную деятельность всего личного состава ИУ. Ему надлежит заслужить доверие к себе со стороны осужденных справедливостью, настойчивостью, терпением, охватывая их всех своим влиянием. В связи с этим принципиально важным является наполнение статуса начальника отряда максимальными полномочиями в его воздействии на объект воспитания. Это следующие распорядительные функции: закрепление спальных мест; наложение выговора устно; инициация постановления на профилактический учет; определение мер взыскания; изменения статуса осужденного как злостного нарушителя; вывод на работу; составление характеристики; определение ограничений административного надзора; изменение условия отбывания наказания, а также устная благодарность и выбор поощрения осужденному. Кроме того, зарегистрированные незначительные нарушения следует поручать для разбирательства именно начальнику отряда. Это усиливает его авторитет среди спецконтингента и лишает возможности осужденных, игнорируя воспитателя, выходить на руководство. Опыт следования данному алгоритму позволил на сегодня включить в компетенцию начальника отряда рассмотрение им 60 % зарегистрированных нарушений.

Многолетний опыт практики исправительных учреждений показывает значимость соблюдения морально-нравственных принципов в отношении объект воспитания (осужденный) – субъект воспитания (личный состав). Прежде всего, необходимо соблюдение этих принципов субъектами воспитания всех уровней. Положительное воздействие на спецконтингент примерами публичности, гласности, справедливости, открытости, прозрачности действий и решений личного состава переоценить невозможно. Соблюдение этих принципов крайне благотворно влияет в целом на социально-психологическую атмосферу ИУ и что, очень важно, приводит к правопослушности спецконтингента, нивелирует протестные настроения в их среде. В рамках отряда примеры публичности исполняются посредством общих собраний, как правило, ежемесячных, где обсуждаются наиболее актуальные общие вопросы, рассматриваются отрицательные и положительные поступки отдельных осужденных. Это позволяет включить в воспитательное воздействие большое количество членов коллектива, которые, обсуждая случившееся, неизбежно высказывают свое мнение и соучаствуют в исправительном влиянии на конкретного осужденного. Подобная практика вырабатывает у осужденных чувство общей ответственности за состояние дел в отряде и при грамотном применении эффективно воздействует на вновь прибывающих и даже запущенных лиц. Очень небольшой процент может противопоставить себя общепринятым правилам. Это, как правило, лидеры отрицательной направленности, которые отсеиваются еще в СИЗО.

Чтобы осужденные в массе своей как коллектив могли выражать свое отношение к проступкам или успехам своего товарища, необходимо обеспечение гласности этих со-

бытий и их оценки со стороны администрации. С этой целью используются возможности кабельного ТВ. Прежде всего, демонстрируется проведение дисциплинарных комиссий, где объективно и всесторонне рассматриваются обстоятельства проступка и реакция рассматриваемого лица. В таких случаях адекватность взыскания не вызывает сомнения у массы, которая по факту безмолвно солидаризуется с администрацией. Осужденный воспринимает взыскание как требование коллектива. Несмотря на жесткость принимаемых мер, прозрачность и адекватность их применения не дает возможности формировать протестные настроения. Это особенно заметно на примере ИК-20, где традиционно очень жесткая дисциплинарная практика и фиксируется даже незначительное нарушение, например, сидение на спальном месте вне распорядка дня. Однако три последних года, по результатам обследования социально-психологического климата, начальник ИК-20 имеет самый высокий авторитет у осужденных среди остальных 20 руководителей ИУ. Это ли не повод к размышлениям на предмет эффективности воспитательного воздействия на осужденных?!

Понятность и справедливость всех требований администрации самым лучшим образом настраивает осужденных на правопослушное поведение. Более того, эта методика действует и в отношении тех, кто неоднократно отбывает наказание. Для них самой сильной аргументацией в пользу правопослушного поведения является наличие надлежащего режима ИУ, понятного, прозрачного и справедливого. Сила влияния коллектива, безусловно, важна в деле воздействия на объект воспитания. Как отмечает В. И. Никитеев, «нельзя злоупотреблять этим ресурсом, когда вина одного вменяется всем, и весьма полезно для повышения профессионализма работников ИУ рассматривать лучшие практики с мест на учебно-методических сборах воспитательного состава».

Результаты, показатель степени эффективности воспитательного воздействия на спецконтингент и некоторые выводы

Комплекс психолого-педагогических мер, часть из которых приведена выше, позволил ИУ Кировской области добиться высокой правопослушности спецконтингента, а именно: только 0,1 % осужденных в карантине ИУ отказываются от работ согласно ст. 106 УИК РФ; из СИЗО в колонии из числа вновь арестованных прибывают с негативными установками только 3 %; в исправительных учреждениях отсутствует хоть какое-нибудь влияние криминальных лидеров; 2 года как в ИУ нет наркотиков и спиртного; сотовые телефоны эпизодически наличествуют в 2–3 подразделениях из 21; в ИУ нет проблемы радикальной исламизации спецконтингента. Половина злостных нарушений совершается лицами, содержащимися в запираемых помещениях, – 4 % от среднесписочной наполняемости 2018 г. в 11 230 человек. Все это достигнуто без участия так называемого актива из числа спецконтингента.

О практической состоятельности стратегической установки на преодоление личным составом стереотипа приоритета силовых методов и об эффективности воспитательных методов свидетельствует минимальное применение силового воздействия в ИУ. Например, такое спецсредство, как ПР-73 (палка резиновая), в 2018 г. вообще не применялось.

Конечная цель основного посыла воспитательного воздействия ИУ Кировской области – возможность коренного изменения поведения осужденного, а именно существенного снижения рецидива преступления реально достижима. Об этом свидетельствует следующий факт. На протяжении трех последних лет в течение года после освобождения в места лишения свободы возвращаются не более 8 % осужденных. Для сравнения, из

лиц, отпущенных по амнистии 2015 г., на которых ИУ Кировской области не успели оказать воспитательное воздействие и подготовить их к жизни на свободе, вернулось 40 %.

Общие выводы

Концепция воспитательного воздействия на спецконтингент в ИУ Кировской области построена по принципу системности, что означает ее целостность и завершенность. Для охвата единым замыслом воспитательного воздействия в учреждении регулярно проводятся совместные учебно-методические сборы всех служб исполнения наказания. На всех коллегиях четыре раза в год данный вопрос рассматривается отдельно. Составляющие этой системы, а именно объект воспитания (осужденные) и субъект воспитания (личный состав), взаимокоррелируют, то есть диалектически взаимодействуют. Иными словами, решения и действия, предпринимаемые личным составом, вызывают ответную реакцию в нужном для субъекта воспитания направлении. Об этом свидетельствуют цифры и факты изменения поведения осужденных к правопослушности, а также существенное сокращение протестных проявлений. Более того, имеются факты прогрессирующего роста активности спецконтингента в мероприятиях воспитательного характера, таких как день открытых дверей, подготовка к празднику Дня Победы и др.

Важно отметить, что сложившаяся практика морально-нравственных принципов в деятельности субъектов воспитания в отношении к объекту воспитания со временем становится самодостаточным фактором, мобиливающим осужденных к хорошему поведению. Данный фактор свидетельствует о том, что осужденные поверили в возможность справедливости в стенах ИУ. Можно допустить, что понятная и прозрачная система исправления сама по себе начинает обладать немалой силой благовоспитательного воздействия. Таким образом, алгоритм, предзаданный субъектами воспитательного воздействия, дисциплинирует как объект воспитания (спецконтингент), так и самих субъектов отправления воспитательного воздействия. В целом исправительное учреждение Кировской области накопило большой опыт эффективной ресоциализации осужденных, достойный пристального внимания со стороны коллег по службе исполнения наказания. На наш взгляд, организация и проведение воспитательного воздействия на спецконтингент в ИУ Кировской области представляет собой оптимальный вариант из возможных на сегодня в исправительных учреждениях Российской Федерации.

Библиографический список

1. Vasilyeva, K. K. & Ovchinnikov, S. N. 2018, 'Migration criminality: experience of socio-psychological portrait and studying behavioral attitudes of the convict', *Astra Salvensis*, iss. 6, pp. 49–57.
2. Skinner, B. F. 1971, *Beyond Freedom and Dignity*, Harmondsworth, Middlesex, Pelican Books, London.
3. Buhler, C. 1971, 'Basic Theoretical concepts of Humanistic Psychology', *American Psychologist*, vol. 26, pp. 378–386.
4. Kelly, G. A. 1963, *Theory of Personality. The Psychology of Personal constructs*, WW Norton & Company, New York.
5. Vasileva K. K. & Ochirov O. R. 2017, 'The mentality as the Image of the Cognitive Properties of the Other', *2nd International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Humanities (ICCESSH 2017)*, Atlantis Press, doi 10.2991/iccessh-17.2017.

6. Режанова И. М., Заборовская Ю. М. Зарубежный опыт работы с заключенными с целью их дальнейшей ресоциализации (на примере законодательства США и Канады) // Человек: преступление и наказание. 2019. Т. 27(1–4), № 1. С. 40–46.

7. Баранов Ю. В., Хамадишин Д. З. Реабилитация и ресоциализация как защита прав осужденных к лишению свободы и освобожденных от этого наказания // Актуальные проблемы экономики и права. 2011. № 1. С. 260–262.

8. Институт ресоциализации осужденных: состояние, проблемы и перспективы развития : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. (26–27 окт. 2017 г.). Киров : Кировский институт повышения квалификации работников ФСИН России, 2017. 268 с.

УДК 159.9:343.83

DOI 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).1.099-104

РОМАН МИХАЙЛОВИЧ ВОРОНИН,

доктор медицинских наук, доцент,
профессор кафедры психологии профессиональной деятельности в УИС,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
ORCID 000-0001-9794-972X,
e-mail: rmvoronin@mail.ru;

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ ОГОРОДНИКОВ,

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры управления и организации деятельности УИС,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: ogorodnikov_v.i.@yandex.ru;

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ ВОРОБЬЕВ,

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры теории государства и права,
международного и европейского права,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
ORCID 0000-0003-0734-7456,
e-mail: sergey.vorobev.78@inbox.ru

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕФОРМАЦИИ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Для цитирования

Воронин, Р. М. Организационно-психологические аспекты профессиональной деформации сотрудников уголовно-исполнительной системы / Р. М. Воронин, В. И. Огородников, С. М. Воробьев // Человек: преступление и наказание. – 2020. – Т. 28(1–4), № 1. – С. 99–104. – DOI : 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).1.099-104.

Аннотация. Повышение качества кадрового состава уголовно-исполнительной системы является важнейшей задачей, требующей своего решения. Исследование причин, ведущих к возникновению у сотрудников уголовно-исполнительной системы феномена профессиональной деформации, – главный этап на пути его профилактирования. Основная цель исследования состоит в сравнительной оценке личностных особенностей сотрудников уголовно-исполнительной системы, различающихся по эффективности выполнения должностных обязанностей с точки зрения их профессиональной деформации. В исследовании принимали участие 58 сотрудников исправительных учреждений. Был проведен анализ личных дел сотрудников, анкетирование, психологическое обследование. При

© Воронин Р. М., Огородников В. И., Воробьев С. М., 2020

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

анализе результатов выявлены значительные личностные различия между сотрудниками исправительных учреждений, добросовестно исполняющими свои должностные обязанности, и сотрудниками из группы повышенного контроля. Данные различия могут обуславливать предрасположенность или устойчивость личности к профессиональной деформации.

Ключевые слова: профессиональная деформация, сотрудники исправительных учреждений, психологическое сопровождение сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Повышение качества кадрового состава уголовно-исполнительной системы (УИС) является важнейшей задачей, требующей своего решения [1]. Помимо строгого отбора при приеме на службу, важнейшим фактором, способствующим эффективному выполнению служебных обязанностей, является адекватное психологическое сопровождение сотрудников, позволяющее в какой-то мере снизить негативное воздействие профессиональных вредностей [2]. Вместе с тем исследование причин возникновения дезадаптивных состояний, нередко ведущих к возникновению у сотрудников УИС феномена профессиональной деформации, является важнейшим этапом на пути их профилактирования [3].

Основная цель исследования – это сравнительная оценка личностных особенностей сотрудников УИС, различающихся по эффективности выполнения должностных обязанностей, с точки зрения их профессиональной деформации.

Всего было обследовано 58 сотрудников исправительного учреждения (ИУ). В первую группу вошли сотрудники ($n = 30$), добросовестно исполняющие свои должностные обязанности и не имеющие взысканий по службе, во вторую – сотрудники ($n = 28$), отнесенные психологической службой к группе повышенного контроля. Ее составили лица следующих категорий:

- неоднократно нарушавшие служебную дисциплину;
- злоупотребляющие спиртными напитками;
- имеющие частые конфликты по службе;
- применяющие в основном командно-административный стиль общения как с осужденными, так и с коллегами.

При формировании групп нами был учтен такой фактор, как стаж службы в УИС. Как правило, после трех лет службы начинают проявляться элементы профессиональной деформации [4, 5], поэтому наша выборка была представлена сотрудниками, прослужившими в УИС более этого срока.

При анализе полученных данных оказалось, что профессиональная деформация начинает проявляться у сотрудников уже в возрасте до 30 лет, хотя именно в этом возрасте начинается карьерное становление и профессиональное самосовершенствование.

Контент-анализ личных дел сотрудников ИУ позволил выявить основные виды проступков, за которые были назначены различные меры дисциплинарной ответственности. Чаще всего отмечались нарушения:

- служебной дисциплины: опоздание на службу, злоупотребление спиртными напитками (57 % обследуемых сотрудников второй группы);
- исполнительской дисциплины: несоблюдение приказов, устных распоряжений (34 % обследуемых сотрудников второй группы);

– законности: нарушение пунктов УПК РФ, например, превышение сроков исполнения документов (26 % обследуемых сотрудников второй группы).

Профессиональная деформация сотрудников ИУ может проявляться в проблемах при выполнении своих функциональных обязанностей, заключающихся, например, в злоупотреблении своими должностными полномочиями, опозданиях, неумеренном употреблении алкогольных напитков и т. д.

При анализе количества привлечений сотрудников к дисциплинарной ответственности оказалось, что нередко причиной наказаний является нарушение служебной дисциплины. В процессе индивидуальных бесед установлено, что сотрудники часто не согласны с предпринятыми в отношении их мерами.

В ходе работы исследовалась возможность взаимосвязи профессиональной деформации и знаний своих должностных обязанностей. Мы предположили, что сотрудники, хуже других ориентирующиеся в должностных инструкциях, менее качественно исполняют свои функциональные обязанности. Однако полученные результаты по итогам проведенного анкетирования не подтвердили эту гипотезу. Скорее всего, данная зависимость не является прямой и включает в себя совокупность множества факторов.

Сотрудники часто заявляли о приемлемости и логичности требований своих должностных инструкций, а также о своей заинтересованности в профессии и готовности к соблюдению определенных профессиональных ограничений. Около 45 % представителей первой группы и 12 % представителей второй группы считают, что наличие поручений от руководства, не являющиеся их функциональными обязанностями, оказывает отрицательное воздействие на качество исполнения их прямых должностных обязанностей. Они определяют взаимоотношения с коллегами по службе и руководством как хорошие и не оказывающие отрицательного воздействия на исполнение обязанностей по должности. Условия работы и специфика повседневных задач, а также предоставленный им объем должностных полномочий и прав, степень их ответственности обеспечивают необходимый уровень исполнения служебных обязанностей. Только 5 % всех обследованных сотрудников высказываются об отрицательном влиянии указанных факторов на служебную деятельность.

Анализ результатов анкетирования сотрудников ИУ позволяет нам предположить, что знание сотрудниками своих функциональных обязанностей и частота привлечения их к дисциплинарным нарушениям не взаимосвязаны. Скорее всего, основные причины имеющихся взысканий у сотрудников ИУ кроются в других факторах. Однако наблюдаются различия в отношении сотрудников выделенных нами групп к некоторым пунктам должностных инструкций. Так, представители первой группы более негативно настроены к таким разделам инструкций, как основные обязанности, штатный состав подразделения, сферы ответственности. Лица из второй группы более критичны к пунктам, которые связаны с регламентом служебного времени, сроками представления отчетов, с критериями оценки их работы, а также регулируют их отношения с другими сотрудниками, то есть с пунктами, в определенной мере ограничивающими их интересы.

Оценка личностных особенностей сотрудников с различным уровнем профессиональной деформации была осуществлена с помощью методики «Персональный автопортрет» (вариант методики Дж. Олдхэма и Л. Морриса) [6].

В таблице приводятся результаты, полученные в ходе обследования сотрудников ИУ.

Сравнительная оценка результатов по методике «Персональный автопортрет» в группах сотрудников УИС с различным уровнем профессиональной деформации

Шкала	Тип личности	1-я группа		2-я группа		t-критерий
		Mean	Станд. откл.	Mean	Станд. откл.	
A	Бдительный	5,33	2,66	7,33	2,90	0,0000
B	Отшельник	4,88	1,91	6,10	2,62	0,0034
C	Идеосинкратический	4,65	2,74	6,92	3,49	0,0089
D	Авантюрный	5,30	2,21	6,55	2,97	0,0117
E	Деятельный	5,75	2,10	7,52	3,22	0,0045
F	Драматический	5,51	2,49	6,24	2,85	0,1234
G	Самоуверенный	5,69	2,58	5,87	2,92	0,3287
H	Чувствительный	5,01	2,23	5,96	2,71	0,5275
I	Преданный	6,07	2,79	5,94	3,24	0,6509
J	Добросовестный	8,06	2,43	7,551	3,22	0,0716
K	Праздный	4,36	2,14	5,79	2,93	0,0030
L	Агрессивный	6,15	2,57	6,39	3,15	0,6373
M	Альтруистический	4,56	1,92	6,04	3,31	0,0000
N	Серьезный	5,07	2,16	6,31	2,84	0,0005

Показатели первой группы сотрудников статистически значимо отличаются от показателей второй группы по шкалам «А», «В», «С», «D», «Е», «К», «М», «N».

Показатели по шкале «А» (бдительность) более выражены у сотрудников второй группы. Они в значительной степени склонны ожидать от жизни больше плохого, чем хорошего. Отличительными чертами характера являются всеобщая подозрительность, бескомпромиссность суждений, полная убежденность в своей непогрешимости.

Значимые различия наблюдаются по шкале «В» (отшельник). Так, в соответствии с результатами тестирования представители второй группы более склонны к одиночному образу жизни. Они предпочитают создавать некоторый эмоциональный барьер в общении с окружающими, имеют стойкое недоверие к другим людям, обладают некоторой эмоциональной холодностью.

В исследовании отмечаются значимые межгрупповые различия по шкале «С» (идеосинкратический тип): во второй группе показатель выше. Представители этой группы в основном руководствуются собственными соображениями в служебной деятельности. Для них не имеет значения, принимают или отвергают окружающие их подход к жизни, что, однако, сочетается с повышенной внимательностью к реакциям со стороны других людей.

Повышенный показатель шкалы «D» (авантюрный тип) во второй группе характеризует обследуемых как личностей с вероятностью антисоциального поведения при наличии соответствующих условий. Это может выражаться в нарушении социальных норм, игнорировании чужих прав, обмане, даже в действиях явно криминального характера.

Во второй группе значительно выше показатель шкалы «Е» (деятельный тип) по сравнению с первой группой. Этот тип характеризуется неуравновешенностью, беспокойством, гневом, неустойчивостью социальных контактов, склонностью к саморазрушению.

У сотрудников второй группы отмечается более высокий показатель по шкале «К» (праздный тип). Представители этого типа обладают повышенной независимостью, устанавливая собственные рамки своего поведения. Они на свое усмотрение желают распоряжаться служебным временем и направленностью своих усилий, враждебны ко всему, что угнетает или пытаются принизить их значимость.

Большая выраженность по шкале «М» (альтруистический) у представителей второй группы может характеризовать снижение способности к получению удовлетворения в широком спектре жизненных ситуаций. Этот тип отвергает любые попытки помощи со стороны окружающих, выбирает стратегии поведения, приводящие к разочарованию, даже при наличии очевидно правильного выбора.

Повышенные показатели по шкале «N» (серьезный тип) у сотрудников второй группы могут свидетельствовать о некотором снижении настроения, недостаточно адекватной пониженной самооценке, часто отрицательном и критичном отношении к окружающим.

Таким образом, в нашем исследовании были выявлены значительные личностные различия между сотрудниками ИУ, добросовестно исполняющими свои должностные обязанности, и между сотрудниками из группы повышенного контроля. Данные различия, по всей видимости, могут обуславливать предрасположенность или устойчивость сотрудника к профессиональной деформации.

Очевидно, что адекватное психологическое сопровождение лиц с явлениями профессиональной деформации, так же как и меры по профилактике данных явлений, должны учитывать особенности личности этих сотрудников. В связи с этим при проведении психологической работы необходимо использовать дифференцированный подход, принимая во внимание систему моральных ценностей, имеющих значимость для конкретного сотрудника, его психологическую предрасположенность к тем или иным условиям профессиональной деятельности. Представляется актуальным, несмотря на достаточно большое количество научных работ, посвященных теме профессиональной деформации [7, 8, 9], дальнейшее проведение практико-ориентированных исследований с целью разработки четких методических рекомендаций для психологической службы УИС.

Библиографический список

1. Аксенова П. Ю., Аксенова Г. И., Кириллова Т. В., Воронин Р. М. Адаптация курсантов образовательных организаций ФСИН России к учебной деятельности : монография. М. : Проспект ; Академия ФСИН России, 2017. 160 с.
2. Воронин Р. М. Оценка состояния здоровья курсантов военных образовательных учреждений // Вестник новых медицинских технологий. 2011. Т. 18. № 3. С. 270–272.
3. Воронин Р. М., Семенов Ю. Н. Использование технологий биологической обратной связи в системе психофизиологической подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы // Прикладная юридическая психология. 2016. № 2. С. 101–106.
4. Гаврина Е. Е., Рожков О. А., Сочивко Д. В. Мотивационные детерминанты профессиональной деформации личности сотрудников уголовно-исполнительной системы : монография. М. : Проспект, 2017. 176 с.
5. Поздняков В. М., Черкасова М. А. Особенности профессионального выгорания у сотрудников уголовно-исполнительной системы на различных этапах прохождения службы // Прикладная юридическая психология. 2013. № 1. С. 22–31.
6. Райгородский Д. Я. Практическая психодиагностика. Методические тесты : учеб. пособие. Самара, 1998. 672 с.

7. Мишин А. А. Профилактика профессиональной деформации сотрудников уголовно-исполнительной системы в образовательном процессе // Вестник Кузбасского института. 2015. № 4(25). С. 173–176.

8. Трофимова Е. Л. Профессиональные трансформации сотрудников пенитенциарных учреждений // Психология в экономике и управлении. 2016. Т. 8. № 1-2. С. 36–42.

9. Крапивина О. В. Эмоциональное выгорание как форма профессиональной деформации у пенитенциарных служащих : дис. ... канд. психол. наук. Тамбов, 2004. 200 с.

УДК 343.82:343.83

DOI 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).1.105-112

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ КИСЕЛЕВ,

доктор педагогических наук, доцент,
профессор кафедры мобилизационной и тактико-специальной подготовки,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: kamkis@bk.ru;

МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ КУЛЕШОВ,

кандидат юридических наук,
начальник кафедры мобилизационной и тактико-специальной подготовки,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: kul.mixail2014@yandex.ru

О ФОРМИРОВАНИИ ГОТОВНОСТИ ПЕРСОНАЛА К ДЕЙСТВИЯМ ПРИ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ

Для цитирования

Киселев, А. М. О формировании готовности персонала к действиям при чрезвычайных обстоятельствах / А. М. Киселев, М. А. Кулешов // Человек: преступление и наказание. – 2020. – Т. 28(1–4), № 1. – С. 105–112. – DOI : 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).1.105-112.

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, касающиеся формирования готовности персонала уголовно-исполнительной системы к действиям при возникновении чрезвычайных обстоятельств. Отмечаются различные подходы к содержанию понятия готовности к действиям при чрезвычайных обстоятельствах. Предлагается авторское определение понятия готовности к действиям при чрезвычайных обстоятельствах применительно к персоналу уголовно-исполнительной системы: это состояние, сформировавшееся на основе специальных знаний, навыков, умений, обеспечивающее эффективное выполнение служебных обязанностей при осложнении оперативной обстановки в органах и учреждениях. Важную роль в этом состоянии играют и психологические компоненты, к которым необходимо отнести мотивы, установки, уровни волевого и эмоционального самоконтроля.

На основании результатов проведенного исследования определены возможности развития следующих компонентов готовности:

1) мотивационно-волевой – включающий в себя систему побудительных мотивов, способности к саморегуляции своими психическими состояниями и определяющий характер деятельности человека при реализации им профессиональных задач;

2) когнитивный – складывающийся из системы знаний алгоритмов действий при возникновении чрезвычайных обстоятельств, субъективных представлений и

© Киселев А. М., Кулешов М. А., 2020

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

отношения к выполнению профессиональных задач в ситуациях экстремального характера;

3) деятельностный – проявляемый в умениях и навыках практической реализации служебных задач в условиях сложной оперативной обстановки, в том числе при принятии решений, организации индивидуальных и совместных действий в составе подразделений (функциональных групп).

В рамках основного этапа исследования (формирующего эксперимента) применялись такие формы организации обучения, как тактико-строевые занятия, штабные тренировки, командно-штабные и тактико-специальные учения, инструктивные и инструкторско-методические занятия. В учреждениях экспериментальной группы вместо обычных тактико-строевых занятий проводились тактико-специальные занятия с привлечением руководителей занятий и их помощников из числа сотрудников, прошедших повышение профессионального мастерства в образовательных организациях, подведомственных Федеральной службе исполнения наказаний. В процессе подготовки осуществлялись обучение руководителей подразделений, формирование умений тактических действий сотрудников в составе функциональных групп при пресечении чрезвычайных обстоятельств, тренировка навыков тактического слаживания сил и средств учреждений Федеральной службы исполнения наказаний, использовалось моделирование различных видов чрезвычайных обстоятельств. В целом результаты формирующего эксперимента можно оценить положительно и констатировать факт достижения поставленных исследовательских задач.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, персонал, чрезвычайные обстоятельства, профессиональная готовность, педагогический эксперимент.

Деятельность персонала уголовно-исполнительной системы (УИС) направлена на реализацию условий отбывания наказания лиц, совершивших уголовные преступления. Особенностью такой деятельности является взаимодействие с многочисленной группой криминально ориентированных лиц, содержащихся в условиях изоляции от общества. В этой среде возможность совершения умышленных преступлений, в том числе насильственной направленности, является очевидной, что создает опасность для здоровья, а иногда и для жизни сотрудников.

За последние несколько лет на объектах УИС чрезвычайные обстоятельства (ЧО) возникали неоднократно, при этом значительную их часть продолжают составлять групповые (массовые) противоправные действия осужденных и лиц, содержащихся под стражей. В силу этого формирование у сотрудников готовности к действиям в условиях возникновения ЧО является одной из важных задач пенитенциарных органов и учреждений современной России.

Существуют различные подходы к содержанию понятия готовности к действиям при чрезвычайных обстоятельствах: например, Б. Г. Ананьев определяет понятие готовности к высокопродуктивной деятельности в определенной области труда, общественной жизни как «проявление способностей», В. А. Крутецкий под готовностью к деятельности понимает весь «ансамбль», синтез свойств личности как значительно более широкое понятие, чем способности, а Н. Д. Левитов предлагает различать длительную готовность и готовность, обозначенную им как «предстартовое состояние», в которое ненадолго может перейти человек перед каким-либо действием или под воздействием какого-либо фактора. Он же различает обычную, повышенную и пониженную готовность. П. А. Рудик,

изучая понятие «готовность», обращает внимание на важность личностного подхода к изучению состояния готовности, считая его сложным психологическим образованием психических процессов, эмоциональных компонентов, а также мотивов поведения. По мнению М. А. Котика, готовность к риску, которую предполагает деятельность в УИС, включает в себя наряду с индивидуальными качествами различные ситуативные факторы, вытекающие из реальных условий деятельности.

На наш взгляд, под готовностью к действиям при ЧО применительно к персоналу УИС следует понимать состояние, сформировавшееся на основе специальных знаний, навыков, умений, обеспечивающее эффективное выполнение служебных обязанностей при осложнении оперативной обстановки в органах и учреждениях. Следует отметить, что важную роль в этом состоянии играют и психологические компоненты, к которым необходимо отнести, например, мотивы, установки, уровни волевого и эмоционального самоконтроля.

Основываясь на подходе Д. В. Егоренкова к структуре готовности для преодоления экстремальных ситуаций [1, с. 40], в качестве основных компонентов готовности сотрудников к действию при возникновении чрезвычайных обстоятельств мы определили:

1) мотивационно-волевой компонент – как первоначальный аспект любой деятельности включает в себя систему побудительных мотивов, способности к саморегуляции и управлению своими психическими состояниями, определяет характер последующей деятельности человека при реализации им профессиональных задач;

2) когнитивный компонент – складывается из системы знаний алгоритмов действий при возникновении ЧО, субъективных представлений и отношения к выполнению профессиональных задач в ситуациях экстремального характера;

3) деятельностный компонент – проявляется в умениях и навыках практической реализации служебных задач в условиях сложной оперативной обстановки, в том числе при принятии решений, организации как индивидуальных, так и совместных действий в составе подразделения (функциональных групп).

С целью определения содержания перечисленных компонентов готовности сотрудников УИС к деятельности при возникновении ЧО и эффективных способов их развития нами было проведено экспериментальное исследование. Методологическую и теоретическую основу исследования составили деятельностный (Е. В. Бондаревская, И. Б. Воровцова, В. В. Серикова), полисубъектный (М. М. Бахтин, В. С. Библер, Г. С. Трофимова), антропологический (К. Д. Ушинский, Б. М. Бим-Бад) и компетентностный (О. Е. Лебедев, Г. Н. Сериков, А. С. Хуторской) подходы.

В качестве основных методов исследования использовались наблюдение, опрос, метод экспертной оценки, тестирование, эксперимент. Для реализации исследовательских задач применялись: методика Х. Хекхаузена [2, с. 171], шкала оптимизма и активности И. С. Шулера и А. Л. Комуниани [3, с. 291], методика волевого самоконтроля, авторские анкеты, а также тесты достижений и действий, позволяющие оценить уровень знаний и умений в рамках реализации профессиональных задач в условиях ЧО.

В рамках основного этапа исследования (формирующего эксперимента) применялись такие формы организации обучения, как тактико-строевые занятия, штабные тренировки, командно-штабные учения, тактико-специальные учения, инструктивные и инструкторско-методические занятия. В учреждениях экспериментальной группы вместо обычных тактико-строевых занятий проводились тактико-специальные занятия с привлечением руководителей занятий и их помощников из числа сотрудников, прошедших повышение профессионального мастерства в образовательных организациях, подведомственных

Федеральной службе исполнения наказаний (ФСИН России). В процессе подготовки осуществлялось обучение руководителей подразделений, формирование умений тактических действий сотрудников в составе функциональных групп при пресечении ЧО, тренировка навыков тактического слаживания сил и средств учреждений ФСИН России, использовалось моделирование различных видов чрезвычайных обстоятельств.

Для формирования готовности персонала к действиям при ЧО при реализации формирующего эксперимента дополнительно внимание уделялось решению следующих организационно-педагогических задач:

- создание условий для осознания личным составом требований нормативных актов, понимания целей коллективной и персональной деятельности, уяснения задачи;
- тренировка умений анализировать ситуацию и определять последовательность действий, необходимых для выполнения служебных задач;
- актуализация знаний, связанных с решением задач подобного рода;
- формирование умений оценивать оперативную обстановку, в которой будут протекать предстоящие действия;
- обучение навыкам прогноза своих эмоциональных, интеллектуальных, мотивационных и волевых процессов, оценки и соотношения собственных умений с уровнем сложности выполняемой задачи;
- демонстрация и тренировка приемов мобилизации сил в соответствии с условиями и задачами, необходимыми для достижения цели при выполнении самостоятельных и совместных действий в условиях ЧО.

Аспекты мотивационно-волевого компонента готовности к действиям при возникновении чрезвычайных обстоятельств диагностировались при помощи психодиагностических методик и наблюдения, когнитивный компонент определялся посредством авторских анкет и учебного тестирования, поведенческий – с помощью экспертной оценки деятельности сотрудников при решении профессиональных задач в ситуациях, имитирующих чрезвычайные обстоятельства в исправительных учреждениях.

Результаты наблюдения за проявлением аспектов мотивационно-волевого и деятельностного компонентов у экспериментальной группы, занимающейся по специальной методике, показали, что наиболее напряженными были первые тактико-специальные занятия и штабные тренировки. К третьему, четвертому занятиям после осмысления обучаемыми порядка их проведения и понимания принципов действий подчиненных сил и средств напряженность спадает, появляется уверенность в своих силах и возможностях.

Итогом формирующего эксперимента стали, в частности, заметные положительные изменения в компонентах готовности персонала к действиям при ЧО.

Так, показатели шкалы активности-оптимизма позволили нам определить, что по степени выраженности оптимизма-пессимизма и активности-пассивности сотрудники экспериментальной и контрольной групп стали различаться. В экспериментальной группе рост числа реалистов и активных оптимистов произошел за счет пассивных пессимистов и пассивных оптимистов, что свидетельствует об увеличении количества сотрудников, уверенных в своих силах и в положительном исходе своей активности. В то же время количество активных пессимистов, сотрудников, которые против всего нового, в обеих группах осталось на прежнем уровне. Данный факт актуализирует воспитательную работу с обучаемыми по коррекции их убеждений.

При оценке выраженности у сотрудников мотивации избегания неудач в контрольной группе выявлен рост числа респондентов с подобным мотивом. Это, по нашему мнению, позволяет констатировать несовершенство дисциплинарной практики в органах

и учреждениях, когда за каждую ошибку, допущенную при выполнении служебных задач, неотвратимо следует наказание, вызванное авторитарностью, отсутствием анализа ситуации, диалога и индивидуального подхода. Такое положение дел способствует формированию и устойчивому проявлению мотивации избегания неудач, развитию у сотрудников таких свойств, как скованность, замкнутость, недовольство собой и другими. Этот момент можно считать наиболее отрицательным в существующей системе профессионального обучения персонала УИС.

В нашем исследовании мотив достижения напрямую связан с актуальным состоянием позитивных ожиданий в отношении своей деятельности. В экспериментальной группе количество сотрудников, которые считают реальной для себя возможность достижения поставленной цели, видят у себя необходимые способности, знания, умения, силу воли, трудоспособность, увеличилось на 15 %. В контрольной же группе данные изменения носят незначительный характер и находятся в пределах 5 %.

Далее исследовался баланс использования сотрудниками трех копинг-стратегий: разрешение проблем, поиск социальной поддержки, избегание проблемы. Адаптивными копингами при решении задач служебной деятельности сотрудников в первую очередь можно считать стратегию разрешения проблемы. При этом может быть целесообразна и стратегия поиска социальной поддержки, когда необходимо получить поддержку коллег, попросить о помощи. Однако она условно относится к пограничному уровню. Деадаптивным копингом является бегство от проблемы, поскольку это может привести к опасным последствиям в экстремальной ситуации. По итогам эксперимента выявлено, что количество сотрудников с адаптивным копингом увеличилось в экспериментальной группе с 15 до 27 %, с деадаптивным копингом – уменьшилось на 7 %. Доминирующим остался пограничный копинг. В контрольной группе значительных изменений не выявлено.

Незначительные, с точки зрения статистики, изменения стратегий совладающего поведения можно объяснить тем, что данные свойства требуют длительного времени и сознательной тренировки. К тому же используемая психодиагностическая методика замеряет копинги в различных сферах жизни человека как общую стратегию поведения в стрессовых ситуациях, где не выделяется профессиональная деятельность сотрудника УИС. Тем не менее результаты исследования свидетельствуют о том, что при попадании в экстремальную ситуацию или при проведении специальной операции по ликвидации ЧО около 1/3 сотрудников из экспериментальной группы имеют адаптивные механизмы выхода из сложной ситуации, прикладывая активные действия в направлении решения возникшей задачи.

Несмотря на необходимость выполнять распоряжения, действовать по заданным алгоритмам, при решении служебных задач важна и самостоятельность, которая значима для начала реализации известных необходимых действий, принятия решения в конкретных обстоятельствах [4, с. 56]. В нашем исследовании были определены пять уровней самостоятельности, начиная с минимального, когда сотрудник полагается на других (первая группа), и заканчивая неконтролируемым самоуправством (превышением должностных полномочий и т. п.) (пятая группа).

При проведении эксперимента работа с персоналом была организована дифференцированно. Так, в первой группе сотрудников тренировали начинать необходимые действия, регулировать свое состояние и целенаправленно продолжать деятельность; во второй – давались нужные разъяснения, стимулировалось развитие самостоятельности сотрудников; в третьей – обсуждались предлагаемые решения участников; в четвертой –

устанавливался круг полномочий в соответствии с квалификацией и опытом сотрудников, проводился совместный с сотрудником анализ его решений на предмет оптимальности; в пятой – определялся круг полномочий в соответствии с квалификацией и опытом сотрудника, однако при этом следили, чтобы его самостоятельность не переходила в самоуправство, когда решения принимаются за пределами полномочий или о решениях не докладывается старшему начальнику. Итоги исследования показали, что в экспериментальной группе самостоятельность оптимальной середины проявляется чаще пограничных значений первой и пятой групп.

Вовлеченность сотрудников экспериментальной группы в решение задач при ликвидации ЧО в ходе эксперимента также претерпела изменения в положительную сторону. Так, количество сотрудников с уровнем вовлеченности в решение задач службы при ЧО ниже среднего уменьшилось в экспериментальной группе, при этом в контрольной группе значительных изменений не обнаружено. В экспериментальной группе количество участников, которые демонстрируют средний уровень вовлеченности и правильно понимают поставленные задачи, составило 80 %. Сотрудников, которые демонстрируют более высокий уровень вовлеченности, рекомендуется рассматривать в качестве кадрового резерва учреждений.

Показатель дисциплинированности в рамках исследования оценивался по следующим критериям: исполнительность, умение выполнять полученные приказы быстро и беспрекословно. В принятом нами контексте мы больше склоняемся к оценке самодисциплины сотрудника, заключающейся в самоорганизации, самоконтроле и способности выстраивать собственную деятельность в соответствии с принятым планом, а не с эмоциональным состоянием, которое преобладает у субъекта в (перед) той или иной экстремальной ситуации (ей). Так, к завершению эксперимента внешние и внутренние проявления дисциплинированности четко прослеживались в экспериментальной группе, где и результаты тестирования показали рост числа сотрудников с высоким уровнем дисциплинированности, и практические действия подтвердили, что во всех функциональных группах приказы и команды выполнялись четко и в срок, время на выполнение указаний не затягивалось.

Вышеперечисленные результаты свидетельствуют о значительном повышении уровня сформированности мотивационно-волевого компонента готовности к действиям при возникновении ЧО.

Одним из аспектов когнитивного компонента выступало качество знаний сотрудников по темам тактико-специальной подготовки, которые измерялись с помощью учебных тестов. Качество знаний было условно разделено на три уровня: оптимальный, допустимый и недопустимый. Увеличение доли сотрудников, демонстрирующих оптимальный уровень знаний о действиях при возникновении ЧО, произошло в экспериментальной группе на 30 %, в контрольной – на 3 %. Недопустимый уровень знаний сократился в обеих группах: минус 16 и 3 % в экспериментальной и контрольной группах соответственно.

Качество выполнения практических действий также претерпело значительные изменения в положительную сторону в экспериментальной группе и незначительные – в контрольной группе. Увеличение оптимального уровня практических навыков произошло в учреждениях экспериментальной группы на 25–35 %. Эксперты отметили высокую слаженность сотрудников при выполнении ими совместных действий и отличное качество исполнения индивидуальных тактических приемов.

Отмечены в лучшую сторону действия дежурных смен и караулов учреждений экспериментальной группы в сравнении с контрольной группой, где тактико-строевые занятия

проводились без отработки действий сотрудников указанных должностей. Группы преследования показали высокие результаты при отработке навыков в ситуации имитации побега из учреждения. Дежурные отработывали алгоритм действий в ситуациях захвата заложников или возникновении групповых неповиновений и также продемонстрировали высокий уровень сформированности необходимых навыков в ситуации экспертной оценки. Некоторые вовлеченные в мероприятия сотрудники предлагали целесообразные рекомендации по изменению алгоритмов действий дежурных смен, которые могут быть внедрены в повседневную служебную деятельность учреждений.

На внезапных проверках готовности к действиям при возникновении ЧО количество личного состава, имеющего уровень готовности к действиям при ЧО на оптимальном уровне, в контрольной группе не изменилось; в экспериментальной же группе при итоговом срезе оно увеличилось на 11 %. Этот факт демонстрирует целесообразность отработки приобретенных навыков в условиях неожиданного контроля, что еще в большей степени будет способствовать повышению уровня готовности персонала УИС к действиям при ЧО.

Представления о ЧО, оценка возможного исхода развития ситуации, прогнозы по решению подобных ситуаций также являются аспектами когнитивного компонента готовности к действиям в указанных обстоятельствах. Для изучения этих аспектов применялось анкетирование, результаты которого показали, что повышение осведомленности и совершенствование практических навыков при совместном развитии мотивационно-волевого компонента способствуют более частому проявлению у респондентов позитивной оценки имеющихся человеческих ресурсов, необходимых для эффективного решения ситуаций возникновения ЧО в условиях конкретного пенитенциарного учреждения.

Одной из специфических функциональных групп, выполняющих профессиональные обязанности, как правило, только при ЧО, является группа ведения переговоров, к компетенции которой предъявляются особые требования. В рамках формирующего эксперимента проводилось обучение сотрудников, входящих в состав групп ведения переговоров пенитенциарных учреждений, посредством реализации дополнительной профессиональной программы повышения квалификации сотрудников УИС. Программа включала в себя обучение умениям саморегуляции неблагоприятных эмоциональных состояний, возникающих в экстремальных ситуациях, навыкам взаимодействия в группе при решении профессиональных задач, сбора и анализа информации, применения коммуникативных приемов, необходимых для проведения переговоров в ситуации групповых неповиновений, массовых беспорядков и захвата заложников в исправительном учреждении.

Результаты обучения функциональной группы ведения переговоров показали, что примененная учебная программа [5, с. 1–38] способствует развитию перечисленных компонентов исследуемой готовности. Возможность детального анализа аспектов ведения переговоров в экстремальных ситуациях, тренировка необходимых коммуникативных навыков, аналитических и прогностических умений, приемов сбора, анализа информации, планирования тактики переговорного процесса позволяют развить деятельностный и когнитивный компоненты. Применение таких педагогических приемов, как разрешение на допущение ошибок во время тренировки, последующее осознание их причин, поиск оптимального варианта действий в процессе группового обсуждения, использование рекомендаций эксперта, способствуют успешному решению предлагаемых учебных задач, формированию мотивов достижения успеха, снижению напряженности, ориентации на сотрудничество и ответственное отношение к реализации задач профессиональной подготовки.

Как и в других сферах профессионального обучения к деятельности при ЧО, результативность в подготовке персонала функциональной группы ведения переговоров во многом определялась как общими способностями, степенью активности и интереса, так и уровнем индивидуального развития сотрудников. В связи с этим степень позитивных изменений изучаемых компетенций сотрудников имела индивидуальный характер. Перечисленные формы работы одновременно помогли дифференцировать потенциальные возможности сотрудников с целью их дальнейшего эффективного распределения по ролям участников группы ведения переговоров.

В целом результаты формирующего эксперимента можно оценить положительно и констатировать факт достижения поставленных исследовательских целей.

Выводы

1. Оперативная обстановка в учреждениях УИС характеризуется повышенной степенью вероятности возникновения ЧО и требует поиска оптимальных методов и форм подготовки сотрудников к эффективным действиям. Готовность персонала к действиям при возникновении ЧО становится все более значимым показателем результативности их общей профессиональной подготовленности.

2. Оценка результата формирования готовности сотрудников к действиям при ЧО проводилась на основании совокупности мотивационно-волевого, когнитивного, деятельностного компонентов, что позволило объективно и всесторонне оценить степень ее сформированности.

3. Результаты эксперимента позволили констатировать позитивные изменения когнитивного и деятельностного компонентов изучаемой готовности, которые проявились в углублении знаний и приобретении навыков реализации алгоритмов действий, эффективности принимаемых решений, согласованности действий сотрудников при выполнении задач, направленных на ликвидацию ЧО. Повышение компетентности сотрудников стало причиной проявления мотивации достижения успеха, снижения напряженности и роста уверенности при выполнении ими задач в условиях ЧО.

Таким образом, результаты проведенной экспериментальной работы подтвердили состоятельность апробированных педагогических путей, обеспечивающих повышение уровня готовности персонала уголовно-исполнительной системы к деятельности в чрезвычайных обстоятельствах.

Библиографический список

1. Егоренков Д. В. Формирование готовности старшеклассника к преодолению экстремальных ситуаций : дис. ... канд. пед. наук. Волгоград, 2013. 186 с.
2. Практическая психодиагностика. Методики и тесты : учеб. пособие. Самара, 1998. 672 с.
3. Schuller, I. & Comunian, A. 1997, 'Cross-Cultural Comparison of Arousalability and Optimism Scale (AOS)', in *18th International Conference of Stress and Anxiety Research Society*, Dusseldorf.
4. Кугно Э. Э. Формирование личностной готовности к деятельности в экстремальных ситуациях : дис. ... канд. пед. наук. Улан-Удэ, 2013. 193 с.
5. Дополнительная профессиональная программа – программа повышения квалификации «Организация и проведение переговоров при осложнении оперативной обстановки при возникновении ЧО в учреждениях УИС» для сотрудников учреждений и органов УИС. Новосибирск : Специализированный межрегиональный учебный центр ГУФСИН России по Новосибирской области, 2018. 38 с.

УДК 316.6:378.6:343.83

DOI 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).1.113-119

НИНА ИВАНОВНА СИДОРОВА,

старший преподаватель Института Академии ФСИН России

по кафедре иностранных языков,

Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,

e-mail: sidorova.nina2912@yandex.ru;

СОФИЯ АЛЕКСАНДРОВНА ГАПОНОВА,

доктор психологических наук, профессор,

профессор кафедры социальной психологии и социальной работы,

Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,

e-mail: sagap@mail.ru;

ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА ШМЕЛЕВА,

доктор психологических наук, доцент,

заместитель директора Шуйского филиала по научной работе,

Ивановский государственный университет,

г. Шуя, Российская Федерация,

e-mail: noc_shmeleva@mail.ru

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕНИЯ КАК ФОРМЫ УЧЕБНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА С ИНОСТРАННЫМИ СЛУШАТЕЛЯМИ (ОПЫТ АКАДЕМИИ ФСИН РОССИИ)

Для цитирования

Сидорова, Н. И. Психолого-педагогические особенности общения как формы учебного сотрудничества с иностранными слушателями (опыт Академии ФСИН России) / Н. И. Сидорова, С. А. Гапонова, Е. А. Шмелева // Человек: преступление и наказание. – 2020. – Т. 28(1–4), № 1. – С. 113–119. – DOI : 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).1.113-119.

Аннотация. В статье рассматриваются психолого-педагогические особенности общения с иностранными слушателями, проблемы, связанные с оптимизацией образовательного процесса, созданием обстановки сотрудничества, выработкой долговременной положительной мотивации к обучению, адаптации учебного процесса иностранных слушателей – граждан Азербайджанской Республики. Представлена точка зрения на педагогическое общение как форму учебного сотрудничества, на взаимодействие преподавателя и слушателя в ходе учебного процесса и вне его в процессе организованного и управляемого обучения русскому языку. Использование инновационных методов обучения способствует оптимизации учебного процесса, созданию обстановки сотруд-

© Сидорова Н. И., Гапонова С. А., Шмелева Е. А., 2020

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

ничества на занятиях, выработке долговременной положительной мотивации к обучению, включению обучающихся в креативную деятельность на основе индивидуализации и механизмов личностного развития. Эффективность обучения иностранных слушателей зависит и от того, насколько успешно они адаптируются к образовательному пространству, к новой социокультурной среде. В статье приводятся примеры приемов (беседы по ознакомлению со структурой, историей, традициями Академии ФСИН России, проведение экскурсий, участие в олимпиадах по русскому языку и культуре речи, в научных конференциях, музыкально-литературные мероприятия, фестиваль культур, проект музейных лекций), помогающих ускорить процесс адаптации к вузу, неродной стране, социализации в ней. Отмечается, что в целях совершенствования практических навыков психолого-педагогического общения, профессионального владения современным русским языком, формирования у слушателей отношения к русскому языку как необходимому компоненту профессиональной компетентности, а также устранения объективных трудностей в овладении русским языком проводятся занятия по дополнительной общеобразовательной программе «Русский язык как иностранный» для иностранных слушателей, издаются учебные пособия, учитывающие специфику профессиональной деятельности обучающихся и уровень их подготовленности к обучению.

Ключевые слова: психолого-педагогические особенности общения, профессиональная компетентность, оптимизация учебного процесса, учебное сотрудничество, профессионально ориентированная коммуникация, адаптация, социокультурная среда, лингвострановедческая компетенция, творческая активность, индивидуализация, включение механизмов личностного развития.

Международное сотрудничество Академии ФСИН России с Азербайджанской Республикой осуществляется по направлениям, соответствующим профилю деятельности Академии ФСИН России, согласно действующему законодательству Российской Федерации, международным соглашениям, договорам, нормативным актам Минюста России и ФСИН России, плану международного сотрудничества Академии ФСИН России, приказам и распоряжениям Академии ФСИН России.

На основании договора с правительством Азербайджанской Республики на специальном курсе Академии ФСИН России осуществляется подготовка иностранных граждан. Главными целями обучения являются поддержание международных связей академии, расширение контактов с пенитенциарными системами иностранных государств, формирование позитивного имиджа России, укрепление наших позиций в мировом образовательном сообществе, подготовка квалифицированных специалистов для Пенитенциарной службы Азербайджанской Республики.

Задачей обучения является не только выпуск специалистов высокого уровня, но и включение обучающихся уже в процессе изучения русского языка в разработку принципиально новых технологий (работа в парах или мини-группах, по цепочке, мозговой штурм, командные игры-задания, лингвистические игры, ролевые игры, технологии работы с документацией, метод тандема), развитие у слушателей творческой активности, умения оценивать реальную ситуацию, быстро адаптироваться к изменениям потребности рынка дружественной нам страны.

Задача преподавателя-русиста – формирование коммуникативной компетенции, включающей в себя языковую (лингвистическую) и речевую компетенции, а также знание культуры страны изучаемого языка, то есть страноведческую и лингвострановедческую компетенции. Знание языка, то есть содержание языковой компетенции, предполагает усвоение фонетики, морфологии, синтаксиса, семантики (от гр. *semantikos* – обозначающий), изучение значения отдельных языковых единиц: слов, словосочетаний, а также грамматических форм, необходимых для понимания и построения речи. Благодаря языковой компетенции люди способны понимать друг друга. Необходимо отметить, что на качество языковой компетенции в русском языке влияет уровень компетенции иностранных слушателей в родном языке.

Коммуникативная компетенция выступает ведущей по отношению к конечной цели учебно-познавательной деятельности, является центральным понятием в обучении языку. Она реализуется в социальном поведении, служит целям взаимного понимания и взаимодействия, используется в практических целях, в различных учебных и жизненных ситуациях.

В соответствии с принципом активной коммуникативности преподавание русского языка и культуры речи, русского языка в деловой документации ориентируется на максимальное приближение содержания дисциплины к естественным ситуациям общения в устной и письменной форме в бытовой, профессиональной, научной сферах общения. Следует отметить, что профессиональная сфера является приоритетной.

За время подготовки кадров для Пенитенциарной службы Азербайджанской Республики преподавателями кафедры иностранных языков накоплен определенный опыт по обучению иностранных слушателей русскому языку как иностранному, русскому языку и культуре речи, русскому языку в деловой документации, поскольку знание этих учебных дисциплин – залог успешного обучения юридической специальности. Одна из основных проблем, стоящих перед русистами кафедры иностранных языков в области преподавания русского языка как иностранного, связана с поиском наиболее эффективных способов организации учебно-воспитательного процесса на основе индивидуализации и включения механизмов личностного развития.

В настоящее время актуальным является вопрос о кардинальном изменении педагогической парадигмы – отношений преподавателя и слушателя в учебном процессе, стиля деятельности педагога таким образом, чтобы создать ситуацию, в которой обучающийся учится сам, а преподаватель направляет его учение, то есть мотивирует, организует, координирует [1]. В связи с этим большое значение приобретает взаимодействие преподавателя и слушателя в ходе учебного процесса и вне его, в процессе организованного и управляемого обучения иностранцев русскому языку. Это взаимодействие можно назвать педагогическим общением средствами русского языка, оно характеризуется отношениями партнерства при ведущей роли преподавателя. Особое место в построении педагогического общения отводится начальному этапу обучения иностранных слушателей, который является сложным и неоднозначным периодом адаптации и социализации. К его особенностям следует отнести новую социокультурную среду, значительные психологические, эмоциональные и физические нагрузки, интенсивный характер обучения, профессиональную направленность обучения, значительную учебную занятость слушателей, координацию обучения между учебными дисциплинами [4].

Преподавание русского языка тесно связано с преподаванием общеобразовательных и специальных дисциплин, оно обеспечивается на кафедре иностранных языков, во-первых, отбором языкового материала, который был произведен с учетом будущей профессиональной деятельности, определением лексических тем в соответствии со

спецификой обучения, во-вторых, созданием учебных программ дисциплин, элементов учебно-методического комплекса, электронных учебников, учебных пособий, учитывающих специфику будущей профессиональной деятельности.

Задачи обучения иностранных слушателей речевому общению на русском языке вызвали необходимость создания соответствующих учебных материалов, в частности было подготовлено и активно используется в учебном процессе со слушателями из Азербайджана учебное пособие «Русский язык. Научный стиль речи (на материале теории государства и права)». Данное пособие соответствует принципам методики преподавания русского языка как иностранного: перевод слов на родной язык, предтекстовые упражнения, работа с текстом, посттекстовые задания, выход в коммуникацию, то есть общение на основе изучаемого текста. Пособие построено на материале текстов узкоспециального характера, актуальных для изучаемой на первом курсе дисциплины «Теория государства и права».

Формированию педагогического общения способствует учебное пособие «Культура речи сотрудника ФСИН России», рекомендованное для курсантов и слушателей образовательных организаций ФСИН России, обучающихся по юридической специальности. Навыки профессионального, социального и образовательного взаимодействия, делового общения, ведения документооборота позволяет совершенствовать учебное пособие «Русский язык в деловой документации». Материал названных учебных пособий, методика работы с ними, использование инновационных технологий способствуют развитию умений и навыков, необходимых обучающимся для профессионально ориентированной коммуникации в учебной сфере деятельности: для конспектирования текстов, слушания и записи лекций, участия в работе семинарских и практических занятий, для построения собственных монологических высказываний, для успешной сдачи экзаменов. Для обучения азербайджанских слушателей, приехавших в Академию ФСИН России без знания русского языка, издано учебное пособие «Русский язык как иностранный. Часть 1», соответствующее принципам методики преподавания русского языка как иностранного. Указанные пособия позволяют формировать навыки продуктивного общения, развивать умение аргументировать свою точку зрения, четко формулировать и ясно излагать мысли.

Вместе с тем практика работы с азербайджанскими слушателями показала, что некоторые из них за время обучения на первом курсе не приобретают достаточных навыков владения русским языком, необходимых для качественного усвоения общественных, юридических и специальных дисциплин. Одной из причин, как отмечают лингвисты, является то, что уровень знания русского языка в Азербайджане в настоящее время является наиболее низким среди всех закавказских республик. В системе образования, и прежде всего школьного, использование русского языка неуклонно сокращается. Об этом свидетельствуют следующие данные: в 1998 г. русский язык в школах Азербайджанской Республики стал изучаться как иностранный, а с 2002 г. как факультативный предмет. По мнению исследователей, русский язык распространен только среди азербайджанской элиты и считается «культовым» в Баку. Им владеют прежде всего городские жители, периодически использующие русский язык на работе, в учебе, при поездках в Россию. Большинство жителей села по-русски практически не говорят.

Русский язык, имеющий в Азербайджане официальный статус иностранного языка, активно вытесняется английским и турецким, особенно в сфере экономики, а также культуры и образования. Приоритет в практике делопроизводства отдается азербайд-

жанскому и английскому языкам. Русский язык из сферы делового общения практически вытеснен.

В Институте подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России в настоящее время обучаются слушатели в возрасте от 17 до 30 лет. Без знания русского языка прибыли в 2012 г. 3 слушателя из 15, в 2019 г. – 10 слушателей из 11. Вследствие низкого уровня лингвистической осведомленности, неумения организовать свою речевую деятельность языковыми средствами и способами, адекватными ситуациям общения, возникают большие сложности в восприятии специальных предметов большинством азербайджанских слушателей, прибывших на обучение в Академию ФСИН России. Они не понимают устные и письменные тексты по общегуманитарным и специальным дисциплинам, не умеют словесно выразить одну и ту же мысль различными способами, адекватно реагируя на действительность, не умеют понять и сказать нужные слова в определенной ситуации общения. На первом курсе они воспроизводят заученные тексты, фразы, клише, что отнюдь не свидетельствует о владении языком. Преподавателям, ведущим занятия в иностранной аудитории, приходится работать одновременно с двумя группами различного уровня подготовки: начинающими изучать русский язык и хорошо знающими разговорный русский язык, поскольку они в своей стране окончили школу с углубленным изучением русского языка или выросли в русскоязычных семьях. От преподавателя требуется особое мастерство, умение определить не только объем, степень сложности в подаче материала, но и меру помощи отдельным слушателям. Преподавателям приходится решать вопросы и языковой подготовки слушателей, и выравнивания уровня знаний иностранцев, и строгого дозирования учебного материала [2].

Необходимо также подчеркнуть, что азербайджанские слушатели требуют к себе особого внимания прежде всего потому, что, попадая в новые условия жизни, они испытывают большие трудности, сковывающие их деятельность. Определенные сложности в работе возникают из-за того, что работать приходится со взрослыми людьми, у которых свои сложившиеся взгляды на жизнь, свой менталитет, религиозные убеждения.

К эффективным методам педагогического общения и учебного сотрудничества можно отнести олимпиады, конференции, деловые и ролевые игры, активную консультацию, анализ ситуаций, имитационные упражнения, экскурсии, литературно-музыкальные композиции, дискуссии, фестивали. Названные формы обучения служат основой развития навыков иноязычного общения и способствуют формированию коммуникативной и социокультурной компетенции слушателей, совершенствованию речемыслительных механизмов, навыков межличностного взаимодействия и общения [3].

Эффективность общения и учебного сотрудничества с иностранными слушателями зависит от того, насколько успешно они адаптируются к образовательному пространству, к новой социокультурной среде. Для ускорения процесса адаптации к вузу, неродной стране, социализации в ней мы используем следующие приемы:

- знакомство со страной обучения, ее культурой, историей, менталитетом, обществом, с особенностями обучения в вузе и получения образования в Академии ФСИН России;
- создание психолого-педагогических условий для академической адаптации;
- формирование умения вести себя в различных ситуациях межкультурного общения и взаимодействия;
- повышение степени комфортности каждого слушателя в условиях обучения в неродной стране.

При этом важную роль в формировании межкультурной компетенции играют различные формы внеаудиторной работы с иностранными слушателями.

Проблема адаптации слушателей Азербайджана к иноязычной социокультурной среде активно обсуждается в академии. Преподаватели проводят большую работу в форме индивидуальных и групповых бесед, экскурсий. Беседы направлены на знакомство слушателей со структурой, историей, традициями Академии ФСИН России, правилами поведения в общежитии. Кроме того, преподаватели организуют экскурсии в Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник (Кремль), Музей К. Э. Циолковского в селе Ижевском, Окский государственный природный биосферный заповедник в поселке Брыкин Бор, Государственный музей-заповедник С. А. Есенина в селе Константиново, музей И. И. Срезневского в Рязанском государственном университете имени С. А. Есенина. Слушатели, приехавшие в академию со знанием русского языка и совершенствующие его в процессе обучения, участвуют в олимпиадах по русскому языку и культуре речи в Рязанском государственном университете имени С. А. Есенина, Рязанском высшем воздушно-десантном командном училище имени генерала армии В. Ф. Маргелова. Во всех олимпиадах наши азербайджанские слушатели занимали призовые места.

Формирование общекультурных компетенций предполагает повышение общего культурного уровня, развитие интереса к стране изучаемого языка. В процессе общения с преподавателем во многом формируются моральные, волевые, мировоззренческие качества обучающихся. Мысль о том, что обучение без духовного воспитания есть средство без цели и что лишь воспитывающее воздействие во время учебного процесса может привести к положительным изменениям в личности обучающегося, безусловно, справедлива.

Необходимо отметить, что занятия по русскому языку как иностранному имеют специфическую особенность. На занятиях обучение иноязычному общению проводится на изучаемом языке, и русский язык является средством и целью обучения. При этом к речи русиста предъявляется ряд психолого-педагогических и методических требований: действовать с позиций национально-культурной специфики речевого общения, свободно владеть языком в пределах учебных программ, уметь адаптировать свою речь применительно к возрастным и индивидуальным возможностям обучающихся, изменять темп речи в зависимости от условий, целей, задач и этапов обучения. Безусловно, на первом курсе азербайджанским слушателям нельзя читать лекции так же, как в русской аудитории, необходимо изменять темп речи при аудировании текстов, адаптировать содержательный материал, сложные речевые конструкции заменять на простые.

Преподавание в иностранной среде предполагает прежде всего педагогическое сотрудничество, которое предъявляет повышенные требования к профессиональной подготовке преподавателя, его личности. Для преподавателя характерными чертами должны быть эмоциональность, инициативность, артистизм, целеустремленность и, конечно, профессионализм. Профессиональная компетенция преподавателя помогает формировать высокоуровневую мотивацию обучающихся, влияет на качество педагогического общения. Проявление интереса, например, к достопримечательностям Азербайджана, его культуре, традициям, пенитенциарной системе создает положительный настрой в общении с обучающимися. Очень приветствуется, когда преподаватель использует азербайджанские слова для перевода сложных понятий.

Умения речевого педагогического общения являются наиболее значимыми для профессиональной деятельности преподавателя-русиста и включают в себя достаточный для обучения словарный запас, навыки культуры и техники речи, ее содержательность,

умение убеждать, требовательность, чувство меры в поведении, тактичность, строгий контроль за выполнением домашних заданий, чистотой речи. Контроль предполагает умение выявлять и своевременно предупреждать, тактично корректировать ошибки и неточности в письменной и устной речи слушателей, при чтении, аудировании и письме.

Педагогическое общение в иноязычной среде – это такое общение преподавателя с иностранными студентами, которое обеспечивает благоприятный социально-психологический климат обучения, создает наилучшие условия для развития мотивации слушателей в начальный период их адаптации к новой социокультурной среде, обеспечивает управление социально-психологическими процессами в учебных группах, позволяет в максимальной степени использовать в учебном процессе личностные особенности преподавателя высшей школы.

В заключение отметим, что педагогическое общение как форма учебного сотрудничества позволяет активизировать учебный процесс, побудить обучающихся к творческому участию в нем, обеспечить развитие и саморазвитие личности на основе выявления его индивидуальных особенностей и способностей. Педагогическое общение позволяет развивать мышление обучающихся, способствует вовлечению их в решение проблем, максимально приближенных к профессиональным, расширяет и углубляет профессиональные знания и одновременно развивает практические навыки и умения.

Библиографический список

1. Инновационные методы обучения в высшей школе : сб. ст. по итогам метод. конф. ННГУ (Н. Новгород, 10–12 февр. 2016 г.) : Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, 2016. Вып. 2016. 228 с.
2. Филимонова Н. Ю., Годенко А. Е. Проблемы воспитания иностранных студентов как проблемы саморазвития личности // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. Сер. Международная деятельность вузов. 2005. № 94(12). С. 51–60.
3. Алтухова О. Н., Игнатенко О. П., Самохина О. В. Преподавание русского языка как иностранного в условиях внеязыковой среды (из опыта работы в Малайзии) // *Paradigmata roznaní*. 2016. № 2. С. 54–56.
4. Маркова А. К. Психология труда учителя : книга для учителя. М. : Просвещение, 1993. 192 с.

УДК 159.9:343.847

DOI 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).1.120-127

ТАТЬЯНА ПЕТРОВНА СКРИПКИНА,

доктор психологических наук, профессор,
заведующая кафедрой социальной психологии,
Российский государственный гуманитарный университет,
Институт психологии имени Л. С. Выготского,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: skripkinaurao@mail.ru;

ОЛЕСЯ ВЯЧЕСЛАВОВНА ВОЛОТКЕВИЧ,

адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: ovolotkevich@bk.ru

ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ АНТИЦИПАЦИОННЫХ СПОСОБНОСТЕЙ У НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ БЕЗ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Для цитирования

Скрипкина, Т. П. Эмпирическое исследование антиципационных способностей у несовершеннолетних осужденных без лишения свободы / Т. П. Скрипкина, О. В. Волоткевич // Человек: преступление и наказание. – 2020. – Т. 28(1–4), № 1. – С. 120–127. – DOI : 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).1.120-127.

Аннотация. В статье описываются результаты изучения антиципационных способностей несовершеннолетних осужденных без лишения свободы. При помощи ряда методик было проведено комплексное обследование репрезентативной выборки несовершеннолетних осужденных без лишения свободы и выявлены индивидуально-психологические особенности личности. По результатам проведенного исследования делается вывод о том, что у респондентов со сформированной антиципационной состоятельностью все три ее компонента (личностно-ситуативный, пространственный и временной) развиты лучше, чем у несовершеннолетних осужденных без лишения свободы с несформированной антиципационной состоятельностью, два из которых (личностно-ситуативный и временной) – на высоком уровне статистической значимости и один (пространственный) – на уровне тенденции. Кроме того, респонденты с развитой антиципационной состоятельностью более ориентированы на будущее и способны к целеполаганию, чем те, у кого прогностические способности развиты хуже.

© Скрипкина Т. П., Волоткевич О. В., 2020

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Ключевые слова: антиципационные способности, антиципационная состоятельность, прогнозирование, несовершеннолетние осужденные.

Эмпирическое исследование проводилось на базе УИИ УФСИН России по Белгородской, Вологодской, Курской, Липецкой, Московской, Пермской, Рязанской, Тверской и Тульской областям.

В обследовании приняли участие 500 респондентов в возрасте от 14 до 17 лет, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях.

Для нашего психологического тестирования несовершеннолетних осужденных без лишения свободы применены следующие психодиагностические методики.

1. Для определения степени сформированности антиципационной состоятельности: – тест антиципационной состоятельности (прогностической компетентности), разработанный В. Д. Менделевичем, представляющий собой опросник, состоящий из 81 утверждения [1];

– опросник оценки способности к прогнозированию Л. А. Регуш, состоящий из 20 пар противоположных высказываний [2].

2. Для определения степени сформированности ценностно-смысловых аспектов был применен тест «Смыслжизненные ориентации» («СЖО») Д. А. Леонтьева, позволяющий оценить источник смысла жизни, который может быть найден человеком либо в будущем (цели), либо в настоящем (процесс) или прошлом (результат), либо во всех трех составляющих жизни. Тест «СЖО» содержит 20 пар противоположных утверждений, отражающих представление о факторах осмысленности жизни личности [3].

3. Личностные особенности респондентов исследовались с применением методики многофакторного исследования личности (16-PF), разработанной Р. Кеттеллом. Нами была использована форма С, созданная в 1956–1957 гг. Она включает в себя 105 вопросов [4].

Статистический и математический анализ полученных данных проводился при помощи компьютерных программ Microsoft Office Excel и SPSS 20.0 for Windows – Statistical Package for the Social Science (статистический пакет для социальных наук).

Для проверки нормальности распределения данных был применен одновыборочный статистический критерий нормальности распределения данных Колмогорова – Смирнова; для выявления статистически значимых связей между ценностно-смысловыми компонентами и личностными особенностями респондентов с различной степенью сформированности антиципационной компетентности использовался коэффициент корреляции К. Пирсона.

Первый этап анализа полученных данных заключался в проверке нормальности распределения выборки при помощи одновыборочного критерия Колмогорова – Смирнова [5].

Результаты проведенного статистического анализа приведены в таблице 1, из которой следует, что распределение выборки значительно отличается от нормального. Об этом свидетельствует тот факт, что величина вероятности принадлежности выборки к генеральной совокупности с нормальным распределением ничтожно мала (по 13 шкалам $p \leq 0,05$). Таким образом, можно сделать вывод о том, что для сравнения средних показателей адекватным будет применение непараметрических критериев U-Манна-Уитни и Уилкоксона.

Таблица 1

**Проверка нормальности распределения выборки
 (одновыборочный критерий Колмогорова – Смирнова)**

Шкалы тестов	Уровень значимости	Шкалы тестов	Уровень значимости
Временная АС (т. Менделевича)*	0,024	Шкала N (т. Кеттелла)**	0,001
Результат (т. СЖО)*	0,043	Шкала Q1 (т. Кеттелла)*	0,019
Шкала В (т. Кеттелла)*	0,016	Способность к прогнозированию (т. Регуш)**	0,009
Шкала С (т. Кеттелла)*	0,013	Риск (т. Регуш)**	0,000
Шкала Е (т. Кеттелла)**	0,006		
Шкала I (т. Кеттелла)*	0,037		
Шкала М (т. Кеттелла)*	0,015		

* – вероятность принадлежности к генеральной выборке значима на уровне 0,05;

** – вероятность принадлежности к генеральной выборке значима на уровне 0,01.

Следующий этап обработки и интерпретации полученных данных заключался в описании усредненных прогностических способностей, личностных и мотивационно-смысловых особенностей респондентов (288 чел.), у которых, согласно результатам теста антиципационной состоятельности В. Д. Менделевича, сформированы прогностические способности, о чем свидетельствует тот факт, что показатель по шкале «Общая антиципационная состоятельность» превышает границу нормы (241 балл) и составляет 255,4 балла (63 %). При этом, согласно результатам теста «Способность к прогнозированию» Л. А. Регуш, у этой группы респондентов усредненный показатель по шкале «Способность к прогнозированию» находится несколько ниже границы средней нормы и составляет 7,07 балла (43,75 %), а склонность к риску – 3,87 балла (50 %) (рис. 1).

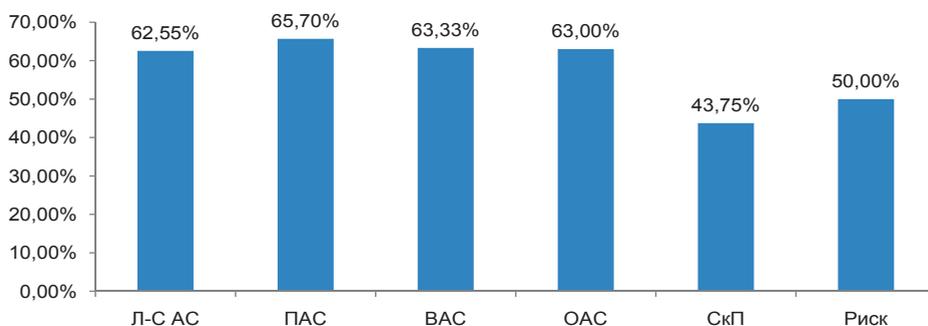

Рис. 1. Прогностические способности несовершеннолетних осужденных без лишения свободы со сформированной антиципационной состоятельностью (тесты В. Д. Менделевича и Л. А. Регуш)

На рисунке 1 видно, что у респондентов, отнесенных к данной части выборки, наиболее выражены способности к предвосхищению движения предметов в пространстве, координация собственных движений и моторная ловкость [пространственная составляющая антиципационной состоятельности – 46,27 балла – (62,55 %)], на втором месте – хроноритмологические особенности, отражающие способности к прогнозированию

течения и точному распределению времени [временная составляющая антиципационной состоятельности – 37,6 балла (63,33 %)], на третьем – способность к прогнозированию жизненных событий и ситуаций, коммуникативные способности [личностно-ситуативная составляющая антиципационной состоятельности – 171,53 балла (62,55 %)]. При этом границу нормы (166 баллов) превышает только показатель по шкале личностно-ситуативной прогностической компетентности, показатели же по шкалам пространственной и временной прогностической компетентности оказались ниже границ нормы – 52 и 42 балла соответственно. Таким образом, сформированность антиципационной состоятельности достигается в этой группе за счет ее личностно-ситуативной составляющей.

Согласно результатам 16-факторного теста Р. Кеттелла «PF-16» (форма С), представленным на рисунке 2, в усредненном личностном профиле, полученном при тестировании несовершеннолетних осужденных без лишения свободы, у которых выявлена сформированность антиципационной состоятельности, все факторы в основном находятся в рамках средней нормы. Однако выделяются три пиковые шкалы, отражающие результаты, полученные по факторам Н (робость – смелость), Q2 (конформизм – нонконформизм) и Q3 (низкий самоконтроль – высокий самоконтроль), и две шкалы с низкими показателями: по фактору I (жестокость – чувствительность) и по фактору Q1 (консерватизм – радикализм).

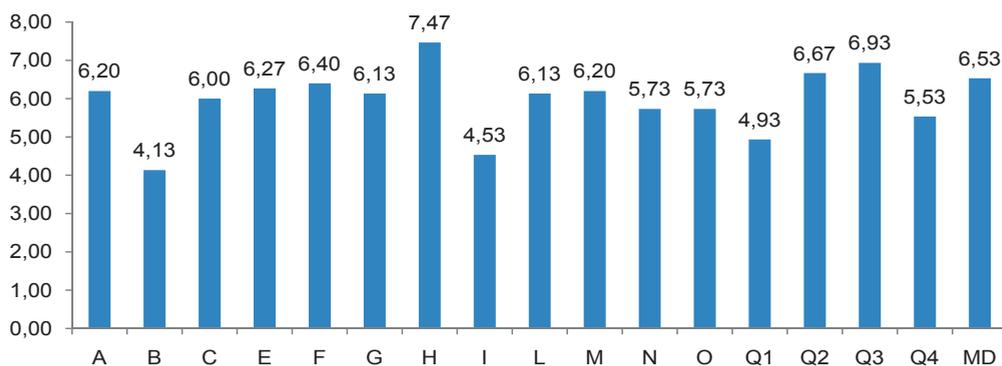

Рис. 2. Личностные особенности несовершеннолетних осужденных без лишения свободы со сформированной антиципационной состоятельностью (тест Р. Кеттелла)

Таким образом, мы можем констатировать у несовершеннолетних осужденных без лишения свободы со сформированной антиципационной состоятельностью наличие таких личностных тенденций, как социальная смелость, спонтанность, способность к самостоятельному принятию решений, предприимчивость, контролируемость, социальная точность, высокая интегрированность Я-образа, сила, независимость, привычка полагаться на себя, реалистичность, нетерпимость к бессмысленности, консервативность, уважение традиций и принципов, готовность ради их соблюдения терпеть трудности.

Результаты, полученные при количественной обработке теста «СЖО», представленные на рисунке 3, свидетельствуют о том, что общая осмысленность жизни, как и все составляющие этого интегрального показателя, превышают 50 % от максимально возможных значений шкал. В среднем у данной группы респондентов отмечается преобладание позитивного отношения к своему прошлому, положительная оценка уже прой-

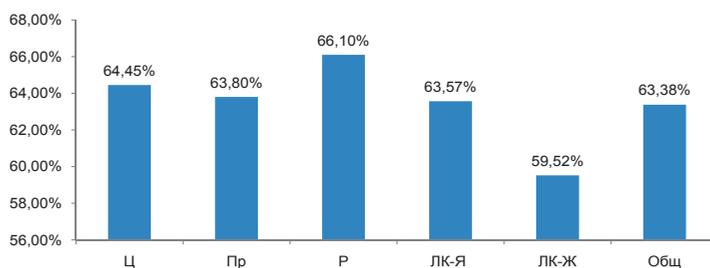

Рис. 3. Особенности ценностно-смысловой сферы несовершеннолетних осужденных без лишения свободы со сформированной антиципационной состоятельностью (тест «Смысложизненные ориентации» Д. А. Леонтьева)

денного отрезка жизни, о чем свидетельствует пиковый показатель графика по шкале «Результативность жизни» (66,10 % – 23,13 балла из 35 возможных). При этом показатель по шкале «Локус контроля – Жизнь» расположен на графике ниже остальных, несмотря на то что его значение также оценивается как «выше среднего» (59,52 % – 25 баллов из 42 возможных). Такие результаты могут быть свидетельством недостаточной уверенности респондентов, составивших эту часть выборки, в том, что человеку дано самому контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и воплощать их в жизнь.

Учитывая описанные выше показатели по тесту «СЖО», мы можем говорить о том, что для группы респондентов со сформированной антиципационной состоятельностью характерны позитивное отношение к своему прошлому и положительная оценка результативности прожитой части своей жизни при недостаточной уверенности в контролируемости собственной жизни, а также в возможности принятия и реализации самостоятельных решений.

Был выявлен ряд статистически достоверных взаимосвязей между прогностическими способностями, диагностируемыми при помощи двух методик: В. Д. Менделевича и Л. А. Регуш, и психологическими особенностями несовершеннолетних осужденных без лишения свободы со сформированной антиципационной компетентностью, а именно – их личностными особенностями, выявляемыми при помощи теста Р. Кеттелла, и ценностно-смысловыми аспектами, диагностируемыми при помощи методики «СЖО» Д. А. Леонтьева. Были проанализированы также выявленные статистически достоверные связи между личностными особенностями респондентов и аспектами их ценностно-смысловой сферы. Результаты корреляционного анализа с применением коэффициента корреляции г-Пирсона представлены в таблице 2.

Таблица 2

Результаты корреляционного анализа данных респондентов со сформированной антиципационной компетентностью

Показатели	Коэф. корреляции	Уровень знач.
1	2	3
Связи прогностических способностей с личностными особенностями		
Пространственная АС (т. Менделевича) и фактор L (т. Кеттелла)	-0,561*	0,030
Временная АС (т. Менделевича) и фактор Q ₄ (т. Кеттелла)	0,542*	0,037

Окончание таблицы 2

1	2	3
Личностно-ситуативная АС (т. Менделевича) и фактор F (т. Кеттелла)	0,563*	0,029
Связи ценностно-смысловых аспектов с личностными особенностями		
Процесс (т. «СЖО») и фактор В (т. Кеттелла)	0,533*	0,041
Процесс (т. «СЖО») и фактор С (т. Кеттелла)	0,693**	0,004
Процесс (т. «СЖО») и фактор L (т. Кеттелла)	-0,589*	0,021
Локус контроля-Жизнь (т. «СЖО») и фактор G (т. Кеттелла)	0,608*	0,016
Локус контроля – Жизнь (т. «СЖО») и фактор Q ₁ (т. Кеттелла)	0,594*	0,020
Локус контроля – Жизнь (т. «СЖО») и фактор Q ₂ (т. Кеттелла)	-0,523*	0,046
Локус контроля – Я (т. «СЖО») и фактор G (т. Кеттелла)	0,548*	0,034
Локус контроля – Я (т. «СЖО») и фактор I (т. Кеттелла)	0,533*	0,041
Осмысленность жизни (т. «СЖО») и фактор С (т. Кеттелла)	0,559*	0,030
Осмысленность жизни (т. «СЖО») и фактор G (т. Кеттелла)	0,568*	0,027
Цель (т. «СЖО») и фактор G (т. Кеттелла)	0,572	0,026

* – корреляционная связь значима на уровне 0,05;

** – корреляционная связь значима на уровне 0,01.

Выявлены статистически достоверные прямые корреляционные связи между временной составляющей антиципационной состоятельности (тест Менделевича) и фактором Q4 «расслабленность – напряженность» (тест Кеттелла), а также между личностно-ситуативной составляющей антиципационной состоятельности (тест Менделевича) и фактором F «сдержанность – экспрессивность» (тест Кеттелла) и обратная корреляционная связь между пространственной составляющей антиципационной компетентности и фактором L «доверчивость – подозрительность» (тест Кеттелла). Следовательно, чем точнее эти респонденты способны планировать свое время и прогнозировать возникновение различных (в том числе стрессовых) ситуаций, тем они более напряжены; чем лучше у них сформирована способность к предвидению конфликтных ситуаций в отношениях и способов реагирования окружающих на их поведение, тем они более экспрессивны в своих эмоциональных проявлениях; чем более точно они способны координировать и планировать свои движения, чем лучше развита у них двигательная ловкость, тем более они открыты и доверчивы.

Выявленные статистически достоверные взаимосвязи между ценностно-смысловыми аспектами и личностными особенностями респондентов позволяют сделать следующие выводы.

Чем более развиты у респондентов абстрактное мышление, оперативность, сообразительность, чем более они обучаемы, эмоционально устойчивы и устойчивы в интересах, чем более они работоспособны и ориентированы на реальность, чем более они открыты и уживчивы с окружающими, тем более интересным, эмоционально насыщенным и наполненным смыслом им представляется сам процесс их жизни. Об этом свидетельствует наличие прямых корреляционных связей между показателями по шкале «Процесс жизни» (тест «СЖО») и показателями по факторам В «интеллект» и С «эмоциональная стабильность – эмоциональная нестабильность» (тест Кеттелла), а также обратной корреляционной связи значения указанной шкалы теста «СЖО» с показателем по фактору L «доверчивость – подозрительность» (тест Кеттелла).

Чем более респонденты нормативны в своем поведении, социальны, добросовестны, ответственны, стабильны и аналитичны, тем больше они убеждены в том, что

человеку дано контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и воплощать их в жизнь. Такое заключение можно сделать на основе наличия прямых корреляционных связей между показателями по шкале «Локус контроля – Жизнь» (тест «СЖО») и показателями по факторам G «низкая нормативность поведения – высокая нормативность поведения» и Q1 «консерватизм – радикализм» (тест Кеттелла), а также обратной корреляционной связи значения названной шкалы теста «СЖО» с показателем по фактору Q2 «конформизм – нонконформизм» (тест Кеттелла).

Чем более социально нормативно поведение этих респондентов, чем более они эмоциональны и эмпатичны, тем отчетливее они чувствуют себя сильной личностью, обладающей достаточной свободой выбора для того, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями и представлениями о смысле, о чем свидетельствуют выявленные прямые корреляционные связи между показателем по шкале «Локус контроля-Я» (тест СЖО) и показателями по факторам G «низкая нормативность поведения – высокая нормативность поведения» и I «жесткость – чувствительность» (тест Кеттелла).

Чем более нормативно поведение этих респондентов и чем более они эмоционально стабильны, тем выше общая осмысленность их жизни, что подтверждается выявленными прямыми корреляционными связями между показателем по интегральной шкале «Осмысленность жизни» (тест СЖО») и показателями по факторам C «эмоциональная стабильность – эмоциональная нестабильность» и G «низкая нормативность поведения – высокая нормативность поведения» (тест Кеттелла). С нормативностью их поведения напрямую связаны также осмысленность жизни, ее направленность и целеполагание, о чем свидетельствует выявленная прямая корреляционная связь между показателем по шкале «Цели» (тест СЖО») и показателем по фактору G «низкая нормативность поведения – высокая нормативность поведения» (тест Кеттелла).

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что у несовершеннолетних осужденных без лишения свободы с относительно сформированной антиципационной компетентностью отмечаются такие личностные тенденции, как социальная смелость, спонтанность, способность к самостоятельному принятию решений, предприимчивость, контролируемость, социальная точность и высокая интегрированность Я-образа, сила, независимость, привычка полагаться на себя, реалистичность, нетерпимость к бессмысленности, консервативность, уважение традиций и принципов. У этих респондентов отмечаются отсутствие удовлетворенности своей жизнью в настоящем, низкая способность предвидеть и взвешивать последствия своих действий в будущем. Сформированность их антиципационной состоятельности достигается за счет ее личностно-ситуативной составляющей.

В структуре личности этих респондентов выявлены следующие статистически достоверные взаимозависимости:

- чем точнее они способны планировать свое время и прогнозировать возникновение различных (в том числе стрессовых) ситуаций, тем более они напряжены;
- чем лучше у них сформирована способность к предвидению конфликтных ситуаций в отношениях и способов реагирования окружающих на их поведение, тем более они экспрессивны в своих эмоциональных проявлениях;
- чем более точно они способны координировать и планировать свои движения, чем лучше развита у них двигательная ловкость, тем более они открыты и доверчивы;
- чем более развито у них абстрактное мышление, оперативность, сообразительность, чем более они обучаемы, эмоционально устойчивы и устойчивы в интересах, работоспособны, ориентированы на реальность, открыты и уживчивы с окружающими,

тем более интересным, эмоционально насыщенным и наполненным смыслом им представляется сам процесс их жизни;

– чем более они нормативны в своем поведении, социабельны, добросовестны, ответственные, стабильны и аналитичны, тем больше они убеждены в том, что человеку дано контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и воплощать их в жизнь;

– чем более нормативно поведение этих респондентов, чем более они эмоциональны и эмпатичны, тем отчетливее они чувствуют наличие у себя достаточной свободы выбора для того, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями и представлениями о смысле;

– чем более нормативно их поведение и чем более они эмоционально стабильны, тем выше общая осмысленность их жизни, с нормативностью их поведения напрямую связаны также осмысленность жизни, ее направленность, адекватное оценивание временной перспективы и целеполагание.

Таким образом, у респондентов со сформированной антиципационной состоятельностью все три ее компонента (личностно-ситуативный, пространственный и временной) развиты лучше, чем у несовершеннолетних осужденных без лишения свободы с несформированной антиципационной состоятельностью, два из которых (личностно-ситуативный и временной) – на высоком уровне статистической значимости, один (пространственный) – на уровне тенденции. Кроме того, респонденты с развитой антиципационной состоятельностью более ориентированы на будущее и способны к целеполаганию, чем те, у кого прогностические способности развиты хуже, о чем свидетельствуют выявленные различия на высоком уровне статистической значимости.

Библиографический список

1. Менделевич В. Д. Антиципационные механизмы неврозогенеза. М. : Городец, 2018. 448 с.
2. Регуш Л. А. Психология прогнозирования: успехи в познании будущего. СПб. : Речь, 2003. 352 с.
3. Леонтьев Д. А., Калашников М. О., Калашникова О. Э. Факторная структура теста смысложизненных ориентаций // Психологический журнал. 1993. Т. 14, № 1. С. 150–155.
4. Капустина А. Н. Многофакторная личностная методика Р. Кеттелла. СПб. : Речь, 2001. 112 с.
5. Наследов А. Д. IBM SPSS Statistics 20 и AMOS: профессиональный статистический анализ данных. СПб. : Питер, 2013. 416 с.

УДК 351.74

DOI 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).1.128-132

ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ФОМИН,
кандидат юридических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник
научно-исследовательского отдела научного центра,
Академия ФСИН России,
г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: editor62@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Для цитирования

Фомин, В. В. К вопросу о профессиональной компетенции сотрудников правоохранительных органов / В. В. Фомин // Человек: преступление и наказание. – 2020. – Т. 28(1–4), № 1. – С. 128-132. – DOI : 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).1.128-132.

Аннотация. В настоящее время в оценке работы правоохранительных органов на передний план выдвигается проблема профессиональной компетенции и надежности сотрудников. Главными задачами являются профессиональный отбор, подготовка, воспитание и обучение специалистов высокого уровня, способных разрешать весь комплекс проблем, которые стоят перед работниками правоохранительной системы. Немаловажное значение имеет психологическая подготовленность сотрудников правоохранительных органов, которая существенно повышает их профессиональное мастерство. Содержание психологической подготовки должно характеризоваться четко выраженной профессиональной направленностью, что будет способствовать росту профессионально-психологического потенциала сотрудника правоохранительных органов. В статье рассматриваются особенности профессионального становления сотрудников правоохранительных органов, их профессиональной компетенции и правовой культуры, эмоционально-волевая устойчивость сотрудника, а также некоторые аспекты профессионально-психологического отбора кандидатов на службу в учреждениях (органах) уголовно-исполнительной системы. Подчеркивается важность поэтапного формирования основных профессиональных компетенций, которые составляют основу готовности к выполнению задач в правоохранительной деятельности.

Ключевые слова: подготовленность сотрудника, профессиональная компетентность, правовая культура, эмоционально-волевая устойчивость, испытательный срок кандидата на службу.

© Фомин В. В., 2020

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

В настоящее время вопросам совершенствования профессиональной подготовки сотрудников правоохранительной деятельности, в частности их профессиональной компетентности и профессиональной культуры, уделяется большое внимание.

Подготовленность сотрудника правоохранительных органов, которая формируется в процессе обучения в учебных заведениях, в ходе служебной подготовки, переподготовки, повышения квалификации и самообразования, влияет на становление специалиста, способного эффективно решать профессиональные задачи в сложной оперативной обстановке.

В профессиональной деятельности сотрудника важнейшее место занимает профессиональная компетентность, то есть степень сформированности системы знаний, умений, способностей, инициативы личности, необходимых для эффективного выполнения конкретной деятельности. Быть компетентным – значит быть уверенным в себе, в своих силах, уметь самостоятельно обучаться. Необходимы регулярный самоконтроль и самостоятельность в мышлении, оригинальность мышления, настойчивость, умение принимать нестандартные решения, понимание профессиональной ответственности.

Можно выделить следующие виды профессиональной компетентности сотрудников правоохранительных органов:

- специальная – владение профессиональной деятельностью на высоком уровне, совершенствование своего дальнейшего профессионального развития. Сформированность профессиональной деятельности сотрудника определяется совокупностью профессиональных знаний, умений и навыков, которыми он должен владеть;

- социальная – владение совместной профессиональной деятельностью и приемами профессионального обучения, принятыми в данной профессии. Социальная компетентность сотрудника предполагает принятие им социальной ответственности за результаты своего профессионального труда;

- личностная – владение приемами личностного самовыражения, саморазвития, а также средствами противостояния профессиональной деформации личности;

- индивидуальная – владение приемами развития индивидуальности в рамках профессии, готовность к профессиональному росту. Индивидуальная компетентность сотрудника предполагает индивидуальное самосохранение, умение организовать свой труд рационально, без перегрузок времени и сил и без лишней утомляемости.

В процессе формирования и совершенствования профессиональной компетентности сотрудников правоохранительных органов необходимо стремиться к овладению системой коммуникативных умений и навыков. На уровне умений – наблюдать и оценивать собеседника и ориентироваться в ситуации общения. В процессе ведения диалога – дискуссировать, оказывать убеждающее воздействие, устанавливать психологический контакт с различными категориями собеседников, создавать неформальную или деловую обстановку в процессе общения. Важно уметь в общении устанавливать и поддерживать доверительные отношения, управлять инициативой и дистанцией, знать, как урегулировать психологические состояния собеседников, контролировать эмоции партнеров по общению и, самое важное, управлять собственным состоянием.

Эмоционально-волевая устойчивость сотрудника представляет собой способность сохранять в сложных условиях профессиональной деятельности оптимальное психическое состояние, которое проявляется:

- в отсутствии у сотрудника, находящегося в экстремальных условиях, психических реакций, снижающих эффективность профессиональных действий, таких как ошибки, неточности, промахи и т. д.;

- готовности безукоризненно действовать в психологически сложных условиях;
- умении сохранять профессиональную бдительность, настороженность и внимание к риску, опасности, неожиданностям;
- умении владеть собой в психологически напряженных, конфликтных и провоцирующих ситуациях и др.

Высокой степенью совершенства, достигнутой сотрудниками в их профессиональной деятельности на основе глубокого знания и точного исполнения закона и норм нравственности, является правовая культура, которая выполняет ряд взаимосвязанных функций. Одна из них – познавательная-преобразовательная, которая связана с созданием правовых и нравственных гарантий таких общечеловеческих ценностей, как честность и порядочность, доброта и милосердие, моральный самоконтроль и совесть, человеческое достоинство и свобода выбора. Вот почему весьма популярно мнение о неразрывности права и морали, требований нравственности и правовой культуры в целом.

Итогом успешного взаимодействия указанных факторов является формирование профессионально подготовленного сотрудника правоохранительных органов.

Неотъемлемым элементом профессионализма сотрудников выступает профессионально-этическая состоятельность как результат гармоничного сочетания высоко развитого мышления, знаний, чувств, творческой деятельности, поведенческой и духовно-нравственной культуры. Такие качества, как бескорыстность, честность, порядочность, дисциплинированность, ответственность, выдержанность, определяют высокий морально-этический уровень сотрудника, а смелость, решительность, работоспособность, энергичность, настойчивость в достижении цели, физическая выносливость и способность к самоконтролю присущи сотрудникам, обладающим нервно-психологической выносливостью.

Сфера деятельности сотрудников правоохранительных органов практически полностью исключает использование готовых алгоритмов для решения круга профессиональных компетенций, развития творческого потенциала, созидательных способностей и иных компонентов. Одним из важнейших критериев профессионализма сотрудника выступает его способность и готовность к решению сложных проблем в условиях постоянной неопределенности, трансформации общественной жизни и технологической среды.

Происходящие в обществе изменения требуют адекватных мер по оптимизации профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов, качественного совершенствования процесса их профессионального обучения и воспитания, что свидетельствует о необходимости теоретического анализа, обобщения научных подходов к проблеме формирования профессионализма сотрудников правоохранительных органов.

В современных условиях оценка эффективности деятельности сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы приобретает первостепенное значение. Она необходима для принятия объективных кадровых и управленческих решений, понимания перспектив развития персонала УИС, формирования кадрового резерва, осуществления ротации кадров при приеме на службу, проведении аттестации, при направлении сотрудников на обучение и повышение квалификации, назначении на должность и др.

В теории и практике управления персоналом сложилось устоявшееся определение понятия деловой оценки персонала, под которой понимают кадровую процедуру, проводимую с целью выявления степени соответствия личных качеств работника, количественных и качественных результатов его деятельности определенным требованиям. Работа в учреждениях УИС требует уникальной комбинации личных качеств и профессионального мастерства сотрудников.

Изучение кандидата для поступления на службу в УИС осуществляется на следующих этапах:

- предварительное изучение профессиональной и психологической пригодности;
- медицинское и психофизическое обследование;
- проверка физической подготовленности кандидата и его социально-правовое изучение по оперативным учетам;
- прохождение испытательного срока в качестве стажера по предлагаемой должности.

На сегодняшний день в учреждениях УИС сложилась целостная система профессионально-психологического отбора кандидатов на службу, в процессе которой определяется пригодность человека к службе в УИС. В данном случае решаются две основные задачи:

- определение требований, предъявляемых к человеку той или иной профессией;
- оценка наличия у конкретного человека индивидуально-психологических качеств, позволяющих ему успешно осваивать и осуществлять данную деятельность.

Как инструмент профессионального отбора и профессиональной адаптации широко применяется испытательный срок, который является наиболее важной формой оценки кандидата на службу в УИС, причем очень эффективной, так как сотрудник проявляет себя в реальной практической деятельности и в реальном коллективе, показывая свои личностные и деловые качества для службы в УИС.

При изучении профессиональной компетенции молодого сотрудника речь идет не только о конкретных знаниях, умениях и навыках, полученных при обучении в учебном заведении или при работе в других организациях, но и о способности применять их на службе в УИС.

Изучение деловых качеств молодого сотрудника является условием реализации профессиональных знаний, умений и навыков. Испытательный срок предоставляет возможность для выявления наличия у молодого сотрудника качеств, которые позволяют ему обращаться гуманно, справедливо и беспристрастно с лицами, содержащимися в учреждениях УИС, вести себя и выполнять свои обязанности так, чтобы служить примером для осужденных и завоевывать их уважение. Таким образом, испытательный срок – важный источник информации о кандидатах для службы в учреждениях (органах) уголовно-исполнительной системы.

Наряду с изучением лица, назначаемого на должность, его непосредственный начальник совместно с закрепленным наставником, психологом и сотрудниками кадрового аппарата учреждения УИС обеспечивают прохождение молодым сотрудником специального первоначального обучения, оказывают ему помощь в приобретении знаний и умений, необходимых для качественного исполнения должностных обязанностей, создают благоприятные условия для адаптации к новой должности, к специфическим условиям правоохранительной службы в учреждениях УИС, к новому социальному окружению.

В настоящее время необходимо говорить не только о требованиях профессии к человеку, но и о требованиях человека к профессиональной деятельности.

Служба должна: способствовать развитию личности, стимулируя скрытые возможности и расширяя компетенцию, поскольку личность сотрудника правоохранительных органов в значительной степени развивается в контексте его профессиональной деятельности; должна соответствовать потребностям и квалификации сотрудника; допускать индивидуальное или коллективное влияние на условия труда и профессиональные системы. Служба не должна наносить ущерба социальному статусу сотрудника; быть разрушительной для психического и физического здоровья сотрудника правоохранительных органов.

Существует положительная связь между сложностью профессиональных задач, широтой спектра действий в служебной ситуации, с одной стороны, и психическим здоровьем, уверенностью в себе, моральным сознанием, гибкостью интеллекта, социальной компетентностью, внутренним контролем и творческим подходом к делу, с другой стороны.

Профессиональную компетентность сотрудников правоохранительных органов необходимо определить как развивающийся потенциал высокообразованного специалиста, включающий в себя мотивацию развития профессионализма деятельности, а именно совершенствование профессиональных навыков и умений; освоение новых способов принятия эффективных решений.

Процесс формирования профессионализма сотрудников правоохранительных органов следует рассматривать сквозь призму неразрывного образования, что открывает неограниченные возможности для приобретения новых знаний, умений, навыков и компетенций, самообразования и саморазвития.

Сущность и традиции развития профессионализма в деятельности сотрудников правоохранительных органов определяются множеством факторов юридического, экономического, психологического, педагогического, этического и иного характера. Однако становление профессионала невозможно без соответствующих способностей, желаний и характера, готовности к постоянному учению и стремления к совершенствованию своего мастерства.

Итак, анализ профессиональной компетентности позволяет выделить в ней нравственную основу поведения сотрудника правоохранительных органов. Большое значение имеет личностный потенциал сотрудника в морально-психологическом аспекте, в частности, такие качества, как дисциплинированность, моральная устойчивость, чувство долга, мужество, ответственность, принципиальность, справедливость, тактичность, честность, порядочность, трудолюбие, сочувствие, самообладание, доброжелательность.

Как правило, профессиональная компетентность сотрудников правоохранительных органов рассматривается как комплекс личностных свойств и профессиональных качеств.

Библиографический список

1. Психология управления : учебник / под ред. В. И. Черненилова. М. : Академия управления МВД России, 2011. 350 с.
2. Прикладная юридическая психология : учеб. пособие / под ред. А. М. Столяренко. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2001. 639 с.
3. Журавлев А. Л. Актуальные проблемы социально ориентированных отраслей психологии. М. : Институт психологии РАН, 2011. 560 с.
4. Бусыгина А. Л., Секлетов А. В. Профессиональная компетентность сотрудника правоохранительных органов // Известия Самарского научного центра РАН. 2014. Т. 16, № 2-1. С. 38–40.
5. Долинин А. Ю. Кадровый потенциал уголовно-исполнительной системы: оценка и развитие : монография. Рязань : Академия ФСИН России, 2017. 161 с.
6. Гурьев М. Е. Анализ профессиональной компетентности сотрудника органов внутренних дел в юридической психологии // Актуальные вопросы психологии, педагогики и образования : сб. науч. тр. по итогам Междунар. науч.-практ. конф. Самара : Инновационный центр развития образования и науки, 2015. С. 203–208.
7. Байков Д. М. О некоторых аспектах формирования профессионализма сотрудников органов внутренних дел на современном этапе развития общества // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2016. Т. 5, № 4(17). С. 55–58.

TABLE OF CONTENTS AND ABSTRACTS

SCIENCE FORUM

Valeriy Fedorovich Lapshin, DSc (Law), Associate Professor, head of the criminal law department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: kapitan-44@yandex.ru;

Sergey Aleksandrovich Korneev, adjunct of the faculty of scientific and pedagogical personnel training, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: kornei_lam@mail.ru

EVOLUTION OF THE DOCTRINAL DEFINITION OF PLACE OF CRIMINAL PUNISHMENT AND OTHER MEASURES OF CRIMINAL LEGAL NATURE IN THE STRUCTURE OF CRIMINAL LEGAL IMPACT

Recommended citation

Lapshin, V. F. & Korneev, S. A. 2020, 'Evolution of the doctrinal definition of place of criminal punishment and other measures of criminal legal nature in the structure of criminal legal impact', *Man: crime and punishment*, vol. 28(1–4), iss. 1, pp. 12–23, doi: 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).1.012-023.

Abstract. The category “criminal legal impact” is currently being actively investigated in Russian legal science for its correlation with the content of the categories “criminal punishment”, “other measures of criminal legal nature”, and “criminal liability”. The authors draw attention to the importance of determining the content of this legal phenomenon, however, to date, no solutions have been proposed that would receive universal scientific approval. The nature, structure, and features of the implementation of criminal legal impact can only be considered in the context of the relevant provisions of the current criminal law, using mainly comparative-legal and system-structural research methods. In the presented study, the problem of types' determination of criminal legal impact and the features of their implementation, depending on the presence or absence of certain legally significant features, is presented. Taking into account the stated problems, the subject of the study is determined in the form of criminal legal rules that fix the deprivation and legal restrictions that apply to persons who have committed a socially dangerous act prohibited by criminal law. Some researchers, analyzing the legal essence of criminal responsibility and other measures of criminal legal nature, rightly pointed out the fundamental difference between these institutions of criminal legislation. Thus, an important place in the presented work is given to the differentiation of measures of criminal legal influence at different stages of the criminal law doctrine's development. This retrospective analysis allowed us to identify legal grounds for this differentiation with the separation of institutions of criminal responsibility, criminal punishment, and other measures of a criminal legal nature. The use of general scientific and private scientific methods in the research process allowed us to formulate a conclusion that the criminal legal impact is realized as a result of the application of criminal liability measures and other criminal legal measures. Criminal liability is implemented on general and preferential terms. The basis for the application of the latter is the fact of positive post-criminal behavior, which significantly reduces public danger.

Keywords: criminal legal impact, criminal liability, criminal punishment, other measures of criminal legal nature, criminal legal encouragement.

References

- Agzamov, I. M. 2012, *Conditional non-application of punishment in Russian criminal law*, Yurlitinform, Moscow.
- Bavsun, M. V. 2017, 'Criminal and legal impact in the "postmodern society"', *Bulletin of the Volgograd Academy of the MIA of Russia*, iss. 3, pp. 38–46.
- Vedmid', S. E. 2004, *Problems of criminal liability implementation: PhD thesis (Law)*, Krasnoyarsk.
- Dvoretzkiy, M. Yu. 2016, 'Criminal liability: effective implementation of forms and their types', *Bulletin of economic security*, iss. № 2, pp. 90–95.
- Zhizhelenko, A. A. 1914, *Punishment. Its concept and difference from other law enforcement means*, Pravda Printing House, Petrograd.
- Kelina, S.G. & Piontkovskiy, A. A. (ed.) 1974, *Theoretical issues of exemption from criminal liability*, Nauka, Moscow.
- Korneev, S. A. 2019, 'Measures of criminal legal influence not related to criminal liability', *Legal science and law enforcement practice*, iss. 3, pp. 64–72.
- Laptey, S. A. 2013, 'Suspended sentence or restriction of liberty', *Penal system: law, economy, management*, iss. 1, pp. 12–18.
- Lapshin, V. F. 2007, 'Nature of other criminal legal measures and confiscation of property', *Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction*, iss. 1, pp. 74–75.
- Lesnichenko, I. P. 2005, *Criminal liability: concept and problems of implementation: PhD thesis (Law)*, Rostov-on-Don.
- Lopashenko, N. A. 2018, 'Criminal legal impact in modern Russia: figures, facts, paradoxes and illustrations', in *Criminal legal impact and its role in crime prevention (III Saratov criminal law readings): collection of articles based on the materials of the III all-Russian scientific and practical conference (Saratov, March 29–30, 2018)*, pp. 9–28, Saratov State Law Academy, Saratov.
- Malikov, B. Z. 2012, 'Probation is a form of suspended sentence', *Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction*, iss. 2, pp. 14–18.
- Nemirovskiy, E. Ya. 1916, *Social protection measures and punishment in relation to the nature of guilt*, Senate printing house, Petrograd.
- Pichugin, S. A. 2007, *Recidivism among conditionally convicted people: PhD thesis (Law)*, Moscow.
- Pokhmelkin, V. V. 1990, *Social justice and criminal responsibility*, Krasnoyarsk University, Krasnoyarsk.
- Savin, N. F. & Efimov, M. A. 1963, *Probation and parole*, Gosyurizdat, Moscow.
- Sukhoveev, A. S. 2002, *Institute of probation in the Russian Federation: trends and forecast of development: PhD thesis (Law)*, Rostov-on-Don.
- Tagantsev, N. S. 2001, *Russian criminal law*, vol. 2, Avtograf, Tula.
- Tarkhanov, I. A. 2002, *Encouraging positive behavior and its implementation in criminal law (issues of theory, rule-making and law enforcement): PhD thesis (Law)*, Kazan.
- Tkachevskiy, Yu. M. 2010, *Selected works*, Legal center "Press", St. Petersburg.
- Fil'chenko, A. P. 2014, *Implementation of criminal liability: problems of industry and inter-industry agreement / disagreement: PhD thesis (Law)*, Ryazan.
- Firsova, A. P. 2008, 'Criminal legal impact: essence and content', *Current problems of Russian law*, iss. 2, pp. 158–165.
- Shesler, A. V. 2018, 'Criminal liability: concept and forms of implementation', *Bulletin of the Vladimir Law Institute*, iss. 3, pp. 116–121.
- Shirshov, A. A. 2004, *Criminal liability: problems of concept and differentiation: PhD thesis (Law)*, Vladivostok.

Yakovleva, L. V. 2002, *Institute of exemption from punishment in Russian law*, All-Russian Research Institute of the MIA of Russia, Moscow.

Yakushin, V. A. 2018, *Punishment and other measures of criminal legal impact*, Volzhsky University named after V. N. Tatischev, Tolyatti.

Aleksandr Mikhailovich Smirnov, PhD (Law), Associate Professor, leading researcher of SRC-2, at Scientific Research Institute of the FPS of Russia, Moscow, Russian Federation, ORSID 0000-0003-4779-4971, ResearcherID M-8979-2018, e-mail: samnauka@mail.ru

ON THE ISSUE OF LEGAL FACTORS THAT REDUCE EFFECTIVENESS OF THE PREVENTIVE FUNCTION OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Recommended citation

Smirnov, A. M. 2020, 'On the issue of legal factors that reduce effectiveness of the preventive function of the Criminal code of the Russian Federation', *Man: crime and punishment*, vol. 28(1–4), iss. 1, pp. 24–31, doi: 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).1.024-031.

Abstract. The article deals with the problem of low efficiency of the preventive function of the Russian criminal law. The preventive function is one of the important functions of the Russian criminal law. Its implementation consists in establishing a legal ban on commission of acts, recognized as criminal and regulated in a Special part of the Criminal code of the Russian Federation, and measures of criminal legal response to commission of these acts. However, this law contains provisions that devalue it and thereby reduce the effectiveness of the fight against crime in the country. These provisions include: the possibility, not the obligation, of imposing a criminal penalty; presence of legal conditions for exemption from criminal liability and (or) punishment or maximum minimization of the nature of state response measures to the committed crime; presence of too "soft" sanctions that do not correspond to the criminal result; presence of less severe sanctions for crimes that have not only an equal criminal result, but also more socially dangerous consequences. In general, one of the main conditions for this is the constant escalation of humanism in relation to persons, who commit socially dangerous acts, and the reluctance of the state authorities to show necessary rigor in relation to such persons. Humanism in regulating public relations is certainly an indicator of the civilized development of any state. However, it should not be excessive in relation to persons, who cause significant harm to citizens, society and the state.

Keywords: Criminal code of the Russian Federation, functions of the criminal law, illegal function, crime prevention, inevitability of punishment.

References

Komissarov, V. S. 2013, 'Legislative distortions in the criminal legal protection of human life', *Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the MIA of Russia*, iss. 22, pp. 212–213.

Luneev, V. V. 2005, *XX-th century crime: global, regional and Russian trends*, 2nd edn, Wolters Kluwer, Moscow.

Matskevich, I. M. 2017, 'Crime and XXI-st century crime: points of disagreement', *Legal technique*, iss. 11, pp. 49–53.

Pobegailo, E. F. 2007, 'Criminal policy of modern Russia: the author's concept', *Bulletin of the Kant Russian State University*, iss. 9, *Economic and legal sciences*, pp. 6–15.

Kleymentov, M. P. 2018, 'Is crime decreasing in Russia?', *Bulletin of Omsk University, Law Series*, iss 1(54), pp. 157–162.

Luneev, V. V. 2014, *The origins and defects of the Russian criminal legislation*, Yurlitinform, Moscow.

Bekkaria, Ch. 2004, *About crimes and punishments*, V. S. Ovchinskiy (comp.), INFRA-M, Moscow.

Smirnov, A. M. 2014, *People's justice in Russia*, Yurlitinform, Moscow.

Smirnov, A. M. 2014, 'The phenomenon of legal nihilism in Russian society and citizens' readiness for extrajudicial methods of criminal conflicts resolving', *Gaps in Russian legislation*, iss. 3, pp. 143–146.

Gaufman, L. D. 2002, 'Problems of the criminal code of the Russian Federation: blankness, declarativeness, casuistry', in *Criminal law in the XXI century: proceedings of the International scientific conference at the law faculty of Lomonosov Moscow State University*, pp. 48–59, Lexest, Moscow.

Smirnov, A. M. 2014, 'General characteristics of juveniles sentenced to imprisonment for sexual offences', *Man: crime and punishment*, iss. 3(86), pp. 130–135.

Milyukov, S. F. & Nikulenko, A. V. 2014, 'Some areas of criminal legal policy in the field of forced counteraction to crime', *Library of criminal law and criminology*, iss. 2(6), pp. 86–99.

Stupi, E. K., Chiricos, T. & Gertz M. 2016, 'Perceived criminal threat from undocumented immigrants: antecedents and consequences for policy preferences', *Justice quarterly*, vol. 33, iss. 2, pp. 239–266.

Minyazeva, T. F. & Bukalerova, L. A. 2011, 'The criteria for punishment appointment or other measures of criminal legal nature', *Society and law*, iss. 1, pp. 89–93.

Osipov, P. P. 1976, *Theoretical bases of construction and application of criminal legal sanctions*, Leningrad University, Leningrad.

Ovchinskiy, V. S. n.d., *The court and lynching*, viewed 16 April 2019, <http://www.mk.ru/blog/posts/596-sud-i-samosud.html>.

ABROAD

Dinara Talgatovna Amurtaeva, PhD (Law), associate professor of special legal disciplines department at the Institute of postgraduate education, Academy of law enforcement agencies under the General Prosecutor's office of the Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan, e-mail: editor62@yandex.ru;

Shakir Shamil'evich Shayakhmetov, PhD (Law), Associate Professor, director of the Institute of postgraduate education, Academy of law enforcement agencies under the General Prosecutor's office of the Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan, e-mail: editor62@yandex.ru

PROBLEMS OF PROBATION CONTROL USING IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Recommended citation

Amurtaeva, D. T. & Shayakhmetov, Sh. Sh. 2020, 'Problems of probation control using in the Republic of Kazakhstan', *Man: crime and punishment*, vol. 28(1–4), iss. 1, pp. 32–37, doi: 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).1.032-037.

Abstract. The article is devoted to problematic issues of probation control in the Republic of Kazakhstan. In particular, the practice of applying probation control based on the analysis of statistical data of the Committee on legal statistics and special accounts of the Republic of Kazakhstan is discussed. Problematic aspects in the implementation of this control are identified. Foreign experience of probation implementation is considered. The ways to improve this Institute are proposed.

Keywords: probation control, probation service, restriction of liberty, community service, probation, postponement of serving a sentence, parole.

References

Amurtaeva, D. T. 2019, 'Some issues of probation control over persons serving sentences in the form of public work', *Bulletin of the Academy of law enforcement agencies*, iss. 1(11), pp. 17–22.

Akkulev, A. Sh. n.d., *Separate probation issues*, viewed 20 October 2019, <https://www.zakon.kz/4598354-otdelnye-voprosy-probaccii-akkulev-a.sh.html>.

Yuriy Alekseevich Vorob'ev, PhD (Philology), Associate Professor, associate professor of foreign languages department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: jurij.worobjow@yandex.ru;

Tat'yana Igorevna Egorova, PhD (Law), senior lecturer of criminal law department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: madamti62@yandex.ru

PREVENTIVE MEASURES INVOLVING DEPRIVATION OF LIBERTY: CURRENT PRACTICE IN THE REPUBLIC OF AUSTRIA

Recommended citation

Vorob'ev, Yu. A. & Egorova, T. I. 2020, 'Preventive measures involving deprivation of liberty: current practice in the Republic of Austria', *Man: crime and punishment*, vol. 28(1–4), iss. 1, pp. 38–43, doi: 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).1.038-043.

Abstract. The article analyzes the current state and trends in development of the institution of preventive measures, involving deprivation of liberty, in the Republic of Austria. Measures applied to dangerous recidivists and offenders, who need treatment for drug addiction and / or alcoholism, as well as persons with mental disabilities, were analyzed. The study showed significant quantitative and qualitative differences in the use of these measures for different categories of convicts. This is especially true for offenders with mental illness, as evidenced by the provided statistics. The existing law enforcement practice has prompted Austrian legislators to reform the use of preventive measures not only in relation to this category of persons, but also to revise the entire concept of this legal institution functioning. The new legislative formulation of preventive measures goals, related to deprivation of liberty, allows us to speak about a narrowing of the scope of coercion in Austrian criminal law, and also to consider their impact as not only preventive, but also as general protective. In the long term,

limiting the minimum age of prisoners and the maximum length of stay in specialized institutions and periodic examination of prisoners should help to overcome their state of uncertainty. It is important to ensure that the measures in question are applied objectively, determination of clear criteria for their separation from punishment and the possibility of release with further probation period.

Keywords: Austrian criminal code, preventive measures, convicted persons, preventive detention, insane persons, deprivation of liberty.

References

The measure of placement in an institution for dangerous recidivists. For the Genesis and application of § 23 StGB n.d., viewed 11 June 2019, https://www.irks.at/assets/irks/Publikationen/Stangl_Rueckfallstaeter.pdf.

Hellmair, Cristine 2017, *The measure in accordance with § 22 StGB. Withdrawal treatment in the Austrian penal and correctional system – an evaluation. Dissertation for obtaining the doctorate degree*, Bregenz, viewed 12 June 2019, https://oparu.uni-ulm.de/xmlui/bitstream/handle/123456789/9976/Diss_Hellmair.pdf?sequence=3&isAllowed=y.

The Austrian justice system. Prison system. Statistics n.d., viewed 4 July 2019, <https://www.justiz.gv.at/web2013/home/strafvollzug/statistik/verteilung-des-insassenstandes~2c94848542ec49810144457e2e6f3de9.de.html>.

What are the organizational steps needed to reduce the number of institutionalization in forensic commitment? Project final report 2012, Institute for sociology of law and criminology, Vienna, viewed 3 July 2019, <https://www.irks.at/assets/irks/Publikationen/Forschungsbericht/IRKS%20MNV%20Bericht.pdf>.

The current status of the forensic commitment reform / self-representation and advocacy for the execution of measures n.d., viewed 22 June 2019, <http://massnahmenvollzug.com/category/reform-massnahmenvollzug/>.

Bogdanov, V. 2008, 'It is necessary to sit in prison twice', *Russian newspaper*, 16 January, viewed 12 June 2019, <http://www.rg.ru/2008/01/16/rezervacii.html>.

'In Poland, under an amnesty announced a quarter century ago, about 100 especially dangerous criminals will be released' 2014, *Judicial-legal online newspaper*, 11 February, viewed 12 June 2019, <https://sud.ua/ru/news/abroad/60416-v-polshe-po-amnistii-obyavlennoj-chetvertveka-nazad-na-svobody-vijdyt-okolo-100-osobo-opasnikh-prestypnikov>.

Andrey Anatol'evich Pavlenko, PhD (Law), Associate Professor, associate professor of the department of non-custodial sentences execution and legal support of the Penal system, Tomsk Institute for advanced training of employees of the FPS of Russia, Tomsk, Russian Federation, e-mail: a.pav@list.ru

THE STATE OF CONVICTS' HEALTH AS AN ELEMENT OF THE PROCEDURE FOR ATTRACTING THEM TO WORK IN THE CIS COUNTRIES

Recommended citation

Pavlenko, A. A. 2020, 'The state of convicts' health as an element of the procedure for attracting them to work in the CIS countries', *Man: crime and punishment*, vol. 28(1–4), iss. 1, pp. 44–50, doi: 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).1.044-050.

Abstract. The article analyzes the role of penitentiary medical personnel in ensuring labor activity of convicts under the legislation of the CIS member States in order to identify both similarities and differences in provisions of Penal Codes of these countries among themselves, and compliance of these norms with the recommendations of International Standards for the treatment of convicts. This subject is interesting due to the general historical base of the Penal legislation of the Post-Soviet States. The study allows us to identify several general trends. Firstly, the need to take into account the state of convicts' health attracting them to work. Secondly, the definition of categories among convicts, who have restrictions to work for health reasons, and for whom the law provides for voluntary work. Thirdly, a number of Codes separately set out the specifics of attracting juvenile convicts to work. In Russia, the main elements of the algorithm for determining the ability to work of convicts for health reasons are contained in by-laws and regulations. The algorithm of medical workers' actions at correctional institutions, involving persons deprived of their liberty in work, consists of the following main elements: the basis for assessing the situation, the subject of decision-making, the decision-making procedure, and the form of a legal act as a legal consequence of a medical decision.

Proposals are made to improve the current legislation, namely, to add in part 1 of Article 103 of the Criminal Code of the Russian Federation the phrase "the Procedure for determining the ability to work of convicts is established by the medical Commission of the Medical Organization of the FPS".

Keywords: comparative law, determination of health state and working capacity, medical restrictions to work, voluntary work of certain categories of convicts, the conclusion of the medical Commission of the penitentiary institution, international standards for the treatment of convicts.

References

Demidova, O. V. 2017, 'Features of the Penal legislation of the CIS member States', in *III International Penitentiary Forum "Crime, punishment, correction" (for the 20th anniversary of the entry into force of the Penal Code of the Russian Federation): collection of theses and reports of participants (Ryazan, November 21–23, 2017)*, in 8 vols, vol. 2, *Materials of the International scientific and practical conference "Improving the norms of criminal and penal legislation"*, pp. 138–141, Academy of the FPS of Russia, Ryazan.

Trunov, I. L. (ed.) 2006, *Comment to the Penal code of the Russian Federation (article by article)*, Eksmo, Moscow.

Pavlenko, A. A. 2015, 'To the question of the algorithm' content for actions of medical workers at correctional institutions in legally significant situations for convicts', *Man: crime and punishment*, iss. 1(88), pp. 92–97.

Pavlenko, A. A. 2018, *International standards for the work of medical personnel in penitentiary institutions and their implementation in Russia and the CIS countries*, Tomsk Institute for advanced training of employees, Tomsk.

Kalinin, Yu. I. 2008, *Collection of conventions, recommendations and resolutions related to penitentiary issues*, Academy of the FPS of Russia, Ryazan.

Utkin, V. A. 2017, 'Nelson Mandela rules: new accents and meaning', in *III International Penitentiary Forum "Crime, punishment, correction" (for the 20th anniversary of the entry into force of the Penal Code of the Russian Federation): collection of theses and reports of participants: (Ryazan, November 21–23, 2017)*, in 8 vols, vol. 1, *Proceedings of the plenary session*, pp. 121–126, Academy of the FPS of Russia, Ryazan.

Seylkhan Musievich Zholdaskaliev, adjunct of the department for organization of Internal Affairs bodies' activity at the center for command and staff exercises, Academy of management of the MIA of Russia, Moscow Russian Federation, e-mail: siko0717@mail.ru

ON THE ISSUE OF EFFICIENCY IMPROVING OF THE PROBATION SERVICE IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Recommended citation

Zholdaskaliev, S. M. 2020, 'On the issue of efficiency improving of the probation service in the Republic of Kazakhstan', *Man: crime and punishment*, vol. 28(1–4), iss. 1, pp. 51–55, doi: 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).1.051-055.

Abstract. The article is devoted to some issues related to the execution of control and supervision of registered persons who are on record in the probation service. The analysis of the state of probation service's activity of the Penal system of the MIA of the Republic of Kazakhstan in the field of probation impact on convicts is given. The author suggests ways to improve the probation system, including providing social and legal assistance to convicts.

Keywords: probation service, law enforcement, Internal Affairs bodies, Republic of Kazakhstan, Penal system.

References

Khutorskaya, N. B. 2013, 'International standards and organization of the probation service abroad', in *Development of the penitentiary system in the Kyrgyz Republic: results, problems and prospects: proceedings of the International conference*, pp. 43–47, Bishkek.

Kusainov, Sh. D. 2017, 'Development of the probation service in Kazakhstan', *Kokshetau Asia*, viewed 6 December 2017, <https://kokshetau.asia/pravo/26142-razvitie-sluzhby-probatsii-v-kazakhstane>.

Smirnova, I. N. 2017, 'On the issue of organization of law enforcement activities of Penal inspections in the conditions of new functions implementation', in *III International Penitentiary Forum "Crime, punishment, correction" (for the 20th anniversary of the entry into force of the Penal Code of the Russian Federation): collection of theses and reports of participants: (Ryazan, November 21–23, 2017)*, in 8 vols, vol. 3, *Materials of the International scientific and practical conference "Execution of certain types of criminal penalties: problems and ways of improvement"*, pp. 83–87, Academy of the FPS of Russia, Ryazan.

TIME LENS

Yuriy Vladimirovich Kharmaev, PhD (Law), Associate Professor, Honored lawyer of the Republic of Buryatia, head of criminal procedure and criminology department, Dorji Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russian Federation, e-mail: kharmaev@mail.ru

FEATURES OF THE USE OF PUNISHMENT WITHOUT ISOLATION FROM SOCIETY («CHEMISTRY») IN EASTERN SIBERIA IN THE MID-60S OF XX IN THE CONTEXT OF MODERN USE OF FORCED LABOR

Recommended citation

Kharmaev, Yu. V. 2020, 'Features of the use of punishment without isolation from society ("chemistry") in Eastern Siberia in the mid-60s of XX in the context of modern use of forced labor', *Man: crime and punishment*, vol. 28(1–4), iss. 1, pp. 56–61, doi: 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).1.056-061.

Abstract. The article reveals the features of criminal punishment application for persons given a suspended sentence and parolees who were released from serving a sentence with mandatory employment in the Soviet period at construction sites and industrial enterprises in the regions of Eastern Siberia. Data on the number and movement of persons, conditionally released from places of deprivation of liberty and conditionally convicted with mandatory employment, registered in special commandant's offices of the Buryat ASSR in the period 1964 to 1989 are based on archival materials. The conclusion is made that it is necessary to take into account the generally positive domestic experience of implementing punishments, used in the Soviet period, which is in many ways similar to actual punishments in the form of forced labor.

Keywords: punishments without isolation from society, forced labor, special commandant's offices, penal policy.

References

Abramova, N. G. 2017, 'Some questions of the initial stage of implementation of criminal punishments execution in the form of forced labor.', in I. V. Dvoryanskov (ed.), *Organization and legal regulation of punishment execution in the form of forced labor: theory and practice: collection of materials of the round table with international participation*, pp. 10–18, Scientific Research Institute of the FPS of Russia, Moscow.

Gabaraev, A. Sh. & Lobacheva, L. P. 2017, 'Organizational and legal problems of punishment execution in the form of forced labor', in I. V. Dvoryanskov (ed.), *Organization and legal regulation of punishment execution in the form of forced labor: theory and practice: collection of materials of the round table with international participation*, pp. 37–46, Scientific Research Institute of the FPS of Russia, Moscow.

Kiyutsina, O. M. n.d., *We sit well. Why the number of prisoners in Russia dropped dramatically*, viewed 3 October 2019, <https://www.zaprava.ru/xorosho-sidim/>.

Ketov, V. K. 1975, *Correction and re-education of parolees who were released from prison to work in the construction of national economy enterprises and given a suspended sentence with mandatory involvement in labor: PhD thesis (Law)*, Leningrad.

'Branches of correctional institutions will be opened at large enterprises' 2019, *Russian gazette*, 21 July.

Pisareva, L. F., Lyakhova, N. P., Odintsova, I. N., Perinov, D. A., Chemitdorzhieva, T. N. & Shukhoeva, E. A. 2015, 'Demographic characteristics of the Republic of Buryatia', *Bulletin of Siberian medicine*, vol. 14, iss. 3, pp. 23–29.

Skiba, A. P. 2002, 'Some problems of the theory and history of parole application', *The road to the society of the third millennium: a collection of articles*, pp. 72–76, Southern University (IMBL), Rostov-on-Don.

Kharmaev, Yu. V. & Gantulga, N. 2015, 'Experience of influence of Russian classics' works (F. M. Dostoevskiy, A. P. Chekhov, S. V. Maksimov, V. M. Doroshevich and others) on humanization of penitentiary policy in the state', in V. A. Avdeev (ed.), *Crime in Russia: problems of law implementation and law enforcement: collection of scientific papers*, pp. 72–78, Baikal State University of Economics and Law, Irkutsk.

'The number of convicts in Russian correctional institutions has reached a historical minimum' n.d., viewed 10 September 2019, <https://rg.ru/2018/12/14/chislo-osuzhdennyh-v-rossijskih-koloniiah-dostiglo-istoricheskogo-minimuma.html>.

Erkhitueva, T. I. & Myakhanova, A. N. 2018, 'The principle of expediency in probation', in *Sociology of criminal law and criminal legislation reform: collection of articles*, pp. 73–80, Jurisprudence, Moscow.

MANAGEMENT VECTOR

Il'ya Nikolaevich Chernyshov, PhD (Economics), associate professor of economics and management department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: ilya_4@mail.ru

MANAGEMENT STRUCTURE OF THE CORRECTIONAL CENTER: PRINCIPLES OF CONSTRUCTION AND DIRECTION OF CHANGES

Recommended citation

Chernyshov, I. N. 2020, 'Management structure of the correctional center: principles of construction and direction of changes', *Man: crime and punishment*, vol. 28(1–4), iss. 1, pp. 62–71, doi: 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).1.062-071.

Abstract. The article is devoted to the development of the system of correctional centers intended for execution of criminal penalties in the form of forced labor. The subject of the analysis is the principles of building organizational structure of the center's management and the trends of its change. Attention is focused on finding and identifying the reasons for ongoing organizational and staff changes, among which are changes within the key functional subsystems of the institutions under consideration, the revision of powers' ratio of different positions, as well as the transformation of functional relationships between departments and the external environment. A detailed analysis of ongoing transformations of the correctional center's typical management structure showed that along with the general principles and approaches to the organization of activities for the Penal system's institutions, expressed through a linear-functional management model, there is a certain specificity of the organizational structure. Among the main directions of the standard management structure's transformation of the center should be attributed to the redistribution of composition of units that are directly subordinate to the head of the center and his deputy. This change made it possible to conclude that the deputy head of the center is more specialized in the functional direction of organizing the regime and supervision as one of the most important functions of the institution. In addition, there has been a significant transformation in the composition of divisions and its specialized functional groups. We should also note the reduction of personnel number in separate departments and services. As generalizations, which were formulated based on the results of the analysis, the objective need to review approaches to planning the management structure and personnel number is indicated. In terms of active dissemination and implementation of activities in institutions and bodies of the Penal system with engineering and information and analytic tools to support their activities, the tendency to transform the content and nature of work functions will become more and more noticeable. It is also impossible to ignore

the problem of increasing the adaptability of all business entities to changing conditions of the business environment and the macro environment. All this allows us to argue about the complexity of the personnel management system and the need for continuous improvement of approaches to planning the activities of employees and organizational and staff structure.

Keywords: the Penal system, correctional centers, organizational and staff work, organizational structure of management, planning of personnel number.

References

Dvoryanskov, I. V. & Gabaraev, A. Sh. 2018, 'Forced labor as an alternative to imprisonment', *Journal of the Penal system*, iss. 5(192), pp. 18–23.

Dolinin, A. Yu. 2015, 'Theoretical and applied aspects of determining the staff number of the Penal system', *Penal law*, iss. 2(20), pp. 30–34.

Kashuba, Yu. A. 2018, 'Opportunities for creating a system of correctional centers', *Man: crime and punishment*, vol. 26(1–4), iss. 1, pp. 11–15.

Kolosova, R. P., Vasilyuk, T. N., Artamonova, M. V. & Ludanik, M. V. 2009, *Personnel economics*, INFRA-M, Moscow.

Krymov, A. A., Lyadov, E. V. & Grushin, F. V. 2017, 'Forced labor in the Russian Federation: some problems and solutions', *Bulletin of the Kuzbass Institute*, iss. 4(33), pp. 65–71.

Lyadov, E. V. 2018, 'On some problematic aspects of legal regulation of criminal punishment use in the form of forced labor', *International penitentiary journal*, vol. 4(1–4), iss. 1, pp. 47–50.

Ogorodnikov, V. I. & Dolinin, A. Yu. 2006, 'The concept, essence, principles of organizational and staff work in the FPS and its place in the state personnel policy implementation', *Man: crime and punishment*, iss. 1, pp. 46–50.

Popova, T. V. & Zaripov, R. R. 2018, 'The problem of convicts' employment to forced labor', *Bulletin of the Vladimir Law Institute*, iss. 3(48), pp. 28–31.

CRIME – PUNISHMENT – CORRECTION

Aleksey Vladimirovich Rodionov, DSc (Economics), professor of economics and management department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: avrpost@bk.ru;

Oleg Aleksandrovich Pichugin, PhD (Economics), senior lecturer of management theory and practice department, Ural state law University, Yekaterinburg, Russian Federation, e-mail: tipu@usla.ru

ORGANIZATIONAL AND LEGAL PROBLEMS OF BRINGING TO COLLECTIVE FINANCIAL RESPONSIBILITY OF CONVICTS SERVING A SENTENCE OF IMPRISONMENT FOR DAMAGE, CAUSED BY THEM DURING IMPLEMENTATION OF THEIR LABOR DUTIES

Recommended citation

Rodionov, A. V. & Pichugin, O. A. 2020, 'Organizational and legal problems of bringing to collective financial responsibility of convicts serving a sentence of imprisonment for damage,

caused by them during implementation of their labor duties', *Man: crime and punishment*, vol. 28(1–4), iss. 1, pp. 72–78, doi: 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).1.072-078.

Abstract. The subject of the research presented in the article is social relations that arise as a result of bringing a group of convicts (teams) serving a sentence of imprisonment to financial responsibility for the damage caused by them during performance of their labor duties. Among the forms of causing material damage, the shortage or damage of entrusted material values is considered. The empirical basis of the study is the practice of implementing production projects of public-private partnership in institutions of the Penal system in the Sverdlovsk region. The information base of the work is the existing normative acts regulating issues related to the subject of the study. The methodological basis of the research is the works of Russian scientists in the field of penal and labor law, as well as economics and production organization at regime facilities. The paper substantiates the lack of effective legal mechanisms to compensate for material damage that occurs during the performance of labor duties by convicts sentenced to imprisonment on production. The author substantiates the need to stimulate their law-abiding behavior, as well as the careful use of material resources entrusted for the implementation of labor activities. The authors propose changes in the existing legislation in order to create conditions for economical use of production resources, prevention of intentional damage, theft and material damage to the production assets, used for implementation of industrial projects of public-private partnerships in the prison system.

Keywords: material liability, damages, penal law, labor law, public-private partnership, labor, convicts, workers' collective, production project, material values.

References

- Bondarenko, I. V. & Chapyshkin, A. Yu. 2005, 'Financial responsibility of convicted persons', *Penal system: law, economy, management*, iss. 4, pp. 40–47.
- Gubenko, A. 2006, 'Labor discipline and financial responsibility of persons sentenced to imprisonment', *Legality*, iss. 12(866), pp. 12–13.
- Zaytseva, L. V. 2015, 'The Institute of parole as a legal regulator that encourages the involvement of convicts in work and compensation for damage caused by crime', *Journal of the Penal system*, iss. 7(158), pp. 22–24.
- Zhelaev, A. A. 2014, 'Financial responsibility of convicts in the system of stimulating their law-abiding behavior', *Economic and legal issues*, iss. 70, pp. 20–22.
- Novikov, R. V. 2015, 'Legal regulation of correctional institutions' activities to ensure that convicted persons compensate for the damage caused by the crime', *Bulletin of the Perm Institute of the FPS of Russia*, iss. 4(19), pp. 23–26.
- Brilliantov, A. V. & Kurganov, S. I. 2016, *Comment to the Penal code of the Russian Federation (article by article)*, 3d end, Prospekt, Moscow.
- Kalinin, Yu. I. & Seliverstov, V. I. 2010, *Comment to the Penal code of the Russian Federation (article by article)*, 3d end, Urait, Moscow.
- Sivirkin, F. D. 2015, 'About compensation of material damage to the victim from actions of fraudulent character with use of means of cellular communication, committed by juvenile convicts in places of imprisonment', *Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction*, iss. 3(31), pp. 40–43.
- Titarenko, A. P. 2013, 'Disciplinary liability of persons sentenced to restriction of liberty for causing material damage during serving their sentence', *Bulletin of Tomsk State University*, iss. 369, pp. 119–121.

Fedanchenkov, M. S. 2015, 'Problems that arise during control over the repayment of damage caused by a crime in case of a suspended sentence', *Bulletin of the International Law Institute*, iss. 3(54), pp. 87–91.

Procedure for compensation of material damage caused to the institution of the Penal system as a result of illegal actions of suspects, accused and convicted persons n.d., viewed 24 November 2019, https://bashprok.ru/the_prosecutor_explained/9945.php.

Nikolay Viktorovich Rumyantsev, DSc (Law), Associate Professor, leading researcher, Scientific Research Institute of the FPS of Russia, Moscow, Russian Federation, e-mail: rumyantsevn.v@ya.ru;

Salikh Khabibovich Shamsunov, DSc (Law), Professor, leading researcher, Scientific Research Institute of the FPS of Russia, Moscow, Russian Federation, e-mail: shamsunov46@mail.ru

SOME ISSUES OF COUNTERING IDEOLOGY SPREAD OF RELIGIOUS EXTREMISM AND TERRORIST THREAT IN MODERN CONDITIONS: EXPERIENCE AND PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

Recommended citation

Rumyantsev, N. V. & Shamsunov, S. Kh. 2020, 'Some issues of countering ideology spread of religious extremism and terrorist threat in modern conditions: experience and problems of legal regulation', *Man: crime and punishment*, vol. 28(1–4), iss. 1, pp. 79–84, doi: 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).1.079-084.

Abstract. This article discusses the problems of countering the illegal activities of religious extremist and terrorist organizations by law enforcement agencies, both within a single state and at the international level. The threat of extremist and terrorist activities makes it necessary to strengthen the interaction of law enforcement agencies with executive authorities and public organizations in carrying out preventive work, as well as search for forms and methods of this counteraction.

Keywords: extremism, terrorism, prevention, counteraction, law enforcement agencies, internal Affairs agencies, the Penal system, places of detention.

References

Pateev, R. F. & Sakaev, V. T. 2017, *Challenges of religious extremism in a globalizing world*, Foliant, Kazan.

Fukuyama, F. 2006, 'Has the hisstory started again?', *Humanitarian portal*, viewed 24 December 2019, <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/222>.

'Speech of the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation S. V. Lavrov' 2017, *Bulletin of the National Anti-Terrorist Committee*, iss. 2(17), pp. 14–17.

Oganesyan, S. S. 2019, 'The anatomy of death', *Moskovskiy komsomolets*, iss. 238, p. 4.

Usmanov, I. M. & Zinnurov, F. K. 2019, "'Green" zone: reality or provocation (practice of countering convicts' radicalization in prison of the Republic of Tatarstan)', *Bulletin of the Kazan Law Institute of the MIA of Russia*, iss. 1(35), pp. 62–69.

Ekaterina Dmitrievna Kharitonovich, senior inspector of the academic council, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: kattusha1992@rambler.ru

MONITORING THE BEHAVIOR OF CONVICTS SUFFERING FROM VARIOUS TYPES OF DISEASES, SERVING SENTENCES NOT RELATED TO ISOLATION FROM SOCIETY

Recommended citation

Kharitonovich, E. D. 2020, 'Monitoring the behavior of convicts suffering from various types of diseases, serving sentences not related to isolation from society', *Man: crime and punishment*, vol. 28(1–4), iss. 1, pp. 85–90, doi: 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).1.085-090.

Abstract. The article devoted to the issues of monitoring the behavior of convicts serving sentences not related to isolation from society, including convicts suffering from various types of diseases. The question of which organization (Penal inspection, Internal Affairs bodies, economic entity where convicts work, etc.) is the basis for the appropriate corrective and controlling influence in relation to convicts, with a description of the specific controlling powers of each body, is considered. We study the most common problems of interaction of penal inspections with administrations of organizations where convicts, sentenced to correctional and compulsory labor, are serving their punishments, as well as with Internal Affairs bodies. Examples from practice are given.

Keywords: penal inspections, correctional labor, compulsory labor, restriction of freedom, control over execution and serving of sentences, convicts suffering from various types of diseases.

References

Goryainov, K. K. 2018, 'Operational and investigative control over persons sentenced to punishment without deprivation of liberty', *Man: crime and punishment*, vol. 26(1–4), iss. 4, pp. 396–400.

Kolbasova, E. V. 2016, 'The problem of control and supervision of persons, sentenced to restriction of freedom, are serving their sentences at their place of residence', in L. Yu. Larina (ed.), *20 years of the Criminal code of the Russian Federation: results, problems, prospects: collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference*, in 2 vols, pp. 140–142, Ryazan.

Muzenik, A. K., Utkin, V. A. & Filimonov, O. V. 1990, *Probation and postponement of its execution*, Tomsk.

Sukmanov, O. V. 2003, *Individual prevention of criminal behavior of parolees: PhD thesis (Law)*, Irkutsk.

Erkhitueva, T. I. 2006, 'The concept and content of control over the behavior of probationers', *Bulletin of the Buryat state University, Series 12, Jurisprudence*, iss. 3, pp. 131–132.

Avdeev, V. A. 2013, 'Optimization of punishment goals in the context of crime prevention', *Criminological journal of the Baikal State University of Economics and Law*, iss. 2, pp. 41–53.

Peremolotova, L. Yu. 2015, 'The significance of the convict's personality characteristics in the implementation of preventive measures', *Legal science and law enforcement practice*, iss. 3(33), pp. 76–81.

Ol'khovik, N.. 2017, 'Individualization of the control of Penal inspections over convicts without isolation from society', *Bulletin of Tomsk State University, Law*, iss. 24, pp. 37–51.

Kuznetsov, A. I. 2013, 'Legal regulation of the use of technical means of control and supervision over convicted persons sentenced to restriction of freedom', *Bulletin of the Perm Institute of the FPS of Russia*, iss. 3(10), pp. 47–49.

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SEARCH

Klavdiya Kirillovna Vasil'eva, doctor of philosophy, Professor, academician of the Russian Academy of Sciences, leading researcher SRC-2, Scientific Research Institute of the FPS of Russia, Moscow, Russian Federation, ORCID-0000-0002-2808-9575, e-mail: klavdiya5@yandex.ru

THE CONCEPT OF SYSTEMIC EDUCATIONAL IMPACT ON CONVICTS AND THEIR RESOCIALIZATION (EXPERIENCE OF CORRECTIONAL INSTITUTIONS OF THE KIROV REGION)

Recommended citation

Vasil'eva, K. K. 2020, 'The concept of systemic educational impact on convicts and their resocialization (experience of correctional institutions of the Kirov region)', *Man: crime and punishment*, vol. 28(1–4), iss. 1, pp. 91–98, doi: 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).1.091-098.

Abstract. The article analyzes the algorithm of penal theory and practice of resocialization of convicts sentenced to imprisonment in correctional institutions of the Kirov region. The experience of directed educational influence on convicts, centered on the methodology of "education through the collective" (A. S. Makarenko) and having the ultimate goal of achieving a radical change in the behavior of convicts, is effectively implemented in correctional institutions of the Kirov region. An integral indicator of the degree of effective resocialization among convicts is a significant reduction in reoffending over the past three years (2017–2019). Within a year after release no more than 8 % of convicts return to places of detention. The author of the article defines this experience as an organically and systemically integrated, internally consistent, and therefore effective concept of impact on the object of education in correctional institutions of the Federal penitentiary service. This experience can be recommended for a specific subject-practical understanding and possible application in other institutions of the Penal system.

Keywords: convicts sentenced to imprisonment, resocialization of the convicted person, directed educational influence, algorithm for resocialization of convicts sentenced to imprisonment.

References

Vasilyeva, K. K. & Ovchinnikov, S. N. 2018, 'Migration criminality: experience of socio-psychological portrait and studying behavioral attitudes of the convict', *Astra Salvensis*, iss. 6, pp. 49–57.

Skinner, B. F. 1971, *Beyond Freedom and Dignity*, Harmondsworth, Middlesex, Pelican Books, London.

Buhler, C. 1971, 'Basic Theoretical concepts of Humanistic Psychology', *American Psychologist*, vol. 26, pp. 378–386.

Kelly, G. A. 1963, *Theory of Personality. The Psychology of Personal constructs*, WW Norton & Company, New York.

Vasileva K. K. & Ochirov O. R. 2017, 'The mentality as the Image of the Cognitive Properties of the Other', *2nd International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Humanities (ICCESSH 2017)*, Atlantis Press, doi 10.2991/iccessh-17.2017

Rezhanova, I. M. & Zaborovskaya, Yu. M. 2019, 'Foreign experience of work with prisoners and their further resocialization (on the example of the United States and Canadian legislation)', *Man: crime and punishment*, vol. 27(1–4), iss. 1, pp. 40–46.

Baranov, Yu. V. & Khamadishin, D. Z. 2011, 'Rehabilitation and resocialization as protection of the rights of persons sentenced to imprisonment and released from this punishment', *Current problems of economics and law*, iss. 1, pp. 260–262.

Institute of convicts' resocialization: state, problems and prospects of development: collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference (October 26–27, 2017) 2017, Kirov Institute for advanced training of employees of the FPS of Russia, Kirov.

Roman Mikhaylovich Voronin, DSc (Medicine), Associate Professor, professor at the department of psychology of professional activity in the Penal system, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, ORCID 000-0001-9794-972X, e-mail: rmvoronin@mail.ru;

Vladimir Ivanovich Ogorodnikov, DSc (Law), Professor, professor at the department of management and organization of the Penal system's activity, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: ogorodnikov.v.i.@yandex.ru;

Sergey Mikhaylovich Vorob'ev, DSc (Law), Associate Professor, professor at the department of theory of state and law, international and european law, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, ORCID 0000-0003-0734-7456, e-mail: sergey.vorobev.78@inbox.ru

ORGANIZATIONAL AND PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF PROFESSIONAL DEFORMATION OF THE PENAL SYSTEM'S EMPLOYEES

Recommended citation

Voronin, R. M., Ogorodnikov, V. I. & Vorob'ev, S. M. 2020, 'Organizational and psychological aspects of professional deformation of the Penal system's employees', *Man: crime and punishment*, vol. 28(1–4), iss. 1, pp. 99–104, doi: 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).1.099-104.

Abstract. Improving the quality among the personnel of the Penal system today is a major task that needs to be addressed. The study of causes that lead to emergence of the professional deformation phenomenon among employees of the Penal system is the main stage on the way of its prevention. The main goal of the study is to make a comparative assessment of personal characteristics among employees of the Penal system, which differ in the efficiency of performing official duties in terms of their professional deformation. The study involved 58 correctional officers. The analysis of personal files of employees, questionnaires and psychological examination were carried out. The analysis of the results revealed significant personal differences between correctional officers, who perform their duties faithfully and employees from the high-level control group. These differences may determine a predisposition or resistance of the individual to professional deformation.

Keywords: professional deformation, employees of correctional institutions, psychological support of employees of the Penal system.

References

Aksenova, P. Yu., Aksenova, G. I., Kirillova, T. V. & Voronin, R. M. 2017, *Adaptation of cadets to educational activities at educational organizations of the FPS of Russia*, Prospekt, Academy of the FPS of Russia, Moscow.

Voronin, R. M. 2011, 'Assessment of the health status of cadets in military educational institutions', *Journal of new medical technologies*, vol. 18, iss. 3, pp. 270–272.

Voronin, R. M. & Semenov, Yu. N. 2016, 'Use of biofeedback technologies in the system of psycho-physiological training of employees in the Penal system', *Applied legal psychology*, iss. 2, pp. 101–106.

Gavrina, E. E., Rozhkov, O. A. & Sochivko, D. V. 2017, *Motivational determinants of professional deformation of employees' personality in the Penal system*, Prospekt, Moscow.

Pozdnyakov, V. M. & Cherkasova, M. A. 2013, 'Features of professional burnout among employees of the Penal system at various stages of service', *Applied legal psychology*, iss. 1, pp. 22–31.

Raygorodskiy, D. Ya. 1998, *Practical psychodiagnostics*. Methodical tests, Samara.

Mishin, A. A. 2015, 'Prevention of professional deformation of the Penal system's employees during educational process', *Bulletin of the Kuzbass Institute*, iss. 4(25), pp. 173–176.

Trofimova, E. L. 2016, 'Professional transformations of prison staff', *Psychology in economics and management*, vol. 8, iss. 1-2, pp. 36–42.

Krapivina, O. V. 2004, *Emotional burnout as a form of professional deformation among prison staff: PhD thesis (Psychology)*, Tambov.

Aleksandr Mikhaylovich Kiselev, DSc (Pedagogy), Associate Professor, professor of the department for mobilization and tactical special training, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: kamkis@bk.ru;

Mikhail Aleksandrovich Kuleshov, PhD (Law), head of the department for mobilization and tactical special training, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: kul.mixail2014@yandex.ru

ABOUT FORMATION OF PERSONNEL' READINESS FOR ACTIONS IN EMERGENCY CIRCUMSTANCES

Recommended citation

Kiselev, A. M. & Kuleshov, M. A. 2020, 'About formation of personnel' readiness for actions in emergency circumstances', *Man: crime and punishment*, vol. 28(1–4), iss. 1, pp. 105–112, doi: 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).1.105-112.

Abstract. The article is devoted to the analysis of readiness of the personnel, working in the Penal system, for actions in emergency circumstances. There are different approaches to the content of the concept of readiness for actions in emergency situations. For example, B. G. Anan'ev defines the concept of readiness for highly productive activities in a certain area of work and social life as a manifestation of abilities. We believe that readiness for actions in emergency situations for the staff of the Penal system should be understood as a state formed on the basis of special knowledge, skills, and abilities that ensure effective performance of official duties, when the operational situation in agencies and institutions becomes more complicated.

At the same time, psychological components, which must include motives, attitudes, levels of volitional and emotional self-control, play an important role in this state. Based on the results of the study, we have identified opportunities for the following components' development: 1) motivational volitional component, as the initial aspect of any activity, which includes a system of incentive motives, the ability to self-regulate mental states, determining the nature of human activity in the implementation of professional tasks; 2) cognitive component that consists of a system of algorithms knowledge for actions in case of emergency circumstances, subjective perceptions and attitudes to the performance of professional tasks in extreme situations; 3) activity component, manifested in the skills and abilities of practical implementation of service tasks in a complex operational environment, including decision-making, organization of individual and joint actions as part of units (functional groups). During the main stage of the research (forming experiment), such forms of training organization as tactical drill, staff training, command and staff exercises, tactical and special exercises, instructional and instructional-methodical classes were used. In the institutions of experimental group, instead of the usual tactical and drill classes, special tactical classes were held with the involvement of the heads of classes and their assistants from among the employees who had undergone professional development in educational organizations subordinated to the Federal penitentiary service. In the course of training, heads of divisions were trained, skills of tactical actions of employees as part of functional groups were formed in response to emergency situations, skills of tactical coordination of forces and means of the Federal penitentiary service of Russia were trained, and modeling of various types of emergency situations was used. In general, the results of the formative experiment can be evaluated positively and the fact of achieving the set research objectives can be noted.

Keywords: the Penal system, personnel, emergencies, professional readiness, pedagogical experiment.

References

Egorenkov, D. V. 2013, *Formation of high school students' readiness to overcome extreme situations: PhD thesis (Pedagogy)*, Volgograd.

Practical psychodiagnostics. Methods and tests 1998, Publishing house "Bakhrakh", Samara.

Schuller, I. & Comunian, A. 1997, 'Cross-Cultural Comparison of Arousalability and Optimism Scale (AOS)', in *18th International Conference of Stress and Anxiety Research Society*, Dusseldorf.

Kugno, E. E. 2013, *Formation of personal readiness for activities in extreme situations: PhD thesis (Pedagogy)*, Ulan-ude.

Additional professional program – professional advanced training "Organization and conduct of negotiations in case of complications of the operational situation in the event of emergency hazards in the institutions of the Penal system" for employees of institutions and bodies of the Penal system 2018, Specialized interregional training center of the Russian Federal penitentiary service for the Novosibirsk region, Novosibirsk.

Nina Ivanovna Sidorova, senior lecturer at the Institute of the Academy of the FPS of Russia in the department of foreign languages, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: sidorova.nina2912@yandex.ru;

Sofiya Aleksandrovna Gaponova, DSc (Psychology), Professor, professor of social psychology and social work department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: sagap@mail.ru;

Elena Aleksandrovna Shmeleva, DSc (Psychology), Associate Professor, deputy director on scientific affairs at the Shuya Branch, Ivanovo State University, Shuya, Russian Federation, e-mail: noc_shmeleva@mail.ru

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL FEATURES OF COMMUNICATION AS A FORM OF EDUCATIONAL COOPERATION WITH FOREIGN STUDENTS (EXPERIENCE OF THE ACADEMY OF THE FPS OF RUSSIA)

Recommended citation

Sidorova, N. I., Gaponova, S. A. & Shmeleva, E. A. 2020, 'Psychological and pedagogical features of communication as a form of educational cooperation with foreign students (experience of the Academy of the FPS of Russia)', *Man: crime and punishment*, vol. 28(1–4), iss. 1, pp. 113–119, doi: 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).1.113-119.

Abstract. The article is devoted to consideration of one of the current problems – the psychological and pedagogical peculiarities of communication with foreign students, optimization of educational process, creating a climate of cooperation, developing long-term positive motivation for learning, and adaptation of educational process to the needs of foreign students – citizens of the Republic of Azerbaijan. In this regard, the authors attempted to identify the characteristic features of the described approaches, show their specifics, and describe materials using innovative technologies, introduced into the practice of teaching Russian as a foreign language. The article presents the point of view on pedagogical communication as a form of educational cooperation, on the interaction of the teacher and the listener during the educational process and outside it, in the process of organized and managed teaching of Russian to foreigners. This interaction, according to the author, can be called pedagogical communication by means of the Russian language, characterized by partnership relations with the leading role of the teacher. It is necessary to recognize that teaching the Russian language is closely connected with teaching general and special subjects. The use of innovative teaching methods helps to optimize the learning process, create a collaborative environment in the classroom, develop long-term positive motivation for learning, and include students in creative activities based on individualization and personal development mechanisms. According to the authors, the effectiveness of teaching foreign students depends on how successfully they adapt to the educational space, to the new socio-cultural environment. The article provides examples of techniques that help speed up the process of adaptation to a University, a non-native country, and socialization in it. These are conversations to familiarize with the structure, history, traditions, set of rules of the Academy of FPS of Russia, the rules of behavior in the dorm, organizing and conducting excursions, participation in Olympiads on the Russian language and speech culture, in scientific conferences held in the department, musical and literary events, the festival of cultures, and the project of the Museum lectures. All these activities contribute to the establishment of successful educational cooperation with foreign students. It should be noted that in order to improve the practical skills of psychological pedagogical communication, professional knowledge of modern Russian language, the formation of the students of the attitude to the Russian language as a necessary component of professional competence, finally, elimination of the objective difficulties in mastering the Russian language, classes on the additional educational program “Russian as a foreign language” for foreign students are

held, and textbooks were published taking into account the specifics of students' professional activities and their level of readiness for training.

Keywords: psychological and pedagogical features of communication, professional competence, optimization of educational process, educational cooperation, professionally oriented communication, adaptation, socio-cultural environment, linguistic and cultural competence, creative activity, individualization, inclusion of mechanisms of personal development.

References

Innovative methods of teaching in higher education: a collection of articles on the results of the methodological conference of UNN on February 10–12, 2016. 2016, iss. 2016, National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Nizhni Novgorod.

Filimonova, N. Yu. & Godenko, A. E. 2005, 'Problems of education of foreign students as problems of personal self-development', *Scientific Bulletin of the Moscow State Technical University of Civil Aviation, Series International Activities of Universities*, iss. 94(12), pp. 51–60.

Altukhova, O. N., Ignatenko, O. P. & Samokhina, O. V. 2016, 'Teaching Russian as a foreign language in a non-linguistic environment (from experience in Malaysia)', *Paradigmata poznani*, iss. 2, pp. 54–56.

Markova, A. K. 1993, *Psychology of teacher's labor: a book for a teacher*, Prosveshchenie, Moscow.

Tat'yana Petrovna Skripkina, DSc (Psychology), Professor, head of social psychology department, Russian State University for the Humanities, L. S. Vygotsky Institute of psychology, Moscow, Russian Federation, e-mail: skripkinaurao@mail.ru;

Olesya Vyacheslavovna Volotkevich, adjunct of the faculty of scientific and pedagogical personnel training, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: ovolotkevich@bk.ru

AN EMPIRICAL STUDY OF ANTICIPATION ABILITIES AMONG JUVENILES CONVICTED WITHOUT DEPRIVATION OF LIBERTY

Recommended citation

Skripkina, T. P. & Volotkevich, O. V. 2020, 'An empirical study of anticipation abilities among juveniles convicted without deprivation of liberty', *Man: crime and punishment*, vol. 28(1–4), iss. 1, pp. 120–127, doi: 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).1.120-127.

Abstract. The article describes the results of studying the anticipation abilities of juveniles convicted without deprivation of liberty. A number of methods were used to conduct a comprehensive survey of a representative sample of juveniles convicted without deprivation of liberty and to identify individual psychological characteristics of the individual that are leading and cause the formation of anticipation abilities among juveniles convicted without deprivation of liberty. Based on the results of the study, the author comes to the conclusion that respondents with formed anticipation consistency, all three of its components (personal-situational, spatial and temporal) are better developed than those of juveniles convicted without deprivation of liberty with unformed anticipation consistency, two of which (personal – situational and temporal) – at a high level of statistical significance and one (spatial) – at the level of tendency. In addition,

respondents with developed anticipation competence are more future-oriented and goal-setting than those with less developed prognostic abilities, as evidenced by the revealed differences at a high level of statistical significance.

Keywords: anticipation abilities, anticipation consistency, прогнозирование, juvenile convicts.

References

- Mendelevich, V. D. 2018, *Anticipation mechanisms of neurosis*, Gorodets, Moscow.
- Regush, L. A. 2003, *Psychology of prediction: progress in the knowledge of the future*, Rech, St. Petersburg.
- Leont'ev, D. A., Kalashnikov, M. O. & Kalashnikova, O. E. 1993, 'The factor structure of the test of life-meaningful orientations', *Psychological journal*, vol. 14, iss 1, pp. 150–155.
- Kapustina, A. N. 2001, *R. Kettell's multifactorial personal methodology*, Rech, St. Petersburg.
- Nasledov, A. D. 2013, *IBM SPSS Statistics 20 and AMOS: professional statistical data analysis*, Piter, St. Petersburg.
- Abitov, I. R. & Nichiporenko, N. P. 2013, *Educational and methodical manual on the discipline "Psychology and pedagogy" for students (Methods Handbook)*, vol. 2, Kazan State Medical University, Kazan.

Vasiliy Vasil'evich Fomin, PhD (Law), Associate Professor, leading researcher at research department of the scientific center, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: editor62@yandex.ru

ON THE ISSUE OF PROFESSIONAL COMPETENCE OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS

Recommended citation

Fomin, V. V. 2020, 'On the issue of professional competence of law enforcement officers', *Man: crime and punishment*, vol. 28(1–4), iss. 1, pp. 128–132, doi: 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).1.128-132.

Abstract. Currently, the main problem in assessing the work of law enforcement agencies is the professional competence and reliability of employees. One of the main tasks is the professional selection, training, education and training of high-level professionals who are able to solve the entire range of problems faced by employees of the Penal system. Psychological preparedness of law enforcement officers is also important; it significantly increases the professional skills of the employee. The content of psychological training should be characterized by a clearly defined professional orientation, which will contribute to the growth of professional and psychological potential of a law enforcement officer. The features of professional development of law enforcement officers, their professional competence and legal culture, emotional and volitional stability, as well as some aspects of professional and psychological selection of candidates for service in institutions of the Penal system are discussed in the article. The importance of step-by-step formation of the main professional competencies that form the basis of readiness to perform tasks in law enforcement activity is emphasized

Keywords: employee qualification, professional competence, legal culture, emotional and volitional stability, probation of the candidate for service.

References

Chernenilov, V. I. (ed.) 2011, *Management psychology*, Academy of management of the MIA of Russia, Moscow.

Stolyarenko, A. M. (ed.) 2001, *Applied legal psychology*, UNITY-DANA, Moscow.

Zhuravlev, A. L. 2011, *Actual problems of socially oriented branches of psychology*, Institute of psychology of RAS, Moscow.

Busygina, A. L. & Sekletov, A. V. 2014, 'Professional competence of a law enforcement officer', *Izvestia of Samara Scientific Center of RAS*, vol. 16, iss. 2-1, pp. 38–40.

Dolinin, A. Yu. 2017, *Staff potential of the Penal system: assessment and development*, Academy of the FPS of Russia, Ryazan.

Gur'ev, M. E. 2015, 'Analysis of employee's professional competence of Internal Affairs bodies in legal psychology', in *Current issues of psychology, pedagogy and education: collection of scientific works on the results of the International scientific and practical conference*, pp. 203–208, Innovative center for education and science development, Samara.

Baykov, D. M. 2016, 'About some aspects of professionalism formation among employees of Internal Affairs bodies at the present stage of society development', *Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology*, vol. 5, iss. 4(17), pp. 55–58.

Научное издание

ЧЕЛОВЕК: ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Научный журнал

Редактор *А. Ю. Пертли*
Корректор *Т. Н. Русакова*
Перевод *О. Р. Белозерова*
Компьютерная верстка *С. В. Ануфриев*
Ответственный за выпуск *П. Н. Нестеров*

Подписано в печать 30.03.2020. Формат 70x100 1/16.

Бумага офсетная. Гарнитура Arial.

Печ. л. 9,75. Усл. печ. л. 9,07. Тираж 1500 экз.

Заказ № _____.

Редакционно-издательский отдел Академии ФСИН России
390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1

Отпечатано: Отделение полиграфии РИО Академии ФСИН России
390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1